

902-Е 634

М32

М. Массон

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО
АРХЕОЛОГА

634. 902.6

М. Е. МАССОН

M32

И-И

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО АРХЕОЛОГА

ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Имя. № 250218

АБОНЕМЕНТ

ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМЕНИ
ГАФУРА ГУЛЯМА
ТАШКЕНТ — 1976

Массон Михаил Евгеньевич.

Из воспоминаний Среднеазиатского археолога. Т., Изд-во лит. и искусства, 1976. (С) 176 с. ил. (О-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана).

В своих мемуарах академик АН Туркменской ССР, заслуженный деятель науки УзССР, профессор М. Е. Массон рассказывает об археологических исследованиях в Средней Азии в первые десятилетия существования нашего советского государства.

902. 6(С52)

М 80102—30
352(06)—76 149—76

© Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1976 г.

ОТ АВТОРА

Поскольку мне, начиная уже с 1912 г., пришлось вплотную иметь дело с памятниками материальной культуры прошлого Средней Азии, меня за последнее время все чаще и чаще просят поделиться своими воспоминаниями о бывших археологических исследованиях за первые десятилетия сложения нашего Советского государства. Попутно у молодежи возникает вопрос, когда, под влиянием чего у меня пробудился интерес к местной археологии. Иными словами, как я нашел свое призвание к служению народу через эту отрасль исторической науки, чему посвятил свыше шестидесяти лет своей жизни. За эти более чем полувека мне пришлось поработать во всех наших среднеазиатских республиках и на территории Южного Казахстана. Последний входил одно время в состав Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, после же национального размежевания Средней Азии он на протяжении нескольких лет продолжал обслуживаться Среднеазиатским комитетом по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис) вплоть до его ликвидации в 1929 году.

Из-за загруженности разнообразной

исследовательской работой я при оформлении данного научно-популярного издания вынужден ограничиться пока воспоминаниями о трех своих одновременных экспедициях по Узбекистану 20-х и 30-х годов, предпослав им краткое вступление о своем «рождении» как среднеазиатского археолога.

В качестве темы первого очерка мной избрана небольшая археологическая разведка в Тойтубе в 1928 г. Она осуществлялась по линии бывшего тогда в Ташкенте и созданного в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции Главного среднеазиатского музея. Об его повседневной конкретной работе теперь мало что известно даже специалистам. Между тем на деятельности Главного среднеазиатского музея сказался самый стиль жизни 20-х годов, господствовавший в нашей стране. Отдельные характерные моменты из повседневной его работы, обычно скрытой от массы посетителей, я постарался попутно отразить в самом начале своего изложения с противопоставлением обстановке дореволюционного прошлого.

Второй очерк посвящен археологической разведке развалин урочища Айрытам в южной части УзССР в 1933 г., когда мной впервые был поставлен вопрос о вхождении некоторых районов правобережья Аму-Дарьи в состав государства «Великих кушан». Эта выдвинутая нами проблема свыше десятилетия не получала признания, а комплекс добытых в Айрытаме археологических объектов приписывался более ранней поре Греко-Бактрийского царства. Позднее, прилагая пущенный в научный обиход не очень удачный термин «кушанская керамика» к широко распространенным в Средней Азии различным группам неглазурованной гончарной утвари первых веков н. э., некоторые авторы стали относить к владениям Кушанского государства Согд и еще более северные области вплоть до Ташкента и даже включая Фергану и Хорезм. В последние годы ряд советских исследователей, признавая справедливость выдвинутой нами свыше 40 лет назад проблемы кушан в Советской Средней Азии ограничивают входившие в состав их обширных владений только самые южные области современных УзССР и ТаджССР. Напомнить нынешним читателям изначальный момент этой научной дискуссии вполне уместно.

Последний раздел связан с новым видом деятельности советской науки, а именно археологическим наблюдением на начавшихся в нашей стране после ликвидации интервенции новостройках. Инициатива постановки таких наблюдений исходила от Узбекистана. Впервые она получила осуществление в 1923 г. при проведении узкоколейной городской железной дороги в Самарканде, а затем подобный же надзор длился несколько лет на строительстве в Старом Ташкенте. Осенью 1932 г. в этом направлении были предприняты шаги Государственной

Академии истории материальной культуры в Ленинграде. С 1933 г. она стала практически проводить в предварительном порядке археологическое изучение территорий, где намечалось развертывание капитального строительства, и при этом за счет осуществлявших его организаций.

В 1939 г. на долю Узбекистана выпало впервые в СССР срочное осуществление археологического надзора в условиях скоростного народного строительства Большого Ферганского канала (БФК) без всякой возможности предварительного систематического изучения в археологическом отношении районов вдоль его намеченного гигантского русла протяжением 265 километров, проходившего по территории восемнадцати районов трех республик: Киргизстана, Узбекистана и Таджикистана. Совершенно новые организационные формы археологической экспедиции на БФК, где приходилось вести наблюдения за свыше чем 130 тысячами землекопов, работавших одновременно в течение несколько более намеченных 45 дней, и накопленный при этом нами опыт в дальнейшем послужили образцом для осуществлявшегося археологического надзора на других аналогичных скоростных стройках. Самый же процесс создания Большого Ферганского канала, проходивший при необычайном подъеме энтузиазма привлекавшихся к этому людских масс, на всю жизнь оставил у участников строительства неослабимые ощущения.

Во всех трех перечисленных очерках, столь разных по своему содержанию, помимо сообщения ряда научных фактов, в известной мере отражены некоторые специфические трудности среднеазиатских экспедиционных археологических работ 20-х—30-х годов в тогдашней обстановке, которые давно отошли в прошлое и которых нет у современных работающих в поле археологов Узбекистана.

РОЖДЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО АРХЕОЛОГА

Как-то раз больше четверти века назад мне пришлось услышать от одной моей ученицы оброненную ею фразу: «В Самарканде самое живое—его мертвая старина». Мысль, конечно, и тогда была не верна. Но в какой-то мере в ту пору в удачной образности отказать ей было нельзя.

В дореволюционное время небольшая новая европейская часть Самарканда представляла собой в основном уютный и опрятный чиновничий городок без чего-либо особенного, экстраординарного, яркого, значительного, живого, интересного, что могло бы захватить и увлечь молодежь. Старая часть Самарканда (или, как говорили, «старый город») в большей мере отражала экономическую сторону городской жизни, поддерживавшейся отделением различных банков, с лихорадочной деятельностью в погоне за наживой крупных торговых фирм и оживленной базарной розничной торговлей. Но во внешнем виде, в силуэте и планировке здесь довлела «старина».

Она была его спецификой.

Многие века существования как бы превратили Самарканд в город древностей. Здесь после завоевания Туркестана русскими войсками начаты были первые в крае археологические раскопки. Здесь с замершего в XIII в. городища Афрасиаба и с ближайших окрестностей ежегодно после весенних размылов и при производстве различных земляных работ извлекалось большое количество мелких и крупных объектов древнего инвентаря. Здесь уже в 1874 г. сложился, правда недолго существовавший (до 1883 г.), первый в Средней Азии

археологический музейчик. Его возродили потом в 1898 г. Поступавшие же на базар археологические находки при наличии определенного спроса со стороны лиц, ехавших в край на жительство, и многочисленных туристов, породили своеобразный и бойкий антикварный рынок с его неизбежным злом — фальсификацией предметов старины. Этнографической глазурированной утвари, изготовлявшейся современными куляями — керамистами, путем проваривания в жирной воде со всякими добавками искусно придавался старинный вид. Облицовочные глазурированные персидские плитки с различными изображениями, чаще всего эпических героев, с этой же целью промывались в особых растворах и подвергались после прокаливания обработке путем втирания в мелкие трещинки — кракляюры какого-то буроватого порошка. Наиболее искусно занимался подделкой бухарский еврей-антиквар Давид Юсупов. Брезговал всем этим, кажется, один Шакарьянц, грёнёр и одновременно скупщик всяких «антиков», которые он увозил за границу при своих ежегодных выездах за греной в Грецию, Италию и другие страны Западной Европы.

Наиболее талантливым и предприимчивым фальсификатором из коренного населения был, несомненно, вообще очень способный Сабир, подделывавший преимущественно местные древности. Ему особенно удавались так называвшиеся «домусульманские» терракотовые фигурки. Раздобыв несколько древних глиняных форм — калыпов для их оттискивания, он изготовлял ими новodelы собственного производства, причем достиг в искусстве их подделки большого совершенства. Продавал их Сабир по «сходной цене», беря за изображение животного от 20 копеек и меньше, а за статуэтки с фигурами людей от 50 копеек до 1 рубля. В результате его продукция получила широкое распространение и представлена почти во всех музеях, коллекционировавших с конца XIX столетия предметы среднеазиатской старины, включая и Эрмитаж. В последний они поступали в числе сборов профессора Н. И. Веселовского, который при своих посещениях Самарканды всегда скупал на базаре немало археологических предметов, а вместе с ними и некоторые объекты продукции Сабирова, не подозревая их подлинного происхождения.

Очень успешно на антикварном рынке Самарканды шла продажа фальсификатов древних монет. Не ограничиваясь

привозом их преимущественно из Персии, Пешавера, Пондишери, Бомбея и учитывая местный спрос, здешние «антикачи», одновременно чаще всего бывавшие и добротными гидами по памятникам, изготовляли литые греко-бактрийские монеты и вообще так называвшиеся «домусульманские», как наиболее ходкие среди покупателей-европейцев. Особенно много было выпущено таких подделок крупных греко-бактрийских тетрадрахм двух типов Евкратиды Великого (около 175—156 гг. до н. э.). Специально самаркандскую особенность составляла подделка больших и малых иерусалимских монет — шекелей II в. до н. э. Они были довольно грубого литья, но охотно брались местными бухарскими евреями не как мнимые древние нумизматические объекты, а в качестве медаллонов со священными в их глазах изображениями и текстами, исполненными буквами древнееврейского алфавита. Попадались же на них туристы, часто отличавшиеся большим доверием к базарным гидам. Среди последних перед самой революцией пользовался наибольшей популярностью Хаджи Хаджимурадов, вызывавший к себе сразу же уважение у туристов тем, что заявлял о своем личном знакомстве с художником В. В. Верещагиным, которому он якобы позировал для его картины «Дверь во дворец Тамерлана в Самарканде», «если господа — тюрки знают эту картину». «Тюрки» спешили заявить, что они ее помнят и действительно узнают в одном из двух воинов его, Хаджимурадова. Почтение завоевывалось, и никому, кажется, из туристов в голову не приходило, что, когда в 1868 г. Верещагин рисовал это свое произведение, Хаджи Хаджимурадова не могло быть еще на свете. Во всяком случае, такого рода представлением при первом знакомстве он много способствовал успеху в подсовывании туристам всяких подделок, пользуясь удачной обстановкой рассеянного внимания во время осмотра ими местных достопримечательностей.

В Самарканде же сложились из бесчисленных находок подлинных археологических объектов и наиболее крупные местные археологические и нумизматические частные коллекции прошлого столетия — Безукладникова, Фадеева, Петрова-Борзны, Барщевского — и нашего века — у инженера Пославского, инженера Кастальского, художника Столярова, Вяткина. Этих разных профессий людей, до приезда в Самарканд не имевших к археологии ника-

го касательства, превращала в коллекционеров-антикваров и археологов-любителей сама обстановка, сред. и особенно хорошо известные старинные архитектурные памятники.

На них вырос и я.

Не заметить их было невозможно. Относились же к ним до революции по-разному. В 70-х и 80-х годах иногда использовались попадавшие кое-где заброшенные старинные мраморные надгробные плиты на выстилку ступеней, барьерчиков и мостиков в европейской части города. Немало было употреблено на новое строительство прекрасных старинных жженных кирпичей порой с разбором последних остатков руин от былых зданий. Растаскивались элементы изразцовых декораций, иногда подносившиеся на память «высоким гостям» и иностранцам. Последние, как, например, англичанин Генрих Ленсдель (1884 г.), не стеснялись даже в печати выражать благодарность за доставленную возможность увезти с собой различного рода самаркандские изразцы. В конце прошлого столетия в европейской части был между прочим небольшой домик, «владелец-варвар» которого употребил для украшения двери на фасаде изразцы одного из памятников.

Наряду с такими случаями известны и мероприятия по ремонту и охране их от разрушения. При отсутствии специального государственного учреждения, ведавшего бы подобными вопросами, некоторые из такого рода начинаний не шли дальше бумажных предписаний администрации.

При всем том представители старых туркестанцев из числа русской интеллигенции ценили эти памятники и любили их посещать по воскресным дням, особенно группу мавзолеев в ансамбле у чтимой могилы Шах-и Зинда с прекрасным сквером около них. Сюда приезжали целыми компаниями на нескольких извозчиках, как на пикник, и оставались там по нескольку часов. Памятники осматривались с корректной выдержкой, без неуместных, претендующих на остроумие замечаний, с вниманием к даваемым объяснениям или шейха или собственного гида из числа участников экскурсии. На нас, детей, чинность, благопристойность, тишина, опрятность внутри помещений производили особенное впечатление. Вдоволь налюбовавшись прекрасными орнаментами, мягкими красками внутрен-

ней настенной живописи и яркостью изразцовых облицовок, спускались вниз и в саду близ чайханы располагались на паласах и коврах прямо на земле, чтобы выпить чаю и закусить привезенной с собой снедью. Спиртных напитков при этом не полагалось.

В моей памяти пятилетнего ребенка первое знакомство с «Шахзиндой» было омрачено неприятным происшествием, когда около меня не очень довший взрослый участник экскурсии опрокинул, споткнувшись, кипящий самовар и ошпарил к счастью только мою левую руку от плеча до кисти. Снимая с меня матроску, сорвали несколько вскочивших от ожога пузырей. Было больно, но я не плакал и терпеливо перенес процедуру сплошной заливки руки яичными белками, которую проделал над мной старый симпатичный чайханчи. С забинтованной рукой, не думая о зуде, ехал я вечером домой, молча сидя на маленькой скамеечке фаэтона, совершенно очарованный всем виденным и подавленный слышанными объяснениями, из которых до меня дошло только кое-что. Впечатление чего-то незабываемо чудесного прочно запало в душу ребенка. Как передавали потом взрослые, по ночам во сне я бредил не раз мавзолеем «Шахзинды», связывая их с содержанием прочитанных мне сказок Шахерезады.

Мне очень часто после того приходилось бывать на городище Афраснаба, на разных архитектурных памятниках, в том числе и на так сразу поразившей меня «Шахзинде». Особенно памятно мне посещение, когда мы, гимназисты младших классов, увлеклись игрой в римлян и карфагенян. «Шахзинда» считалась центром территории Карфагена. «Римляне» вели очень энергичное наступление. Мне, одному из главарей «карфагенян», пришлось быстро мчаться, скрываясь от врагов к «своим», чтобы предупредить их о замеченном обходе «неприятелей». Опасность надвигалась катастрофически быстро. Я бежал по древнему мусульманскому кладбищу, не обращая внимания под ноги... и вдруг провалился под землю, ударился со всего размаху ногами в какой-то трухлявый сводик, пробил его и очутился в довольно глубокой яме сидящим на костях скелета. Первая пришедшая в голову мысль была о судьбе моего отряда, который теперь без предупреждения, конечно, неминуемо попадет в плен. Когда пыль несколько улеглась, я понял, что сперва свалился в сравнительно недавнего происхождения яму, а ватем попал в более

древнюю могильную камеру. Надо мной голубело чудесное весеннее небо. Фанерный щит надломлен, дощатый книжка куда-то пропал, а деревянный меч цел. Выбраться самостоятельно я не мог, но чтобы не выдать своего местонахождения и не быть захваченным «римлянами», я молчал, сжимая рукоять моего единственного оружия. Прошло, как мне казалось, около часа, а вероятно меньше, когда с разных сторон почти одновременно стали раздаваться крики «карфагенян» и их врагов: «Мика! Мика! Где ты? Отзовись!» Я откликался, но, видимо, звуки из глубины доходили наверх слабо. Прошло минут пятнадцать — двадцать, когда мое убежище было наконец обнаружено. Притащили веревки и с их помощью вытащили меня наружу. Я захватил в карман из могилы несколько фрагментов керамики грязно-голубой поливы с черным орнаментом. Их я увез с собой домой и позже понял, что они принадлежат монгольской эпохе. Взрослые шутили, что я получил «археологическое крещение» в пыли древней могилы.

В действительности оно произошло раньше, и моим «крестным отцом» в археологии Средней Азии был археолог-любитель, бывший учитель русско-туземных школ, затем чиновник Самаркандского областного правления Василий Лаврентьевич Вяткин. Он сразу покорила меня своей сократовской внешностью, небольшой, но могучей кряжистой фигурой, манерой держаться с особым простым достоинством, глубоким басом-профундо и знанием такого, о чем прочесть было негде.

Это было во время экскурсии гимназистов в музейчик при Областном правлении. Он занимал всего одну комнату в конце коридора и был заставлен, набит, завешен, захламлен самыми разнообразными объектами без особой систематизации. Здесь находились: справа в углу большая картина С. М. Дудина «Дервиш»; рядом под стеклянным колпаком стояло чучело горного козла; на стене висели чучела птиц; под ними на столе помещалась маленькая модель известковой обжигательной печи, за ней располагались картоночки с нашитыми на них мелкими металлическими предметами с городища Афрасиаба (часть коллекции Барщевского); посреди комнаты выселись громоздкие черные «пирамиды» со стеклянными стаканчиками, в которых находились образцы зерен с разных концов России, присланные для посева на опытном поле.

На столах лежало несколько кирпичей, резные неполновинные плиты, изразцы с мавзолея «Ишрат-хана» и еще какие-то археологические предметы. В плоских наличниках под стеклом на вате покоились образцы полезных ископаемых с безнадежно перепутанными этикетками. В комнате было затхло, сыровато, пыльно, чуть таинственно от спущенных темных штор и нагромождения не всегда понятных предметов. В музейчике не было ни одного целого объекта или хотя бы черепка местной средневековой глазурованной керамики.

Экскурсию сопровождал сам директор гимназии статский советник Василий Демьянович Крымский. Было не более двадцати человек гимназистов. Нас принял в поношенном мундире с отнюдь не сверкающими металлическими под серебро пуговицами сам В. Л. Вяткин, считавшийся тогда хранителем музея без всякого оклада. Я смотрел на его черную бороду, огромную бородавку, крупный широкий лоб, казавшийся еще большим из-за лысины, слушал внимательно объяснения, но от волнения многое пропускал, занятый собственными мыслями.

«Он все знает. Все!» — думалось мне по выходе из полутемного помещения на залитую ярким солнцем Ургутскую улицу. И слушая потом мой рассказ об экскурсии в музей, меня перебивали словами:

«Да что ты все о Вяткине да о Вяткине. Ты говори, что было в самом музее».

А о том, что там было, мне не очень хотелось делиться по разным причинам. Во-первых — я многое прослушал; во-вторых — кое-что из объяснений не понял, а в-третьих — там произошел инцидент, о котором я не любил вспоминать, щадя честь своей гимназии. Дело в том, что, несмотря на присутствие директора, несколько гимназистов, проходя мимо рабочего столика с рассыпанными на нем медными монетами, решили, по мальчишеству, взять часть их в качестве сувенира о посещении музея. Пропажа была установлена вскоре же после нашего ухода. Областное правление поставило об этом в известность директора гимназии, и большую часть «исчезнувшего» удалось быстро отобрать у виновников. Не нашлось всего два или три кружка. Но мне было ужасно стыдно и обидно за поведение моих товарищей в «храме науки», каким я воспринял тогда по своей неопытности кунсткамерный музейчик Статистического комитета Самаркандской области.

Последствием же было то, что больше директор не решался водить туда гимназистов на экскурсию во избежание подобных инцидентов.

В 1908 и 1909 годах мне пришлось бывать на производившихся тогда В. Л. Вяткиным раскопках загородной обсерватории XV в., построенной по распоряжению Улугбека. Только много позднее оценил я всю прелесть тамошнего пейзажа с проносащим прозрачные струи арыком Оби-Рахмат, протекающим здесь по живописно извиляющемуся ложу вдоль каменистого южного склона возвышенности Чупан-ата. Тогда же меня целиком захватили сами земляные работы. Мы благоговейно ходили по неправильным кривым и неровно прокопанным грязным траншеям. Спускались по ступенькам из жженных кирпичей в глубокую щель, в которой видели два дугообразных барьера с уложенными на них мраморными плитами гигантского астрономического измерительного прибора, как тогда определяли—квадранта. Запомнилась гряда изразцовых кирпичиков, в частности черного цвета, и кусков майоликовых плиток. Видели мы вскрытую в нескольких местах круглую стену, опоясывавшую почти всю вершину холма обсерватории. Слушали неторопливые объяснения В. Л. Вяткина, из которых запечатлелся особенно ярко эпизод, как перед началом работ окрестные женщины-мусульманки не позволяли копать на месте руин обсерватории, считая, что тут священное место «Чильдухтарон», где якобы погребены легендарные сорок дев. В доказательство указывали на как бы кирпичную суфу с нишей—чирагдоном для возжигания в честь чтимых покойниц свечей и светильников. Споры под конец перешли в драку, при которой, не позволяя себе, по обычаю, как мужчинам, оказывать активное сопротивление женщинам, пострадавшими оказались рабочие. Только приезд пристава, волостного управителя—таджика и двух местных аксакалов уладили «бабий бунт», и раскопки вскоре же документально опровергли версию о могилах пресловутых дев. А вообще в самих беспорядочно разбросанных, иногда пересекавшихся траншеях я ничего не понимал, и от этого росло и усиливалось все больше преклонение перед В. Л. Вяткиным, который, казалось, наоборот все понимает и предвидит.

Позднее он стал иногда брать меня по воскресеньям на свои раскопки городища Афрасиаба. В другие дни он был

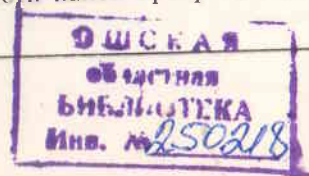
занят по службе и мог ходить на археологические работы только во время своего отпуска, дававшегося раз в три года и проводившегося им безвыездно в Самарканде. Я рано поутру заходил на его квартиру по Петровской улице в доме № 8, отказываясь от чая, терпеливо ждал, когда Василий Лаврентьевич напьется и поест, а затем мы оба пешком пускались в неблизкий путь через крепостную эспланаду. На городище нас поджидало двое или трое рабочих, из которых одним неизменно бывал верный поисковик Абду Вахид кукнари. Мы осматривали, что сделали они за последние дни, стояли около них часа три-четыре; затем, забрав с собой наиболее интересные находки и выдав авансом рубля три вперед, уходили домой через весь старый город. Тут при появлении В. Л. Вяткина его во многих местах с почтением приветствовали бородатые местные жители, складывая у живота руки и слегка наклоняясь вперед. По дороге В. Л. Вяткин заглядывал всякий раз на книжный рынок, просматривал старинные рукописи и восточные литографии. При покупке их он торговался недолго: продавцы ему уступали быстро.

В будни я посылался самостоятельно смотреть за рабочими, в чем сами они, пожалуй, не очень нуждались. Никакой особой методики при раскопках не применялось. Копали часто в том месте, которое намечал по своему выбору поисковик Абду Вахид. Доходили до пола помещения, расчищали его внутри, выбирали предметы без всякой документации и доставляли их на квартиру В. Л. Вяткина. Мои функции больше походили на обязанности десятника. Скорее я больше учился у опытных поисковиков и, во всяком случае, с большим вниманием прислушивался к тому, что они говорили во время работы и в часы отдыха по поводу своей «археологической» практики. Чего только при этом не произносилось поучительного и бесполезного, смешного и печального.

«Всёкое в этих рассказах найдешь:
Поругутая правда и ложь».

Только вот это была правда.

Как-то раз работавший у Василия Лаврентьевича Усман Кадыров, занятый, как и многие наши землекопы, мыслями о возможности найти при раскопках золото, уви-

дел очень реальный сон, что ему встретишься во вскрывавшейся комнате врытая в пол глиняная корчага-хум, набитая серебряными монетами. Придя утром на раскоп, он поделался своим сновидением. Все, включая и Абду Вахида, отнеслись к этому со спокойным скепсисом. Каково же было изумление, когда часа через два в траншее Усмана в полу действительно обнаружился хум. Начался ажиотаж. Все остальные работы оказались приостановленными. Мардикеры наперебой предлагали Кадырову свои услуги но тот решительно отклонял всякую постороннюю помощь, обкапывая и расчищая корчагу сам под жадными взглядами остальных. По мере выкида чистой земли из внутренности хума настроение нетерпеливого ожидания у всех падало все больше и больше. Посыпались ядовитые и не очень пристойные остроты по адресу Усмана. Тот, приближаясь к дну корчаги, и сам начинал понимать, что большого серебряного клада, видимо, нет, но в глубине души все еще надеялся, что, может быть, на самом дне лежит хоть несколько монеток. Через несколько минут развеялась и эта надежда.

И тем не менее, сон оказался «в руку» и пророческим. Вернувшись разочарованным домой, Кадыров получил известие от родственников его бездетного и проживавшего в Катта-Кургане дяди, что тот умер и оставил ему в наследство 2000 бухарских серебряных тенег, ходивших в то время по установленному русским правительством курсу в 15 копеек.

Мой бескорыстный труд и археологические интересы однажды были удостоены со стороны В. Л. Вяткина вещественным поощрением. Как-то я занес ему очередную партию черепков. Он принял меня в хранилище своей коллекции. Это была среднего размера комната при доме с отдельным входом из черной передней. В ней было только одно окно против двери. Вдоль стен высились почти до потолка грубо обделанные деревянные неокрашенные полки—стеллажи разных размеров и фасонов. В середине стояли два стола, использовавшиеся в домашнем быту для хозяйственных надобностей. Далеко не все могущие быть собранными из фрагментов археологические объекты были склеены. Догипсованных же почти не имелось. Предметы клались и ставились на полки стеллажей без всякой попытки создать какую-либо экспозицию. Одни чашки стояли вертикально отдельно. Другие — лежали

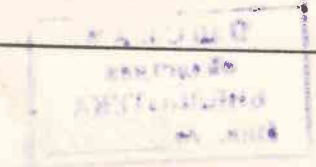
друг на друге стопочками. Не было никакого этикетажа, и на самих объектах не имелось никаких шифров или пометок об их происхождении. Об этом помнил только сам владелец, укладывавший их на полках по месту нахождения от одного вбитого гвоздика до другого. Со временем кое-что забывалось. Гвоздики исчезали. Некоторые предметы оказывались сдвинутыми, переложенными по ошибке в другое место самим археологом или хозяйничавшей в этой комнате на равных правах с ним кухаркой. И часто случалось, что Василий Лаврентиевич никак не мог отыскать затерявшихся где-то археологических объектов. Последние иногда и совсем исчезали. Был случай, когда курица, сидевшая в этой же комнате на яйцах, чего-то испугавшись, вскочила на одну из полок и перебила в стопочке пять предметов. Чтобы «Вася» не сердился и зря не огорчался, женой Вяткина, веселой хохотушкой Елизаветой Афанасьевной, весь получившийся археологический бой был сметен на совок и спущен в помойную яму. К такому способу оберегать археолога от лишних волнений в доме, к сожалению, прибегали нередко.

В этой же свещенной для меня комнате, где от недостатка света, а еще больше от пыли и беспорядка мало что можно было детально разглядеть, и стоял я в памятный для меня день получения неожиданной награды, когда Василий Лаврентиевич, потянувшись за одной целой, лишь чуть надтреснутой неглазурованной чашкой «домусульманского периода», достал ее и сунул мне в руку со словами:

«Ну, это вот тебе. В награду». У меня задрожали от восторга ноги. В чашке лежали еще два обычных, более поздние средневековые светильника зеленой поливы с отбитыми ручками.

Радостный и преисполненный гордости торжественно нес я эти археологические предметы домой, сделав большой крюк, чтобы пройти с ними по двум главным улицам — Катта-Курганской и Кауфманской (бывшей Константиновской) — и далее через «Старый парк» в надежде встретить «понимающих людей» или хотя бы гимназистов, которые могли бы как-то отреагировать на благоприобретенную награду. Дома я поставил все предметы на своем маленьком письменном столике и тотчас принялся за их «усовершенствование».

Правильно оценивать вещи я не умел. Предметы «домусульманской» неглазурованной среднеазиатской кера-

мики в то время из-за полного их незнания местными коллекционерами ценились мало. Только теперь, вспоминая подаренный мне объект, я понимаю, что являлся тогда обладателем согдийской чаши непосредственно пред-арабского периода. Тогда же она представляла для меня, как и для всех, полную загадку. Вяткин же не говорил, как нужно обращаться с предметами старины, как и вообще ничему не учил по части археологии. И вот по невежеству я прежде всего, вооружившись рашпилем, сточил у чирагов остатки сколотых ручек, зачистил все ровненько и закрасил обнаженную от глазури поверхность зеленой акварелью. Затем, считая, что неглазурованная чаша выглядит очень скромно, я по иллюстрации в одной из книг раскрасил ее орнаментами в стиле древних критских ваз. Только года три спустя я сам дошел до понимания нелепости сделанного и всеми способами пытался смыть и очистить собственную акварельную роспись, что мне в известной мере и удалось, за исключением удаления красной краски, глубоко проникшей в поверхность сосуда и оставившей бледные розоватые пятна на его общем желтовато-сером фоне. А еще через несколько лет я отвез все три предмета в Петроград в подарок пожилому любителю астрономии, минералогу и композитору Василию Васильевичу Ястребцеву, другу Н. А. Римского-Корсакова, биографию которого он тогда писал. Сам же я с тех пор по принципиальным соображениям никогда в жизни не собирал собственной археологической или нумизматической коллекции.

Авторитет В. Л. Вяткина еще больше вырос в моих глазах, когда приехал из Парижа для изучения ягнобского языка в связи с составлением первой согдийской грамматики французский ученый лингвист Готье. Часами просиживал он в квартире самаркандского археолога, ведя с ним оживленные беседы на персидском языке, и все что-то временами записывал с его слов в свои экспедиционные тетради. «Русский француз учит», — не без гордости делился я своими впечатлениями с другими гимназистами. Некоторое время спустя разразилась первая мировая империалистическая война, и, услышав о ней, французский ученый спустился с гор из Ягноба в Самарканд, кружным путем через Персию добрался до Парижа, будучи лейтенантом запаса, вступил в ряды армии и вскоре же погиб под Верденом.

Особенно я был преисполнен гордости за своего учителя в 1916 г., когда командированный в Туркестан академик Василий Владимирович Бартольд, его супруга, сестра профессора В. А. Жуковского и Василий Лаврентьевич как-то сидели вечером во дворе у Вяткина за чаем под развесистыми карагачами. Оба, ориенталист и археолог, непрерывно говорили между собой, перескакивая с одной темы на другую. Вопросов, видимо у обоих накопилось много. Я, расположившись на конце стола, молча и внимательно слушал. И вдруг замечаю, что Василий Владимирович явно смутился. Еще немного, и он стал выспрашивать у Вяткина разные подробности о жизни какого-то шейха. Под конец он признался, что ничего из услышанного раньше не знал, допустил в своей работе неумышленную ошибку, признает правоту Василия Лаврентьевича и оговаривает все это при подходящем случае в следующих своих публикациях.

Этот эпизод потом с большим преувеличением был воспринят многими самаркандцами-патриотами, договорившимися до того, будто В. В. Бартольд приезжал чуть ли не учиться у самаркандского археолога.

Но уже за несколько лет до того меня сильнее всего влекли к себе сами чудесные самаркандские архитектурные памятники. Я читал о них все, что мог достать. По многу раз ходил я слушать объяснения, которые во время различных экскурсий давал В. Л. Вяткин, и записывал все слышанное. Я зарисовывал отдельные орнаменты даже в красках, производил для себя обмеры менее изученных памятников, изготовлял их схематические планы, снимал встampaжи с надписей, записывал данные опроса населения. Меня, сперва с моим черненьким ишачком Джимбой, которого затем сменил новенький полудорожный велосипед марки «Россия», вместе с неизменным спутником, крупной собакой Гопом или Гопкой (помесью овчарки с дворняжкой) уже хорошо знали шейхи мавзолеев и обитатели медресе, как серьезного молодого человека с ключом Мика-бай, ничего не портящего на памятниках и усердно работающего над изучением прошлого. Я допускался мусульманским духовенством в такие места и помещения, куда вход был разрешен не всем. В результате в моей памяти и в записных книжках накопился довольно значительный по объему и несколько сумбурный по содержанию запас всяких сведений о самаркандской старине.

От очень многого мне приходилось впоследствии отказываться как от воспринятого слишком некритично. Уже в 14 лет я написал (но, разумеется, не опубликовал) «строгую» рецензию на те страницы в томе 1 сочинения Вермана «История искусства всех времен и народов», где автор со слов Зденки Шуберт фон Зольдерна дал описание самаркандских памятников. При этом я наглядно убедился, как плохо знали их западноевропейские специалисты по сравнению с русскими.

С 1912 г. я уже начал самостоятельно водить экскурсии по местным памятникам. Делалось это, разумеется, без всякого вознаграждения, почему здешние базарные гиды, в большинстве глубокие невежды в истории, не чувствовали во мне конкурента и относились, равно как и лавочки-антикачи, с достаточным уважением. Некоторые из них иногда даже обращались ко мне за всякого рода консультациями.

Меня использовали, когда В. Л. Вяткина не было в городе или в помощь ему, когда состав приезжих экскурсантов был более или менее многочисленным. В некоторых случаях за мной присылали в гимназию из Областного правления или прямо из губернаторского дома полицейского в экипаже с запиской на имя директора, чтобы гимназиста Массона отпустили для сопровождения по памятникам таких-то лиц. Когда это совпадало с какой-либо письменной классной работой, то, закрывая тетрадь с неоконченным проверочным сочинением или с контрольной по математике, я не без чувства некоторой гордости покидал моих товарищей, обреченных до звонка на скучное сиденье в классе. С особенным удовольствием я проводил в течение четырех дней экскурсию киевских гимназистов шестого и седьмого классов, которые при первой встрече своего собрата-гимназиста, представшего перед ними по назначению в качестве руководителя, презрительно фыркали, перебрасывались между собой анонимными ядовитыми репликами и пытались говорить мне в глаза колкости. Все изменилось тотчас же, как мы побывали на Гурь-мире. К концу четвертого дня никто уже не пытался даже обращаться ко мне на «ты». Я их провожал на вокзал. Перед отходом поезда у меня заболела кисть правой руки от искренних гимназических рукопожатий. Меня горячо благодарили, звали к себе в Киев и признавались, что среди их гимназистов нет такого знатока

киевских памятников. Мне удалось поддержать честь Самаркандской гимназии.

Проходил я по памятникам и с иностранцами, наблюдая с интересом, как по-разному ведут себя представители той или иной нации. Немцы молча и добросовестно выслушивали все, что им говорилось, и покорно лазили всюду, куда я их таскал. Затем после нескольких вопросов они, испросив моего разрешения, снимали пиджаки, доставали всякие булочки, бутерброды, вареные вкрутки, ийца, колбасу, ветчину, фрукты и тут же на памятнике, не обращая на него внимания, весело принимались за поглощение припасенных заблаговременно продуктов. Оживленные подвижные итальянцы пропускали мимо ушей сообщавшиеся мной даже краткие исторические сведения об объекте, подходили ко мне, отходили, переспрашивали по нескольку раз одно и то же и торопились сфотографироваться, гадя и живописно разместившись на памятнике в окнах, в дверях, на лестницах, карнизах, на крыше. Чопорные англичане, как бы делая одолжение, спокойно слушали устные объяснения, сверяя все сказанное с текстом «бедекеров» или других путеводителей на английском языке, вступая в спор при всяком даже незначительном расхождении с моими словами и неохотно сдавая свои позиции при уличении английских авторов в сообщении явно неверных данных. Некоторое оживление в их среде проявлялось только в Шахи-Зинда, причем слышались пожелания с упоминанием Альгамбры.

Нет, гимназист Массон отнюдь не был «сухарем-педаантом» и «ученого» из себя не корчил. Наряду с увлеченным интересом к памятникам он мог на спор со ставкой в 20 пирожных залезть на наклонившийся тридцатидвухметровый минарет медресе Улугбека, сесть на самый край его верхней площадки, свесить ноги, наклониться и просидеть так 15 минут. Однако, выиграв пари, он был лишен возможности использовать целиком весь свой выигрыш из-за слишком больших размеров самих пятикопечных пирожных кондитерской Самсонова, помещавшейся на Клауфманской улице.

Но, конечно, в основном налицо было серьезное увлечение самаркандскими архитектурными памятниками. Он их любил и даже по-особенному обожал. Не раз, устав от визитов или от встречающихся в жизни каждого человека трюкачества, устремлялся я под вечер к своим па-

мятников. Мне больше всего нравилось уединяться на мечети Биби-ханым. В то время существовал еще довольно опасный «лаз» снизу на южный устой портала главного здания. С риском упасть добирался я до начала внутренней винтовой лестницы граненого минарета, поднимался по ней на полуразрушенную порталную арку, ложился животом на гребень ее замковой части и то открывал, то закрывал глаза. Внизу совершали свой вечерний лёт стрижи и ласточки. От ветра порталная арка то чуть отходила назад к куполу, то подавалась вперед, временами казалось, что она вот-вот рухнет на кроны растущих во дворе деревьев тута — шелковицы, и ты упадешь вместе с ней.

Знание прошлого памятника, знакомство с современными ему миниатюрами, легенды, окутывавшие здание поэтической дымкой, создавали особое настроение. И в полудреме — в полугаллюцинации воображение воспроизводило очень живо первоначальный образ мечети. Почти реально слышался чудесный звук отворявшихся бронзовых створок главных ворот. Через них толпы людей с легким шумом и шелестом бесчисленных шелковых халатов вливались в обширный двор, где выстраивались ровными параллельными рядами, как арабские воины первых веков ислама. Начиналась молитва, которой руководили несколько хальфа, стоявшие на возвышениях в разных местах. А по окончании торжественной пятничной молитвы из главного здания выходит с блестящей свитой правитель...

Потом все исчезает...

Внизу между деревьями виднеются лишь туго натянутые разноцветные шелковые нити, которые развесил здесь соседний кустарь. Стрижи и ласточки уже отлетали.

Темнеет. Пора уходить.

И осторожно спускаясь уносишь в душе какое-то отрадное ощущение как бы живого общения с памятником.

Да, гимназист Массон очень любил самаркандские памятники и на архитектуру других стран смотрел, преломляя ее через них. Когда ему пришлось в 7-м классе делать как-то вечером в гимназии по недавно тогда введенному графом Игнатьевым курсу «Античной культуры» доклад на тему «Архитектура древней Греции», он сделал его как будто неплохо. Но преподаватель — классик и латинист Семен Федотович Марченко был очень шокиро-

ван слишком частыми параллелями с мусульманскими памятниками среднеазиатских зодчих.

Принимая в своем кабинете меня, кандидата на получение золотой медали за окончание гимназии, директор В. Д. Крымский, уперев левую руку в бою и покачивая седой головой, с отеческой укоризной упрекал меня: «Ведь вы такой способный, талантливый молодой человек и занимаетесь археологией — стариковским делом».

Вариации высказываний на эту тему мне много раз приходилось выслушивать с разных сторон, в том числе и дома. В результате по окончании Самаркандской мужской гимназии мной было подано заявление в Петроградский политехнический институт имени Петра I с просьбой о принятии меня на инженерно-строительное отделение. Обосновывалось это тем, что я туркестанец, люблю свой край, а ему нужны вода и строительство каналов. Специальность же инженера-ирригатора можно было получить тогда только в упомянутом институте.

Без всякого интереса, хотя и добросовестно, слушал я лекции прекрасных профессоров, усиленно занимался черчением, высшей математикой, геодезией, паровыми котлами и другими специальными предметами. К счастью, мировая война 1914—1917 гг. все изменила. Я оказался в армии. А после Революции призвание взяло верх, и из меня выработался советский археолог.

Так сама жизнь выправила то, что чуть было не искалечили посторонние влияния.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА ГЛАВНОГО СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МУЗЕЯ В ТОЙТЮБЕ ПОД ТАШКЕНТОМ В 1928 г.

1928-й год для Главного среднеазиатского музея в Ташкенте был порой наиболее полно развернувшейся его деятельности на втором этапе за период существования советского государства.

Прошло уже десять лет с тех пор, как с 22 мая 1918 года навсегда было покончено с ненормальным положением казенного Ташкентского музея — кунсткамеры «для представительства» в виде придатка к городской публичной библиотеке без специального штата и без ассигнований. Прошло то время, когда во главе этих двух искусственно спаренных учреждений приказом по канцелярии Туркестанского генерал-губернатора ставились бездарные и бездушные чиновники без специального образования. За выслугой лет «беспорочной службы» дотянувшись до ранга, не соответствовавшего их природным дарованиям, они получали назначение на должность заведующего библиотекой и музеем в виде синекуры. Отошли в прошлое возмутительные поступки плеяды таких заведующих, как Малевинский, Орел, Нога, Кудояров, при которых старинные восточные рукописи пропивались в кабаках на Воскресенском базаре; присылавшиеся музеем в качестве живых экспонатов эндемичные амударьинские рыбы-лопатоносы из рода псевдоскафириноксов попадали в уху, которую варили из них для приглашавшихся по этому случаю гостей; выставочные помещения по ночам превращались во вместительные безобразных пьяных оргий; археологическая бронзовая утварь употреблялась в качестве кухонной посуды, а предметы

из драгоценных металлов служили объектами для хищений с инсценировкой мнимых краж извне.

Свежая струя Великой Октябрьской революции бурно порвалась в эту затхлую атмосферу из стен только что сформировавшегося тогда Туркестанского народного университета. Музей впервые за все время своего существования получил особую смету и специальный штат, в который пошли любящие свое дело энтузиасты. А в феврале 1919 года под музей отвели часть главного корпуса дворца генерал-губернатора, известного тогда под названием «Белого дома». Новому духу соответствовало и новое наименование — «Туркестанский народный музей».

После 1924 г., когда, между прочим, при полной реорганизации всей выставочной части был твердо выдержан краеведческий принцип, он был переименован в Главный среднеазиатский музей и стал особенно быстро развиваться. В процессе своего пополнения, им выделялись дублетные экспонаты другим, уже существовавшим местным музеям, находящимся ныне на территории Казахстана, Киргизстана, Туркменистана и Узбекистана. Из года в год в различные области Средней Азии направлялись экспедиции с научно-исследовательскими целями. Собраны были десятки тысяч экспонатов, обогативших фондовые хранилища и коллекции. Функционировало несколько научных кабинетов, лабораторий, мастерских. Под экспозицию было отведено, включая крупные колонные залы, 25 помещений. К 1928 году в них была размещена выставочная часть следующих отделов: географического, геологического, палеонтологического, ботанического, зоологического, антропологического, археологического с подотделом архитектурных памятников Средней Азии, нумизматического, этнографического с подотделами Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Киргизстан, Казахстан и трех сопредельных стран: Иран, Афганистан, Восточный Туркестан. Отчетные выставки о проводившейся музеем краеведческой исследовательской работе и вечерние научные заседания привлекали большое число ташкентцев и приезжих.

Показателем плодотворной культурно-просветительной деятельности были не только десятки тысяч индивидуальных посетителей, не говоря уже об организационных экскурсиях. Вокруг музея группировались различные общества, в числе которых было общество коллекционеров с отдельной детской секцией. Особое место занимал кружок юных

друзей музея, в который входили школьники старших классов. Большинство их льнуло к археологическому кабинету.

У Главного среднеазиатского музея были, кроме того, постоянные посетители, негласно, но пристально следившие за всякими изменениями экспозиции и за новыми поступлениями. Были и многочисленные «корреспонденты-информаторы», сообщавшие устно и письменно о разного рода наблюдениях, об явлениях в природе и о случайных находках. Почти ежедневно музей получал что-либо «в дар» от граждан. Был случай, когда в археологический кабинет в выходной день заглянула молодая пара: рабочий Красновосточных железнодорожных ремонтных мастерских и его юная подруга. Конфузливо переминаясь с ноги на ногу, от волнения путаясь в последовательности мыслей, приходя в «трудных случаях» на помощь друг другу, поведали они, что часто бывают в музее, что любят его, что им очень понравились новые этнографические отделы с манекенами, что они так хотели бы быть нам полезными, чем-нибудь помочь, но, не будучи «учеными людьми», чувствуют себя «бессильными» и что они просят принять от них на пользу Науке пару их обручальных золотых колец, которые тут же сняли с пальцев. Положив свой «вклад» на край стола с трогательной растерянностью, оба поспешили покинуть мой кабинет. А кольца, как дорогой для нас наглядный свидетель установившегося у музея живого контакта с населением, были оприходованы и спрятаны на «вечное хранение» в один из несгораемых шкафов нумизматического отдела.

Так жил музей в ту пору, когда к концу дня 26-го марта 1928 г. музейный служитель Антон Рябов провел в археологический кабинет настойчиво стремившегося встретиться со мной посетителя. Им оказался студент Инпроса национальных меньшинств Мухаммед Сафар Галиев, только что прибывший из Тойтюбе. Там в долине Ангрена он обратил внимание, что на производившихся работах по расширению Ислахат-арыка («Арык реформы», прежнее название — «Кан-арык») землекопы выбирают с землей куски обожженных корчаг — хумов и хумча с сопутствующими им костями. Захватив немного содержимого одного из хумов, он сегодня же поспешил верхом в Ташкент. В подтверждение своих слов товарищ

ТОЙТЮБЕ ЧАРДАРА

Галиев извлек из кармана носовой платок, в котором оказались земля и куски безусловно человеческих костей.

Сообщение требовало срочного выезда к месту работ. Увы, 27 марта весь день шел дождь, и ехать было бы бесполезно. Недаром у ташкентцев бытовала поговорка: «Ах-макта Тойтюбе нима йўл!» («Что дураку дорога в Тойтюбе!»), намекающая на трудную ее проходимость из-за рыхлости почвы, во многих местах болотистой. Но даже добравшись до Тойтюбе, мы не смогли бы попасть из-за грязи к месту находки.

Но 28 марта рано утром я и каллиграф музея Турды Миргиязов уже мчались на автобусе по маршруту Ташкент—Пскент. В Тойтюбе никто не смог ничего сообщить по интересовавшему нас вопросу, и мы наугад поехали дальше до пересечения дороги с руслом Ислахат-арыка. Отсюда партия рабочих направила нас на северо-восток, и мы, увязая в липкой грязи, брели примерно три километра до места, где арык проходит в глубоком каньоне естественной гряды. Тут-то, в двух с лишним километрах от Тойтюбе по прямому направлению, к востоку от триангуляционного пункта, по уверению встреченных нами местных жителей, и было найдено при расширении откосов левого берега канала несколько наполненных костями глиняных «посуд» с крышками и без них.

До позднего вечера мы с Турды Миргиязовым, ежась от холода, обследовали этот район, карабкались, вяз-

ли и скользили по откосам и руслу Ислахат-арыка, наняв в помощь для копания одного рабочего. Труды не пропали даром. Вечером мы увозили с собой в Ташкент, кроме разнообразных фрагментов от погребальных хумов и глиняных гробиков — оссуариев, небольшую крышку, увенчанную человеческой головкой, и один археологический целый оссуарий. Его мы выкопали сами не потревоженным, хотя он и был в древности раздавлен под тяжестью земли.

На другой день директору музея был представлен письменный научный отчет о произведенной нами в Тойтубе разведке. Им был отмечен новый пункт с захоронениями оссуарного типа, давшими одно непотревоженное погребение, которое позволило точно установить на месте подлинное содержание гробика. Оно состояло из расколотого черепа и далеко не полного числа остальных костей скелета. Факты были интересны и сами по себе. Главное же заключалось в том, что теперь представлялась возможность впервые произвести на месте научное изучение специфического для Западного Туркестана типа захоронений по маздеистическому ритуалу. По нему труп умершего поедался собаками или птицами, а оставшиеся кости, омытые на протяжении не менее двух лет вешними водами, собирались в небольшие гробики-оссуарии или в хумы и предавались погребению. До 1928 года все находки под Ташкентом оссуариев делались случайно. Специалисты не присутствовали при их извлечении из земли, а потому не были точно задокументированы ни положение гробиков в момент обнаружения, ни обстановка, в какой они находились.

Передав в бухгалтерию отчет о поездке в сумме 18 р. 40 к., я испрашивал отпуск аванса в 300 рублей для более детального обследования открытого зороастрийского кладбища и его ближайших окрестностей.

Весна выдалась холодная и страшно дождливая. Начало полевой археологической работы в Тойтубе пришлось откладывать со дня на день до наступления сухой погоды. Таким образом выезд задержался до конца апреля, на что еще больше нас досадовали окончившие среднюю школу два члена Кружка юных друзей музея Коля Вундцетель и Дима Нестеров. Их обещано было взять на полевые исследования в виде премии за активную работу в музее, во время которой Коля, направленный в музейную мастерскую художника-реставратора Михаила Васильевича Сто-

лярова, успел, между прочим, обучиться его приемам реставрации и догипсовки археологических предметов. Вместе с тем, вынужденная задержка позволила лучше подготовиться к предстоящей работе.

Наконец настал и долгожданный день отъезда.

29-го апреля в 8 часов утра пассажирский автобус мчал по недавно оборудованному шоссе в Ахангаран вместе с другими пассажирами и нашу небольшую экспедицию. В ее состав входили, кроме Турды Миргиязова, два упомянутых практиканта-коллектора, а также мой верный спутник в жизни и друг Ксения Ивановна Массон. Для нее это был последний выезд со мной на полевые археологические работы.

Только около половины двенадцатого прибыли мы в Тойтубе. Походили по административным учреждениям. С удовлетворением отметили в них отсутствие волокиты и мертвящего бюрократизма. Осмотрели разные места возможного пристанища и остановили свой выбор на «красной чайхане» у поворота дороги в Пскент, в самом центре базарной жизни. Это оказалось удачным во многих отношениях.

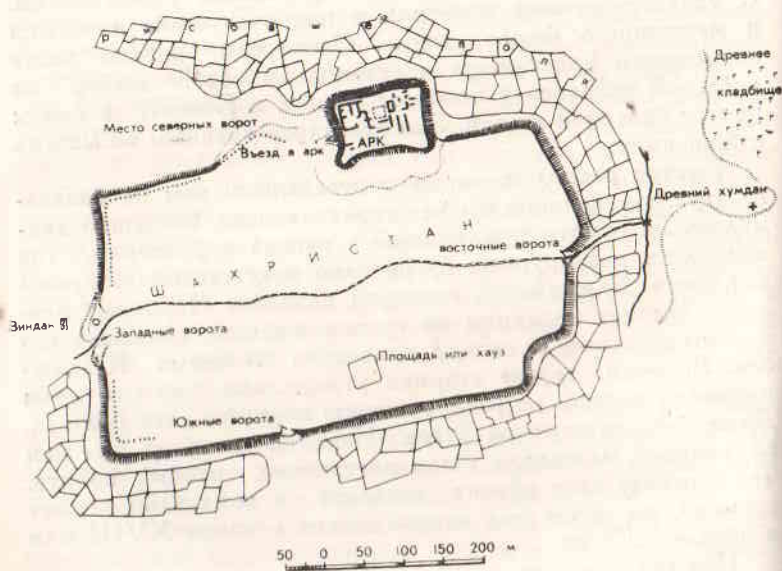
Быстро расположившись в отведенных нам на балаханах двух помещениях, мы не теряя времени, поспешно двинулись на осмотр прилегающей с запада территории, где виднелись два крупные бугра явно искусственного происхождения. Ближайший, носящий название Чардара, население считает недавним по происхождению, связывая его с деятельностью какого-то правителя по имени Юлдашбек. Впрочем, другие старики утверждали, что сам холм насыпали до него по распоряжению каких-то двух братьев. Даже беглого осмотра бугра Чардара и сбора на нем подъемного материала было достаточно, чтобы понять, что в основе этот объект восходит к домусульманскому времени, но затем был заново обжит в конце XVIII или в начале XIX вв.

Нас сильнее влек к себе расположенный дальше другой бугор значительно больших размеров, именуемый Улькан Тойтубе, т. е. Большое (или старшее) Тойтубе. После спуска с кладбища неподалеку от бугра поспешили встретить значительный отвал брака керамического производства конца XII—начала XIII вв. Все участники нашей группы дружно принялись за его разборку. В результате вскоре мы явились обладателями многочислен-

ных интересных фрагментов средневековой керамики указанного времени. Тут же мы добыли до полутора десятков орнаментированных сердцевидных ручек от глазурованных светильников — чирагов, глиняный штампик-калыб для оттискивания изображений на этих ручках, несколько трехлопастных подставок «сипая», а также глиняных штырей круглого сечения и плоских, с помощью которых устанавливали в печах — хумданах подлежащую обжигу посуду. Ксении Ивановне удалось найти ручку поливного чирага с оттиснутыми на ней изображениями сидящих друг против друга двух птиц с повернутыми назад головами.

Так как надо было торопиться, чтобы до наступления

УЛЬКАН ТОЙТЮБЕ

темноты сегодня же обойти все городище Улькан Тойтюбе, мы приостановили дальнейший разбор отвала керамики и стали подниматься на бугор по пандусу бывшего въезда. Тут оказалась стоявшая на страже «застава» из маль-

чишек, попытавшихся не пустить нас дальше. У них было к тому особое основание.

В 1928 году местные жительницы Тойтюбе в подавляющем большинстве ходили под паранджой и вели по старому обычаю замкнутый образ жизни. А в этот день большая группа их справляла традиционную весеннюю гулянку «сумаяк», называвшуюся так по специально изготовлявшемуся кушанью из дженичного солода. Оно было съедено дома. К моменту же нашего прибытия молодые женщины и девушки, уединившись на городище, предавались незатейливому веселью. Чтобы его не нарушил кто-либо из мужчин они распорядились выставить дозорных мальчуганов. Но то ли мы не были сочтены за тех, от кого следовало таиться под чачваном, то ли истекшие десять лет Октябрьской революции уже достаточно расшатали вековые устои старого быта, только показавшиеся из-за вала две девушки веселыми окриками прекратили наши пререканья с «заставой», и та пропустила нас наверх.

При косых лучах спускавшегося к горизонту солнца на фоне свежего ярко-зеленого травяного покрова предстала перед нами живописная группа женщин. Одетые в яркие платья, не прикрытые черной волосяной сеткой паранджи, с большим количеством ювелирных серебряных и позолоченных украшений на головах и бус на шеях, одни из них сидели на корточках, другие стояли. Третьи под звуки бубна, хлопанье в ладоши и веселые прибаутки по одиночке, парами и вчетвертом пускались время от времени в плавные па грациозного танца. Наше присутствие, видимо, не только не стесняло их, а наоборот, даже несколько оживляло.

Полюбовавшись неожиданным и никогда до того не виданным и не слыханным зрелищем, мы наспех в общих чертах ознакомились с городищем Улькан Тойтюбе, которое занимало вытянутую с востока на запад площадь, имевшую до 18 гектаров и приподнятую на 10—14 метров над прилежащей местностью. Угадывались места четырех ворот. В северной стороне высилась изрытая кладонскаателями былая прямоугольная цитадель с угловыми башнями. Верхний культурный слой городища давал подъемный археологический материал в основной массе не позднее самого начала XIII в. Стало ясно, что перед нами давно, с монгольского нашествия, опустевший «шахри-

стан» крупного средневекового города. По расстоянию от феодального Шаша—Ташкента, указываемому в арабских дорожниках X в., это мог быть только Нукет, один из двух наиболее значительных городов того времени в долине Ангрена на территории тогдашней области Илак.

Возбужденные всем виденным и проголодавшиеся вернулись мы с достаточными для первого дня «добычей» и количеством впечатлений на свою балахану в «кызыл чайхане». Ксения Ивановна и Турды Миргиязов принялись за приготовление еды. Я приступил к записям в дневнике. Коля и Дима дружно взялись за починку установленного в нижнем большом помещении чайханы плохонького громкоговорителя, который то что-то пронзительно выкрикивал, что начинал трещать, то совершенно замолкал.

Солнце тем временем зашло. Стало смеркаться. Вдали послышался какой-то странный шум, приближавшийся все ближе и ближе.

«Что это?»— удивленно спросил я сидевшего на полу рядом со мной старика-тойтюбинца.

«Паша келади» («мошкара идет»),— спокойно ответил тот.

Не прошло и пяти минут, как все мы принялись не просто отмахиваться, а буквально отбиваться от туч комаров, налетевших с бесчисленных рисовых полей, вплотную обступивших селение со всех сторон. Комары залетали в уши, в глаза, в рот говоривших. Из-за мелких укусов их хоботков зудела кожа. Ни одеколон, ни мази, ни керосин не помогали. Прервав свои занятия, от неожиданности мы не могли сообразить, что предпринять. Выручил чайханчи. Он принес несколько плоских банок из-под шпротных консервов с тлевшими в них углями и каким-то мусором, пахнущих угаром и сильно дымивших. Это явилось спасением.

Полчаса спустя, припоровившись к неприятному «самоокуриванию» (попахивавшему, как потом выяснилось между прочим, и сухим навозом), мы все, сидя на кошме за вечерней трапезой с кокчаем, слушали интересный вариант легенды о происхождении названия Тойтюбе (буквально «Бугор тоя», т. е. праздничного пиршества). Его пространно и увлекательно рассказывал пожилой и бывалый сарта-раш — цирюльник Султан Пиримкулов.

Сюжет сводился к тому, что в давние времена владельцем Кашгара, Туркестана, Афганистана и Кавказа

был некий государь Заркул. Он был сильно встревожен слухами об успехах халифа Али при распространении ислама с помощью чудесного меча Зульфикара и своего знаменитого коня Дульдудя. Вызванный им богатырь Кабыл взялся убить Али, в награду за что Заркул обещал выдать за него свою красавицу дочь по имени Гумайонруй. По ошибке Кабыл убил другого человека, привез его голову и получил обещанную невесту. Много дней длилось радостное празднование на насыпанном для свадебного пира — тоя холме — «тюбе» (откуда, мол, и современное название — Тойтюбе). Неожиданно появившийся настоящий Али продемонстрировал ряд подвигов, выдержал затем тяжелую борьбу с язычниками, но в конце концов победил их. Сам владетель, Кабыл и многие другие богатыри пали сраженные на поле брани, а жители были обращены в ислам. Наглядными следами этих событий остались само городище Улькан Тойтюбе и бесчисленные промоины. Их очень много в окрестностях селения, и они признаются за остатки ловчих ям, в которые войны Заркула пытались завлечь неутомимого Дульдудя и арабов.

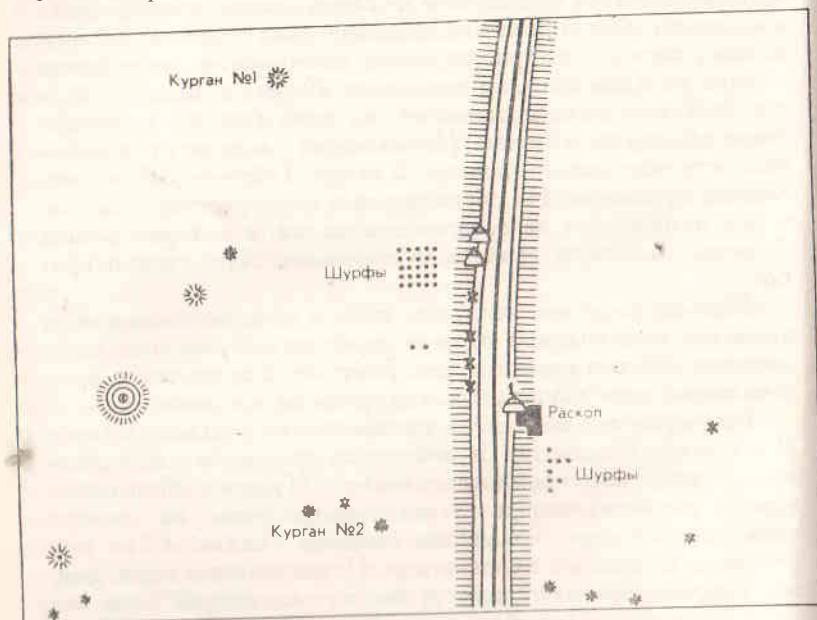
Нам было ясно, что речь шла в действительности о провалах в могильные камеры древних погребений, которых так много в окрестностях Тойтюбе. Но все мы с жадным вниманием слушали рассказчика, не прерывая его.

Было уже поздно, когда он закончил рассказ. Коля и Дима к тому времени окончательно доломали испорченный радиорупор громкоговорителя. Турды Миргиязов еще с раннего вечера успел нанять на завтра семь рабочих из числа посетителей чайханы по три рубля за день на их довольствии. И, искусанные комарами, мы отправились на покой, чтобы на следующий день утром приступить к обследованию кладбища оссуариев, находящегося примерно в 2,5 км к югу—юго-востоку по прямому направлению от Улькан Тойтюбе.

В 7 часов утра мы уже выступили к месту работы вместе с нанятыми землекопами. Прежде всего по прибытии пустили в ход тонкие стальные археологические щупы, которыми прозондировали откосы расширенного каньона Исдахат-арыка. К полудню нащупали четыре оссуария и приступили к их вскрытию сверху расширенными раскопами. С целью же выяснения густоты оссуарных погребений на площади в 121 кв. м заложили на равных расстоя-

ниях друг от друга 25 шурфиков площадью в 1 кв. м. Промежуточные земляные «перегородки» между ними также подвергались зондированию шупами во всех направлениях.

Работы велись одновременно на нескольких раскопочных площадках. Несмотря на проведенную с землекопами предварительную разъяснительную беседу о цели вскрытий, они до самого конца нашей полевой работы были уверены, что мы ищем золото. Когда около двух оссуариев было встречено много скорпионов, рабочие всерьез утвер-

- Места находок оссуариев
- Находки фрагментов оссуариев
- Могила

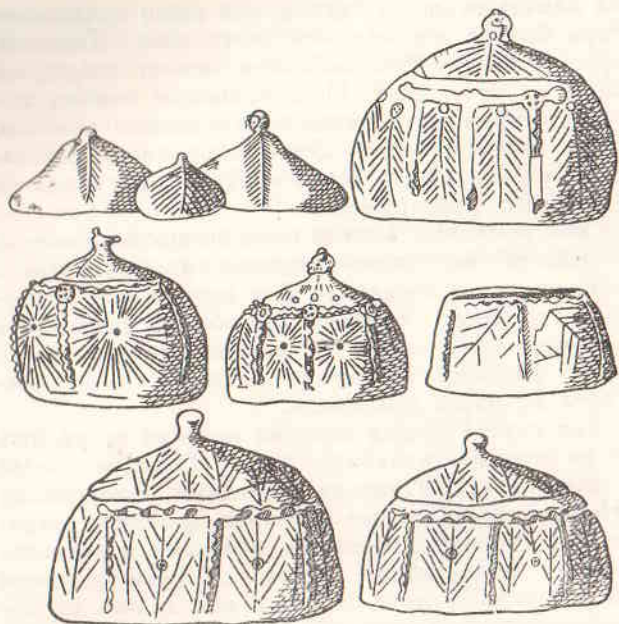
Места находок оссуариев и их фрагментов.

ждали, что это и есть отыскиваемое нами золото. Поскольку оно предназначено не нам, то и превращается на наших глазах в отвратительных ядовитых пауков. На второй же день, заметив, что во время полуденного перерыва для

совершения намаза пешин и отдыха, оба наши практиканта-коллектора быстро направились в сторону Тойтюбе, они наперебой с явным беспокойством стали обращать мое внимание на этот факт. Истолковывали они их поспешный уход с поля как бегство с украденным золотом, обнаруженным ими в шурфах. Землекопов очень разочаровало мое объяснение, что Коля и Дима направились в кишлак по моему распоряжению.

Первого мая земляные работы нами не проводились, а после небольшого внутриэкспедиционного «митинга» с моим выступлением мы посвятили весь день обходу пригородной части городища Улькан Тойтюбе. В результате к вечеру, суммируя сделанные наблюдения, можно было документально засвидетельствовать наличие у средневекового Нукета крупного пригорода.

Четыре дня спустя общая картина местных оссуарных погребений на древнем кладбище близ Тойтюбе более или менее выяснилась. Никаких сплошных захоронений не было. Небольшие глиняные овальные гробики, украшенные с одной стороны прорезями, налепами и разными процарапанными орнаментами, оказались размещенными на большой площади, а друг от друга находились на довольно значительном расстоянии. Они встречены нами маленькими группами, не менее двух в каждой. Их опускали в небольшие подземные камеры на глубину около 2,5 м от поверхности и ставили на дно без засыпки землей, без ориентации по странам света и без какого-либо единообразия во взаимном расположении. Не все оссуарии имели крышки. Некоторые из последних были увенчаны изображениями бородатых человеческих головок или фигурками птичек с распростертыми крыльями. В самих гробиках лежало небольшое количество разрозненных костей не от одного скелета. Изредка встречались черепа. Один из них принадлежал мужчине, убитому ударом в голову, оставившем в черепе пробитое отверстие. Все кости пересыпаны чистым лёссом. Никаких предметов ни в оссуариях, ни во вскрытых могильных камерах, за исключением, должно быть, случайно попавших черепков от неглазурованных бытовых сосудов, не встречено. Обратило на себя внимание, что в каждой погребенной группе оссуариев обычно оказывались однообразные гробики, которые, казалось, не только изготовлены одним мастером, но даже обожжены в одной закладке печи. Это, види-

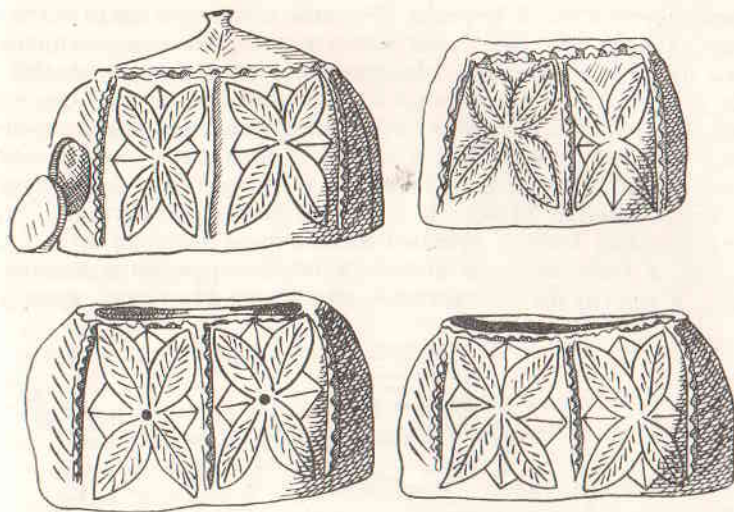

Оссуарии, добытые в Тойтюбе
в 1928 г.

мо, были семейные захоронения лиц, скончавшихся более или менее за короткий промежуток времени.

Так как оказалось, что на площади естественной возвышенности, где встречены оссуарии, имеются и курганные захоронения, решено было выяснить их хронологические взаимоотношения.

Стояла ужасная жара. Духоту усугублял волглый воздух, насыщенный обильными испарениями, поднимающимися с залитых водой рисовых полей. Работать на солнцепёке становилось изо дня в день все тяжелее. Труднее становилось поддерживать питьевую дисциплину, при ограниченной норме воды на каждого. Молодые коллекторы тайком опивались, что выдавало бульканье воды в их желудках. Рабочие насмешливо предупреждали Колю и Диму, как бы у них в животе не образовалось бы болото и не завелись бы тойтюбинские лягушки. Пока я снимал план района с курганными погребениями, бумага на план-

Оссуарии, добытые в Тойтюбе
в 1928 г.

шете под воздействием солнечных лучей из белой превратилась в коричневато-желтоватую.

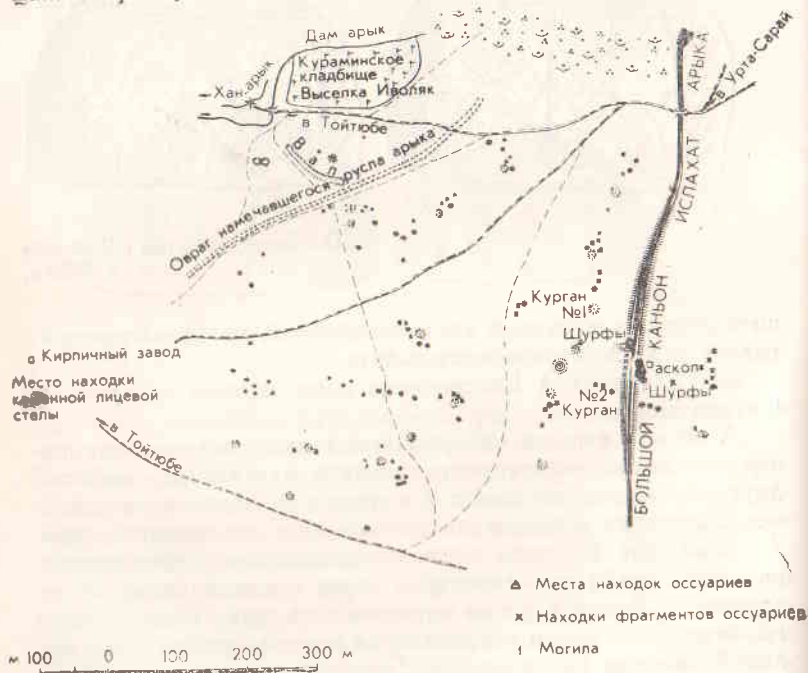
— «У Михаила Евгеньевича даже чертеж загорел», — шутила молодежь.

А между тем на «покрывшемся загаром» чертеже появилось свыше полтора десятка значков курганных насыпей двух типов, разбросанных в природе без какой-либо системы. Наметили вскрыть по одному кургану каждого типа.

Зная, что курганы могильные, местные тойтюбинские рабочие копали их неохотно и даже с неприкрытой боязливостью. Когда в более крупном из них обнаружился грабительский ход и погребальная камера, только один молодой рабочий узбек из-под Ташкента согласился продолжать вскрытие, рискуя «осквернить землю». Решив подшутить над своими товарищами, он вдруг выскочил из подземной камеры с громким воплем. Тотчас все остальные землекопы в ужасе бросились врассыпную, и стоило немалой потери времени уговорить их вернуться к раскопу.

На другой день от перегрева на солнце мне стало дурно, и я вынужден был около часа пролежать с мокрыми

тряпками на лбу и на сердце около насыпи малого, раскапывавшегося нами, кургана. Это мое состояние было тотчас истолковано как результат мести со стороны погребенного под курганом мертвеца. Напряженное состояние продолжало расти. Люди стали видеть неприятные сны. Одному нашему рабочему, старику-кураминцу, во сне явился длинный черный покойник. Спросив землекопа страшным замогильным голосом, зачем тот его тревожит, мертвец схватил нашего бабая за горло и начал душить. Тот, справедливо считая прямым виновником раскопа не себя, а нас, в свою очередь вцепился обеими руками в мертвеца... и проснулся со сжатыми кулаками. На беду кровля

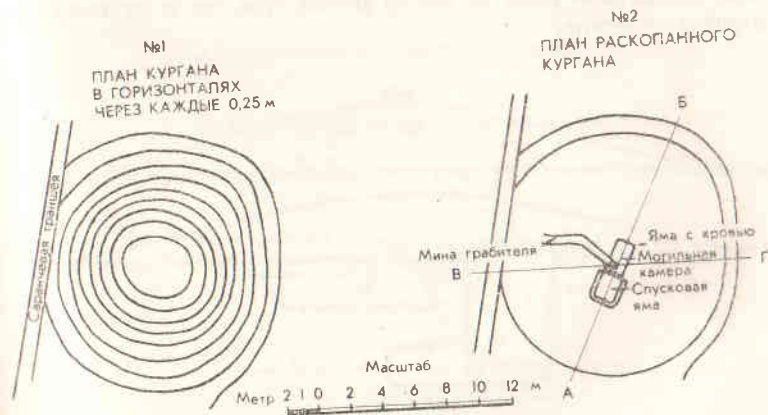
Группа курганов к востоку от Тойтубе у большого каньона Ислахат арыка.

над камерой малого кургана оказалась рыхлой, из-за чего дважды происходили ее частичные обвалы, кончавшиеся вполне благополучно. Но все равно самый факт этих мелких происшествий окончательно убедил наших рабочих

в возможности опасных последствий для них из-за участия в «небезупречном» деле по вскрытию могил. Окончательную расчистку мы полностью осуществляли сами.

Малый курган, насыпь которого в оплывшем состоянии достигала в высоту около метра с четвертью, по устройству небольшой овальной могильной камеры с подводящим к нему с южной стороны проходом—дромосом и по способу захоронений напоминал некоторые раскапывавшиеся до революции курганные погребения на «Никифоровских землях» под Ташкентом. Осложнена была только сама археологическая картина. В первый момент после разметения мягкими метелочками нагромождения большого количества костей, явно от нескольких покойников, сделанное открытие заставило задуматься, свидетелями чего являемся мы теперь.

Прошли часы пристального изучения всего того, что было в могильной камере, имевшей менее двух с половиной метров в длину и около одного метра в высоту. Душно, пыльно и неудобно из-за тесноты. Беспорядочно навалено большинство трухлявых костей скелетов давно забытых людей. В руках у нас попеременно оказы-

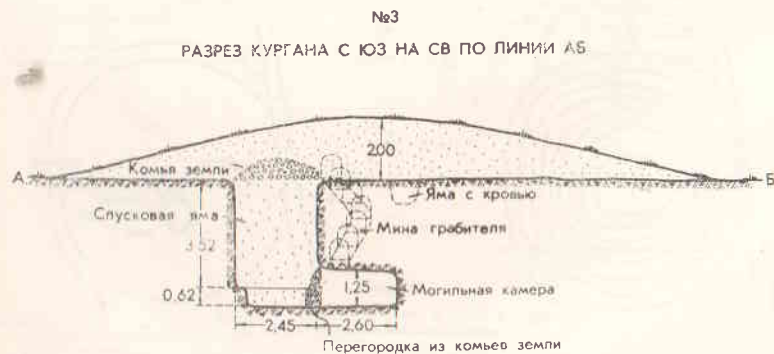

ваются шильца, кисточка, шпатель, метр, карандаш, тетрадь. Наблюдению за точной фиксацией на чертеже и в записях дневника не мешает поволока грусти от невольных возникающих в воображении силуэтов минувшего при

установлении по едва сохранившимся следам какой-либо детали давно отзвучавшего прошлого. Временами это впечатляет настолько, что даже кажется, будто тени давно ушедших из мира людей оживают в образах.

Постепенно многое становится понятным. Вот следы скелета от некогда вытянутого с юго-востока—востока на северо-запад—запад первого покойника средних лет. Именно для него одного и была изготовлена сводчатая могильная камера, после того как удар острым металлическим орудием, пробившим правый висок, положил конец его жизни в пору зрелого расцвета. С ним в могилу поместили несколько вылепленных от руки глиняных сосудов с пищей и питьем. У головы поставили кружку с ручкой в виде не то собачки, не то барана. Ниже левого плеча оказался кувшин. У колена правой ноги — крынка с зернами пшеницы и чашка с мелко нарубленными бараньими ребрами — в свое время с кусочками мяса. В разных местах разложены мелкие изделия из железа.

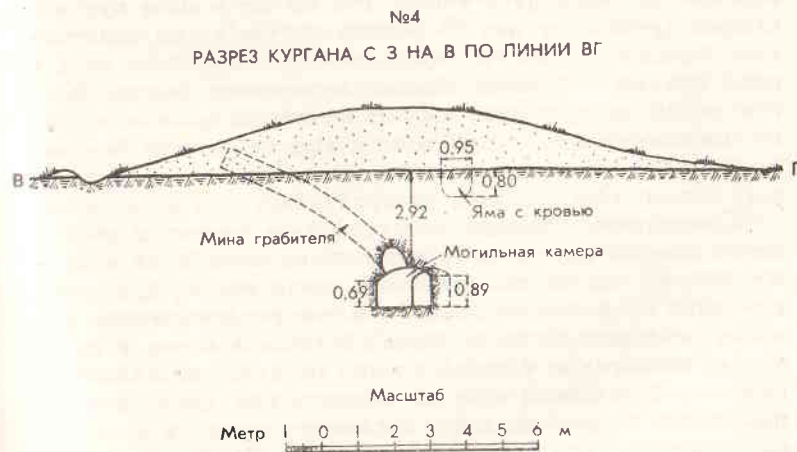
Через некоторый промежуток времени в камеру у входа через дромос подложили детский трупик. Может быть, это был ребенок покойного. Судя по инвентарю, могилу создавали если не около новой эры, то и не позднее первых ее веков.

Затем протекло много лет, принесших, возможно, полное забвение о том, для кого насыпали небольшой курган. Когда однажды понадобилось предать земле два мужских трупа, их спустили в готовую камеру, уложив без всякого

могильного инвентаря. При этом был нарушен костяк ребенка, а не совсем еще распавшийся скелет первого покойника сдвинули в сторону. Положение костей трех скелетов взрослых мужчин намекает, что покойники клались в скорченном состоянии. Для пятого и последнего по времени захоронения трупа уже не расчищали дромоса, может быть, даже и не зная об его существовании. Просто в кургане вырыли боковую спускную яму, пробили из нее свод камеры и спустили туда бранные останки еще одного неизвестного мужчины, которого уложили на скелеты двух его непосредственных предшественников. После того впускную яму заложили комьями глины (гуваляк).

Иным оказалось захоронение большого кургана, совершенно не известного до того в науке типа. Его сильно оплывшая насыпь имела наибольший диаметр в 18 м при высоте в 2 м. Внимательное наблюдение за раскопом позволило установить некоторые подробности ритуального обряда. Выяснилось, что на выбранном для погребения месте сперва заложили большую (2,5×2 м) прямоуголь-

ную, чуть суживающуюся книзу впускную яму глубиной до 4 м. С трех сторон она имела ступенчатый уступ шириной в 30 см при высоте от дна ямы около 60 см. На этот уступ, очевидно, усаживались при последнем про-

щании с покойным, и сама яма служила как бы «айваном». В северо-восточной стороне на той же глубине была устроена подбоем сводчатая прямоугольная камера — ляхад площадью 2,5×1,5 м. Чтобы проникнуть в нее, мы вынуждены были разобрать перегородку из комьев земли.

После того, как осела пыль, поднявшаяся с полу от падавших на него гувальяков, мы вскоре убедились, что в камере, увы, давным-давно, задолго до нас, кто-то уже побывал. Его слегка изгибающийся, сделанный сверху опытной рукой грабительский лаз приниелся как раз над сводом ляхада. Последний оказался опустошенным в значительной мере, а само погребение нарушено. Все же разбросанные, разломанные и растоптанные при ограблении кости мужского скелета своими скоплениями позволили определить, что покойник был положен головой на север. Вот у правого бедра куски железного прямого двустороннего кинжала с перекрестием из двух поперечных пластинок и с рукоятью, составляющей одно целое с клинком и заканчивающейся парными завитками типа обращенных внутрь бараньих рогов. В ногах — несколько отдельных и «спекшихся» вместе трехперых железных наконечников стрел двух типов. Тут же истлевшие кусочки еловых древков от них. В разных местах куски поломанного большого прямого двустороннего железного меча с приставшими остатками былых деревянных ножен. Кое-где сильно разрушенные мелкие железные пряжки, бляшки, несомкнутые кольца. Уцелела еще небольшая баночка из огнеупорной глины с двумя дырочками и следами охвата огнем. Она, видимо, употреблялась для воскурения.

Совершенно очевидно, что грабитель проник в могилу много времени спустя после совершения погребения. К этому моменту скелет уже распался, кости стали хрупкими, железные предметы оруденели и легко разламывались. Рукоять меча, должно быть, была обтянута золотом, и похититель захватил ее с собой, легко отделив от клинка. В своем грабительском лазе он обронил еще один оказавшийся ему ненужным кусок железного меча, с которого он, вероятно, снял золотое украшение. Рядом с ним мы обнаружили брошенную или потерянную впопыхах маленькую каменную зернотерку.

Детальное обследование грабительского хода показало, что он был заложен с большим отступом от современного склона кургана и притом тогда, когда сильно оп-

лывшая могильная насыпь сохраняла более близкую к первоначальной конусообразную форму. По примерным расчетам, диаметр кургана ко времени ограбления был на 5—6 м меньше современного, а высота по крайней мере на 1,5 м больше. Дальнейшая расчистка курганной насыпи выявила, что над могильной камерой была вырыта ямка, куда спускалась кровь жертвенных животных. В нее же окунались некоторые комья—гувальяки, из которых складывалась перегородка, отделявшая ляхад от айвана. Обряд с использованием крови совершался, безусловно, с магической целью. В курганной насыпи мы встретили также кости жертвенных животных.

Так «археологически» заговорил с нами к концу работ раскопанный курган.

Но витязя славное имя
До наших времен не дошло.
Кто был он? Венцами какими
Свое он украсил чело?
Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какую?
И в землю опущен когда?

Лишь на два из этих вопросов смогли дать нам примерные ответы характерные предметы вооружения: погребение относится ко второй четверти I-го тысячелетия н. э. и принадлежит вернее всего вождю полуоседлого племени.

Обремененные нашей разнообразной археологической «добычей» и совершенно истомленные знойной духотой, молча и медленно, растянувшись цепочкой, подходили мы по окончании вскрытия могильных курганов к тойтубинской «красной чайхане». Вдруг шедший впереди меня, обычно флегматичный, рабочий-кураминец средних лет заволновался, что-то огорченно пробормотал и, сделав решительный поворот, быстро, чуть не бегом пустился по тропинке назад.

«Ей, Ураз! Ты куда?» — крикнул ему вдогонку один из наших землекопов.

«К могилам», — не оборачиваясь ответил тот.

«Зачем?»

«Ведро там забыл».

«Да оно у тебя в руке!»

От неожиданности Ураз опешил, остановился и, поглядев на висевшее у локтя ведро, покачал головой и повернул обратно. Все несколько оживились, принялись подтрунивать над незадачливым Уразом. И только «воевавший во сне с мертвецом» бабай, сохраняя и при этом курьезном инциденте свою постоянную серьезность, хотел видеть в происшествии наваждение со стороны проявивших неудовольствие потревоженных нами покойников.

В этот вечер нам не удалось сразу же по возвращении с поля почиститься, помыться и вообще привести себя в «должный вид». Нашу балахану, превратившуюся стараниями Ксении Ивановны в «полевую музей», даже снабженный соответствующими этикетками, наполняла экскурсия сотрудников, вообще сильно загруженных работой, Тойтубинской малярной станции. Они, с трудом выбрав время, во что бы то ни стало хотели услышать объяснения самого руководителя археологических работ.

Обычно это делала Ксения Ивановна, чаще всех остальных в связи с хозяйственными заботами бывавшая на месте в «красной чайхане». Она очень удачно умела увлечь посетителей и тактично установить с ними весьма полезный в интересах науки контакт. Последнему много содействовали также общительность и умение подойти к населению Турды Миргиязова. Он быстро находил желанных информаторов, в живой форме рассказывал им что-нибудь из их старины, завоевывал своей эрудицией авторитет и симпатии слушателей. А те мало-помалу втягивались в разговор, выкладывали, что знали о прошлом своего района, а также о древних памятниках, о связанных с ними народных представлениях и легендах. В результате, некоторое время спустя, кое-кто принесил из дома когда-то и где-то найденный археологический предмет или попавшуюся в земле монетку, уступая их нам за небольшое вознаграждение или даже отдавая бесплатно — «в дар». Из таким способом собранных в Тойтубе предметов и из наших археологических находок к концу деятельности экспедиции составилась неплохая экспозиция временного полевого музейчика, охотно посещавшегося тойтубинцами и проезжавшими через селение людьми. Только в организованном порядке на положении маленьких экскурсий через него прошло около полутора человека. Одновременно посетители сообщали что-нибудь

интересное для нас. Именно так мы получили первые сведения о чрезвычайно любопытном и важном объекте.

О нем однажды заговорил один из наших «гостей», который сообщил, что в окрестностях Тойтубе как-то была найдена крупная каменная статуя. Из его объяснений получилось, что это было нечто подобное тюркским «каменным бабам» из северных районов Средней Азии. Между тем, в пределы их зафиксированного распространения не входил Чирчик—Ангренский район, равно как и области к югу от гор Тяньшаньской системы. Сообщенный факт явился прямо сенсационной неожиданностью.

Последующие наши интенсивные расспросы подтвердили, что «статуя» действительно была найдена в 1918 г. при добыче земли для нужд кирпичного завода Усман-бека Зульфа Карбекова. Отыскать последнего не представило труда, причем он тотчас же повел нас сам к месту находки. Оно оказалось расположенным к востоку от кишлака, вблизи начала урочища с изучавшимися нами могильными курганами, примерно в ста шагах от бывшей его собственной кирпичеобжигательной печи. Когда десять лет назад начали разносить насыпь находившегося здесь кургана метра в два высотой, то со сравнительно небольшой глубиной у его вершины кирпичники извлекли расколотый пополам уплощенный камень крупных размеров. На одной стороне обоих кусков оказалось высеченное изображение человека во весь рост. Владелец завода распорядился перевезти их в Тойтубе на перекрытие арыка в виде моста перед воротами своего дома. Позднее дом Карбекова был национализирован, в нем разместился волостной исполком, а камни остались на месте, присыпанные сверху землей.

Когда мы на обратном пути зашли в волостной исполком и рассказали о том, что таит в себе настил их моста через уличный арык, там все были в свою очередь поражены неожиданной «новостью». Я и Турды Миргиязов усиленно доказывали крупную научную значимость этих плит и просили разрешения разобрать мост и извлечь их оттуда. На вопрос, кому они нужны и кто их будет использовать, мы подробно рассказали о Средазкомстарисе, как специальном органе, ведающем охраной памятников старины, искусства и природы. Оказалось, что в волысполкоме о нем никто ничего не слышал. Тогда Турды Миргиязов догадался заикнуться о Главном среднеазиатском музее в Ташкенте, где будет выставлен этот объект. Тут сра-

Каменная стела с изображением мужчины.

зу же обнаружилось, что это учреждение «Антик-хана», «Аджайб-хана» (т. е. кунсткамера или дом курьезных предметов) или «Музи-хана», как поправляли некоторые из присутствующих, хорошо известно многим тойтюбинцам. Некоторые из них не раз бывали в нем. В результате оживленной беседы волисполком не только дал просимое разрешение, приносящее хозяйственный убыток селению, но даже энергично содействовал «порче» своего моста. В конце концов снятие плит с его настила было осуществлено без каких-либо расходов для экспедиции.

Почти тотчас же вытащенные и очищенные два каменные куска оказались действительно принадлежащими одной плоской и довольно узкой плите. Сложенные вместе, они имели до 2,5 м длины, а правильное высоты. Это была своеобразная крупная стела с высеченной барельефом на лицевой стороне, занимающей более $\frac{3}{4}$ ее поверхности фигурой стоящего влево мужчины. Повернутая à trois quart голова поражала своими непропорционально крупными размерами. Безбородое лицо имело небольшие, слегка опущенные вниз усы, миндалевидные прямо посаженные глаза и крупный возвышенный нос почти малоазийского типа. В левом ухе показана тяжелая серьга, а на шее одето ожерелье типа гривны. Согну-

тые в локтях руки слегка приподняты вверх и словно опираются на посох. Одежду составляли узкий кафтан и узкие же штаны, загнутые в короткие и мягкие чарыки.

Большого на месте, в окружении большой толпы собравшихся зрителей, рассмотреть не удалось. Но и этого было достаточно, чтобы оценить научную значимость объекта. Нам было совершенно очевидно, что это не обычная «каменная баба» тюркского типа, а близкий к ней монументальный памятник более древнего происхождения. И при этом уникальный!

Он поразил ни одних участников экспедиции. До поздней ночи, уже при свете фонариков со вставленными в них салными свечами, толпились около плит у ворот волисполкома любознательные и любопытствующие тойтюбинцы. Смотрели, обсуждали, несчетное количество раз на разные лады пересказывали подробности обнаружения, внося для придания большей занимательности такие детали, которых в действительности не было. В вопросе же о происхождении памятника большинство настаивало на том, что стела не дело рук человеческих, а окаменевшая душа некоего покойника.

Эта версия оказалась самой популярной и быстро распространилась даже среди русского населения Тойтюбе. Когда на следующий день, 10-го мая, мы собрались выйти из «кизыл чайханы», чтобы приступить к погрузке плит стелы, к нам на балахану поднялся молодой русский парень. Он представился как практикант здешней МТС и очень просил поддержать его в споре с женой, что каменное изображение сделано именно людьми. Его «дражайшая половина» разделяла другую точку зрения, считая, что это окаменевшая душа праведника, и отстаивала ее очень энергично. Горячая полемика велась с вечера, и муж, чувствуя, что он слабеет и может сдать свои материалистические позиции, прибежал к нам за поддержкой.

«Вы уж простите меня,— взволнованно, конфузясь, говорил тракторист.— Я ведь, знаете, тут общественник, стало быть, передовой советский человек. Должен проводить все, как есть, и пресекать всякие искажения. А помощь в Тойтюбе по специальным вопросам получить трудно».

Мы, как могли, успокоили молодого человека, засвидетельствовали его правоту в споре с женой, но на дом к ней, как он просил, не пошли. Надо было торопиться с ликвидацией работ экспедиции.

Погрузка стелы прошла не без осложнений. Арбу из Ташкента удалось нанять быстро. Грузили хашаром, т. е. бесплатной силой добровольцев-прохожих. Дело спорилось. Откуда-то появились балки и доски. Кто-то принес канат. Под бесчисленные противоречивые советы и прибаутки с веселым смехом втянули первую плиту на арбу. Но последняя оказалась с ветхим настилом. Когда на него уложили второй кусок стелы, арба не выдержала и сломалась.

Сложилась нелегкая и затруднительная ситуация. После долгих и энергичных уговоров всех присутствующих удалось в конце концов убедить другого, уже тойтубинского арбакеша подвергнуть риску его «экипаж». Через час обе половины стелы к полному удовлетворению нас и добровольных помощников были наконец вновь погружены.

«Скажите, что это волисполком дает в подарок музею», — напутствовали отъезжавшую арбу тойтубинские ответственные работники.

Покончив с этим нелегким делом, все члены экспедиции вернулись в «красную чайхану», чтобы успеть упаковаться и подготовить к отправке с вечерним автобусом все добытые предметы.

За двенадцать дней напряженной до предела работы было сделано немало. Сняты планы с двух городищ, с курганного поля. Изготовлены разнообразные чертежи по всем раскопам. Извлечено из земли, собрано с поверхности, куплено у населения и получено «в дар» много всяких археологических объектов разных эпох и восемь хорошей сохранности монет с VIII до XVI вв. исключительно из числа местных находок.

Нас тепло провожал не один чайханчи, который был очень доволен, что Коля перед отъездом сумел-таки наладить громкоговоритель. Под его громкий говор к машине за нами потянулись караваном с экспедиционными вещами завсегдатаи «полевого музея» с сартарашем Пиримкулом во главе. На их долю выпала и перебранка с шофером, не желавшим почему-то грузить оссуарии с человеческими костями. Скоро, однако, все уладилось, и мы под дружные напутствия тронулись на Ташкент, обещая приехать снова.

Слово свое я сдержал и побывал в Тойтубе после того дважды, но уже по линии геологических организаций, занимаясь историко-археологическими вопросами по выяс-

нению прошлого горного дела в Ахангаране и в Карамзарском районе.

Тогда же, мчась на поношенном автобусе, мы с оживлением подводили итоги проделанному. Впервые было изучено кладбище оссуариев, давшее Главному среднеазиатскому музею в Ташкенте девять целых гробиков и ряд фрагментов, в том числе от погребальных корчаг — хумов. Впервые за время существования Советской власти была произведена раскопка могильных курганов, из которых один дал неизвестный до того тип захоронения. Обнаружена уникальная древняя намогильная стела с изображением человека во весь рост. Изучено в порядке разведки два городища, причем в «Улькан Тойтубе» был опознан средневековый Нукет — первое прочное научное отождествление в части исторической топографии долины Ангрена. В результате широкого комплексного охвата памятников прошлого разных категорий удалось наметить перспективу исторического развития общества в районе Тойтубе примерно за последние две тысячи лет.

Успех был немалый. Все участники вернулись в Ташкент довольными. Нисколько не огорчало, что бухгалтерия Средазкомстариса не утвердила отчет в израсходовании на экспедицию 316 рублей вместо отпущенных 300. Злополучные шестнадцать рублей, уплаченные арбакешу за доставку стелы, как не предусмотренный сметой расход, были отнесены за счет начальника Тойтубинской экспедиции. Известную досаду вызывало утверждение лица, возглавлявшего тогда Средазкомстарис, будто доставленные оссуарии являются новоделами, изготовленными тойтубинскими гончарами — куляями по заказу экспедиции. Созданная через несколько дней комиссия специалистов Среднеазиатского государственного университета под председательством профессора-ориенталиста Н. Э. Вундцеттеля признала их подлинными и опровергла в протоколе практическую возможность злонамеренной их фальсификации. Затем этот уродливый инцидент оказался довольно прочно забытым. Полученные же тойтубинской экспедицией результаты несколько лет спустя нашли отражение в публикациях и прочно вошли в науку.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА АЙРЫТАМА НА БЕРЕГУ АМУ-ДАРЬИ В 1933 г.

В конце ноября 1932 г. на мою квартиру в Ташкенте зашли два не известные мне до того человека. Один из них отрекомендовался начальником сектора пути и строительства Верхне-Амударьинского управления речного транспорта В. Г. Подольским; другой — капитаном малого плавания С. Л. Скочемаро. Прибыли они из Термеза по делам службы, а ко мне заглянули, чтобы сообщить об интересной находке. По их словам, курсировавший в октябре месяце на катере «Октябрёнок» старшина Илья Рясов, пристав к правому берегу Аму-Дарьи, выше пристани Термеза, на урочище Айрытам, заметил в воде каменные плиты со следами обработки. Одну из них с изображениями человеческих фигур он погрузил на катер и доставил в Термезское управление речным транспортом. Тут ее сфотографировали и фотоотпечаток с лицевой стороны В. Г. Подольский вручил мне.

Как ни плоха была любительская фотография размером 9×12 см. но она сразу же показала, что сам памятник принадлежал к числу первоклассных, представляя собой крупную каменную плиту с высеченными в куше двух рядов акантовых листьев тремя поясными фигурами: мужчины-барабанщика, арфистки и музыкантши с лютней. Обо всем этом я тотчас поставил в известность Узбекистанский комитет по охране памятников (Узкомстарис), который выделил необходимые средства на срочную доставку плиты в Ташкент, куда она и прибыла в феврале 1933 г.

Здесь она вызвала к себе большой интерес в научных кругах. Ее поместили в фотолaborатории Узкомстариса (бывшем каретном сарае дворца великого князя Николая Константиновича, теперь Дворец пионеров), которая стала усиленно посещаться разнообразной публикой, в том числе приезжими специалистами из центра и других городов, а также иностранцами. Вокруг ее происхождения разгорелась полемика. Когда мной был составлен текст для предварительной публикации об этой плите, где доказывалась принадлежность ее к памятникам кушанского времени первых веков н. э., это встретило решительный отпор со стороны некоторых историков Среднеазиатского государственного университета. Они считали, что плиту надо связывать с эпохой македонского завоевания, поскольку пышная разделка лицевой стороны насыщена эллинистическими элементами. Несмотря, однако, на их энергичные возражения, в том числе в представленной ректором в письменной форме рецензии, редакция Комитета Наук при СНК УзССР нашла возможным опубликовать мою статью без коренных изменений, и она вышла летом из печати как выпуск 1-й «Материалов Узкомстариса».

Древняя плита с хорошо сохранившимися скульптурными изображениями привлекла внимание не одних историков, археологов и искусствоведов. Сделанное геологом Треста Средазгеоразведка Н. Л. Николаевым определение, что она изготовлена из мергелистого известняка, дало ему основание подвергнуть пересмотру прежние отрицательные оценки этой породы и выделить среди нее сорта, могущие найти себе новое применение в строительном деле.

Во всяком случае, было очевидным, что место находки следовало подвергнуть специальному обследованию, в связи с чем СНК УзССР отпустил сверхсметные ассигнования на снаряжение небольшой экспедиции для предварительной археологической разведки урочища Айрытам под моим руководством. Ее наметили на сентябрь месяц.

19 сентября экспедиция в составе молодого начинающего научного сотрудника Узкомстариса, воспитанника Самаркандского педагогического института, Яхья Гулямова, работников Музея истории УзССР, моего ученика Турды Миргиязова, фотографа-кинооператора Ивана Прохоровича Завалина и меня прибыла по железной дороге на станцию Термез, а оттуда в экипаже частного

извозчика в городок Паттакесар. Полтора дня ушло на обход различных организаций, на оформление работ экспедиции в погранполосе и на заготовку продуктов, особенно важных в тот голодноватый год. К вечеру 20 сентября все было готово, и, погрузившись на две нанятые частные подводы, мы тронулись на Айрытам.

Возчики попались молодые, неопытные, не знавшие к тому же прямого пути. Это отчасти способствовало более широкому ознакомлению с районом, так как, косясь по какой-то кружной дороге, мы получили возможность осмотреть несколько небезынтересных средневековых руин. Однако это же привело к тому, что нам пришлось с риском быть опрокинутыми в стремительный поток бурного Сурхана, переезжать этот приток Аму-Дарьи вброд, поскольку паром оказался где-то за много километров выше, а затем застрять на ночевку в красном уголке встретившегося на пути молодого колхоза, едва только основанного в прошлом году. Здесь нам растолковали ошибочность взятого нами направления и указали прямую дорогу на Айртам, по которой мы и двинулись в 6 часов утра следующего дня.

Было свежо. Афганский берег проглядывал словно сквозь какую-то туманную пелену. Дорога скоро спустилась в пойму реки и пошла прибрежным тугаем. Справа от нас оказался один из рукавов Аму-Дарьи, отделявший собой заросший густым камышом остров.

Вдруг наши лошади заволновались и стали пугливо поглядывать в сторону острова, быстро поводя ушами.

«Михаил Евгеньевич! Бури, волк!»— говорит сидевший рядом со мной Турды Миргиязов.

Действительно, по другую сторону протока, метрах в 40 от дороги, в камышовых джунглях (или джуиджангол, как говорят в этом районе) сидел крупный волк и спокойно смотрел на наш транспорт.

— «Иван Прохорович!— кричу я в сторону задней телеги, где ехали фотограф З а в а л и н и Г у л я м о в.— Скорей заснимите волка!»

«Сейчас!— бодро доносится сзади.— Только не одного, а троих волков. Фють-фють-фють!»

Вглядываюсь, а на том месте, где только что сидел один волк, оказалось действительно три, к которым на моих глазах присоединилась еще пара.

«Глядите, да их тут шесть!»— с тревогой замечает возница.

«Не шесть, а семь»,— поправляет Миргиязов:

Положение становилось щекотливым. Лошади храпели. Оружия у нас с собой не было, а волки, втягивая ноздрями воздух, видимо, чуяли отсутствие запаха пороха. Через минуту перед нами собралась стая в девять волков. Их отделял от нас мелкий рукав Дарьи. К счастью, как потом выяснилось, стая была сыта съеденным ночью колхозным верблюдом, и мы, не ускоряя шага наших лошадей, чтобы не выдать своего смущения, некоторое время спустя оказались уже на далеком расстоянии от волков. Продолжая сидеть на том же месте, они вскоре и совсем скрылись за поворотом дороги.

Так началось наше знакомство с одичавшим районом, который, как оказалось, являл собой настоящее охотничье эльдорадо. Тут было большое количество разнообразной птицы. В прибрежных джунглях виднелись кабаньи тропы. Разные зверьки не раз перебежали нам дорогу. Дважды стадо тонконогих антилоп-джейранов неожиданно появлялось перед нами, когда мы проходили в порядке разведки по окраине соседней песчаной пустыни. А в ближайшем большом тугае на острове близ Айртама бродил при нас рослый красавец бактрийский олень, время от времени поднимая над камышом свою голову с великопной короной в виде пары крупных ветвистых рогов.

После встречи с волками вскоре перед нами вырисовался силуэт значительного древнего городища с мощными валами оплывших стен и башен. Это и было урочище Айрытам.

Мы с жадностью вглядывались вдаль и пристально смотрели вниз, на поверхность земли, усеянную исключительно неглазурованными черепками керамики домусульманского периода. Особенно бросались в глаза фрагменты глиняных рюмкообразных бокалов и разной величины куски светлого маргелистого известняка той же породы, из которой была изготовлена плита карниза. Вскоре мимо нас промелькнули остатки башни из сырцового кирпича, которые мы признали потом за руины буддийского шурбургана или ступа.

При приближении к пограничникам, нас встретила стая более крупных и более страшных, чем волки, кулябских со-

Усеянная фрагментами керамики поверхность городища Айрытам до начала раскопок.

бак-володавов, предводительствуемых исключительно рослым псом-родоначальником, который, как нам вскоре и сообщили, имел кличку Сердар. Он рванулся было ко мне, но видя, что я, сидя на вещах, занят извлечением из левой сумки документов, кинулся ко второй подводе и решительно хотел стянуть с нее за ноги Гулямова. Оклики пограничников положили предел этим попыткам, которые, несомненно, должны были увенчаться успехом. Сердар много раз самостоятельно приводил разных людей, оказавшихся поблизости охраняемого участка. При малейшем стремлении не подчиниться он грозно рычал, валил непослушника на землю, портил часть его туалета, а затем отпускал, сверля его тяжелым взглядом обведенных белком черных крупных глаз, заставляя двигаться в нужном направлении. Останавливал он всех без исключения, кроме пограничников. А бывало и так, что в свободные от службы дни по ночам он со своим выводком уходил драть волков и возвращался поутру с почетными шрамами, показателями того, что противники были погрызаны осно-

вательно, а некоторые насмерть. Гигантский Сердар самым своим видом внушал такой ужас, что за время нашего пребывания в Айрытаме, кроме меня, никто из сотрудников не решался ходить к пограничникам. Когда же он иногда заходил мимоходом в наш лагерь, то члены айрытамской экспедиции старались сидеть у стола не шевелясь, боясь неловким движением привлечь к себе внимание грозного пса и бросая с ласковыми словами на землю подальше куски чего-нибудь, что могло бы заинтересовать его. Но гордый Сердар, не в пример другим волкодавам своей семьи, решительно ничего не принимал от чужих.

Пограничники нам советовали разбивать лагерь не очень далеко от них, хотя поблизости не было никакого жилья, ни живых людей. Но время было беспокойное, и однажды поздним вечером я был предупрежден, чтобы члены экспедиции на всякий случай ложились спать одетыми, так как в ночь ожидалась возможность переправы с афганской стороны крупной басмаческой шайки. Мы по очереди дежурили у своей палатки, ожидая условленного сигнала, чтобы устремиться под укрытие пограничников, но все окончилось без тревоги.

Быстро покончив с формальной стороной, побеседовав около часа о задачах экспедиции, вручив бойцам только что вышедшую брошюру о плите карниза с Айрытама, я вернулся к своим сотрудникам и поехал искать место для лагеря, каковое и выбрал близ ранее замеченного «шубургана». Прошло еще два часа — и в благоустроенном лагере, состоявшем из одной большой палатки, четырех походных кроватей системы Грум—Гржимайло, походного стола, складных скамеечек, ящиков и сундуков, был подан первый обед. В ознаменование благополучного прибытия на место и начала полевых работ из скудных запасов продовольствия на третьем вскрыли две единственные у нас банки прекрасного персикового компота.

С первого момента прибытия на Айрытам мы приступили к широкому ознакомлению с его окрестностями, что в общей сложности заняло больше недели. Уже на другой день нами были обнаружены в нескольких километрах восточнее домусульманского городища Айрытам занесенные песком руины значительного, тянувшегося километра два, если не больше, средневекового поселения IX—XII вв. без признаков укреплений. На поверхности его

Внутренний вид экспедиционной палатки; над походными кроватями «пашахана» от комаров.

лежало немало жженных кирпичей, фрагментов стеклянной, глазурованной и неглазурованной утвари, часто источенных под многовековым действием ветра ударами мелких песчинок, приносимых со стороны Афганистана. В нескольких километрах к северу от него у озера Тузлаккуль нам попалась группа разрушенных зданий XI—XII вв. и относительно молодое мусульманское кладбище. Ряд интересных памятников был зарегистрирован сотрудниками экспедиции и к северо-западу от Айрытама в виде развалин Дехкан-мечети XII в., Туртауз-гумбаза XIII—начала XIV столетий, руин домусульманского замка

Кушки-барзы, развалин Джельтерман, Беш-гумбаз и др. Неподалеку от Айрытамской переправы уцелели издала маячащие путникам развалины угловых стен придорожного караван-сарая (рабата) XII в., причем аналогичные руины виднелись на противоположном афганском берегу. По ним, очевидно, урочище и получило свое нынешнее наименование: «айры» — развиллина, а «там» — стена, строение.

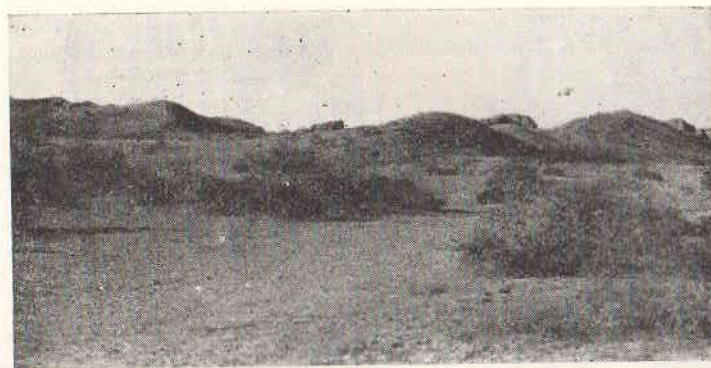
На некоторых пунктах нами было установлено наличие кремневых пластин, оказавшихся, по сделанным позднее определениям молодого ленинградского археолога А. П. Окладникова, принадлежащими к поре эппалеолита. Но главное внимание мы с самого начала уделили домусульманскому городищу Айрытам, справедливо считая, вопреки сбивавших нас некоторое время неверных указаний наших проводников, что именно отсюда и происходит плита с музыкантами.

Оно оказалось довольно значительным. Вытянутое с востока на запад вдоль Аму-Дарьи почти на протяжении трех километров, городище имеет в среднем ширину около полукилометра. В обрыве высокого, крутого, сложеного из верхнетретичных песчаников и интенсивно размываемого рекой берега, проплывая вдоль него на лодке, мы заметили две пещеры искусственного происхождения. Одна из них в восточной части городища была связана с развалинами комплекса зданий на поверхности земли и сообщалась крутоопущенным из нее подземным, возможно, потайным коридором с берегом реки. Вторая пещера, расположенная ближе к западному краю городища, была явно жилой. Она состояла из просторного высокого сводчатого помещения. От поднимавшейся с его пола в сторону реки лестницы сохранилось три ступени. Остальные вместе с коридором и выходом утрачены из-за обвала берега. В полу оказалась неглубокая колодцеобразная яма. Отправившись как-то один на обмер этой пещеры, я, прыгнув в яму, установил, что с уровня ее дна в разных направлениях отходят два подземные засыпанные хода и что сравнительно недавно здесь был притон контрабандистов, тайком перевозивших через границу между прочим чай, бумажные обертки которого виднелись в песчаной осыпи. Когда же после окончания обмера я попытался выбраться оттуда, то оказалось, что это не так просто. Стенки ямы-колодца были очень рыхлые и осыпались при

прикосновения к ним. Вдобавок яма значительно расширялась книзу от обвалов и не давала нужного упора рукам и ногам. Только после долгих усилий, втыкая в рыхлый песок нож, шул, металлический метр, рейку, потратив больше часу времени, почти отчаявшись в успехе, выкарабкался я, наконец, из западни, в которую попал по собственной оплошности. В лагере о моем неприятном положении никто не догадывался, хотя и беспокоились долгим отсутствием.

На площади городища мы установили наличие нескольких домусельманских, продолговатых в плане, керамических печей — хумданов, напоминавших своим устройством римские. Одну из таких печей собственноручно расчистил Т. Миргиязов, обнаружив в ней позднейшее погребение и в головах его вертикально поставленную профилированную каменную плиту от карниза какого-то древнего здания. Неподалеку от лагеря оказалась площадка, занятая отвалом щебенки и крошки мастерской древних каменотесов, обработывавших некогда на Айрытаме глыбы мергелистого известняка. Самая добыча его, как мы уже знали, производилась километрах в 20 выше по Аму-Дарье — на горе Ходжа Гульсуар. Там в древних карьерах былых каменоломен была найдена как-то в дореволюционное время золотая монета — ауреус кушанского государя Канишки (конец I — начало II вв. н. э.), которая затем попала в коллекцию инженера Б. Н. Кастальского.

Почти интуитивно нас больше влекла на городище внушительная группа развалин укрепленной его части, неподалеку от которой мы натолкнулись на каменную плиту профилированного карниза с полочкой и выкружкой. Развалины эти, вытянутые вдоль обрывистого берега Аму-Дарьи, занимали некогда площадь примерно 250×110 м², почти сплошь усеянную фрагментами керамики, особенно от хумов. С востока и с севера оплывшая внешняя стена сохранилась в виде солидного вала. С западной стороны высились руины трех мощных башен. А в юго-западном углу на естественном продолговатом возвышенном останце, имеющем в основании по 100 м в длину и 35—50 м в ширину, угадывались руины погребенного в культурном слое крупного здания. Восемнадцатиметровый крутой обрыв берега, подмываемого главным руслом Аму-Дарьи, дал прекрасный разрез. Изучая его,

Общий вид городища с севера.

удалось в бинокль разглядеть, что верхний культурный слой едва достигает примерно двух метров мощности и что в одном месте обнажился как бы торец обделанной каменной плиты. Мы были уверены, что именно отсюда и происходила доставленная в Ташкент плита. Вскоре это было подтверждено живыми свидетельскими показаниями, совершенно по-иному, чем это было опубликовано мной со слов В. Г. Подольского, неточно обрисовавшим начало истории обнаружения айрытамского фриза.

Как-то вечером, вскоре же по прибытии в Айрытам мы встретились с бакенщиками и рыбаками Калгиным, Ерёминым и двумя братьями Максимовыми. Разговорились, начав беседу с любопытных хвостатых амударьинских реликтовых и вымирающих рыб — псевдоскафиринкусов, которыми мне хотелось «побаловать» членов экспедиции. Незаметно для малообщительных рыбаков разговор перешел на более для нас интересную тему. Выяснилось, что Калгин еще года четыре назад под отмеченным нами обрывом натолкнулся на каменную тонкую длинную и широкую плиту с «рисунками», но без фигур, которую затем затянуло наносным песком. В прошлом же году все они вчетвером, проезжая мимо обрыва, заметили на отмели две плиты. На одной имелись три изображения людей с музыкальными инструментами. На другой — была высечена фигура женщины. Чтобы кто-нибудь не воспользовался их находкой, бакенщики перевернули обе плиты лицевой стороной вниз, а по

Обрыв городища к Амударье.

приезде в Термез сообщили о них своему непосредственному начальнику, старшине И. Ряслову. Тот, ничего им не сказав, без предупреждения забрал обе плиты и увез. Одна якобы попала сперва в комендатуру, а затем ее оттуда кто-то взял.

Все сообщенное было очень интересно, и позднее, воссоздавая постепенную последовательность событий, удалось установить, что плиту с изображением женщины взяли из комендатуры в 1933 г. на пристань, в Ташкент о ней ничего не сообщили, а некоторое время спустя, по распоряжению тамошнего техника-строителя, разбили на куски, которые были пущены в забутовку фундамента при возведении одного из новых пристаньских зданий. Из высланной же Узкомстарисом премиальной суммы по-длинные участники находки ничего не получили.

Это выяснилось не сразу, но главное в показании бакиенщиков-рыбаков было точное установление места обнаружения плиты карниза. Тут мы и приступили к разведке.

В производстве раскопочных работ встретилось немало трудностей. Поблизости людей не было. Ближайшие колхозы располагались за несколько километров. Рабочих рук у них едва хватало для своих надобностей. Нам выделяли первое время после длительных переговоров чаще всего безнадежных лентяев или лиц, по своей репутации уже намеченных к исключению из членов колхозов. Много времени уходило на ежедневный проезд на работу и на обратные концы. Некоторые колхозники из числа недавних кочевников-скотоводов не имели никаких навыков в земляной работе, быстро утомлялись, а тут еще и «грунт» попался исключительно твердый. Слежавшиеся глыбы культурного слоя со включением остатков пахсы и сырцовых кирпичей, имевших примесь гальки, ударом кетменя в полный размах едва прорезались на 3—4 см. Приходилось все время прибегать к кирко-мотыгам. Лучше других работали люди колхоза «Кизыл Гюлистан» в Джуиджанголе, давшие настоящих ударников. Их мы отмечали денежными премиями за качество производства раскопок. Но и у тех работа дважды срывалась по независящим от них обстоятельствам.

Виною был «афганец» — порывистый, сильный, горячий ветер (гармисиль), иногда длившийся до полутора суток. Буквально валивший с ног, засыпавший глаза, рот, уши, покрывавший все вокруг мелкой песчаной пылью, которая проникает всюду (под подушки, в спальные мешки, в забитые ящики, в закрытые чемоданы) — этот ветер страшно выматывал людей. Не только не было никакой возможности работать на раскопочных площадках, но даже пребывание в палатке становилось изнурительным. Массы приносимых

с афганского берега песчинок, иногда довольно крупных размеров, больно ударяли по лицу, а порой так застилали атмосферу, что сквозь нее с трудом пробивались лучи солнца, кругом становилось серо и в нескольких шагах ничего уже нельзя было разобрать. Тот, кому выпадала очередь идти за водой к Аму-Дарье по привычной натоптанной тропинке, во время «афганца», теряя обратное направление, все время кричал, а остальные из палатки подавали ему ответные призывы, чтобы он, ориентируясь на звук, не заблудился в песчаном вихре. И был случай, когда дежурный «водонос» вернулся в лагерь на крики прямо с противоположной стороны.

Но вот неожиданно, как-то сразу, ветер спадает. Песчаная буря прекращается, заноса кругом все старые следы. Угнетенная нежная растительность постепенно оживает. И в воздухе наступает изумительная, почти абсолютная тишина. В пустыне она особенно разительна к ночи, когда на темном бархатном фоне очистившегося, необычайно глубокого южного неба загораются и мигают далекие звездные миры, а кругом не раздастся ни шелеста травы и кустов, ни голосов словно уставших от бури птиц и животных. Все так тихо-тихо. Человек особенно полно отдыхает в такие минуты. И так понятны становятся слова поэта:

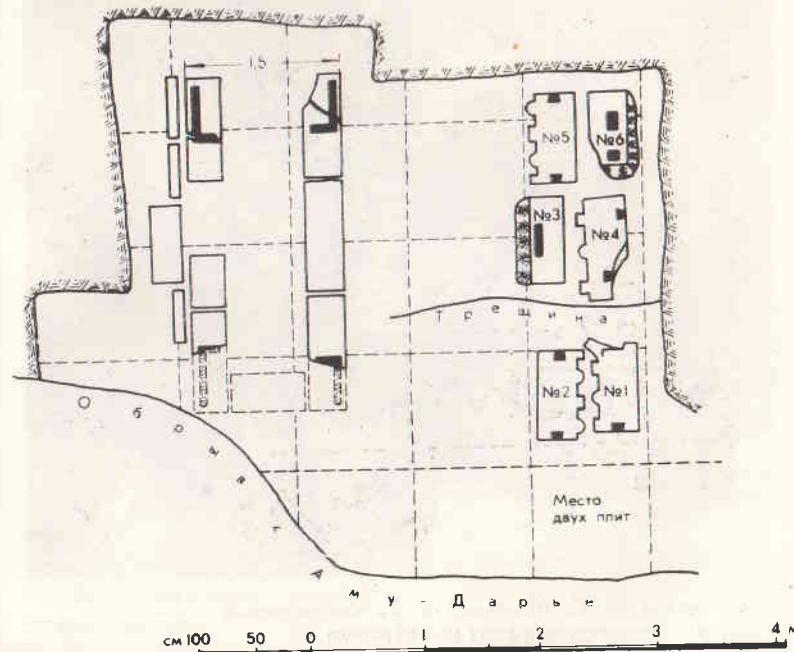
Тишина, ты лучшее
Из того, что слышал...

Земляные работы мы начали с четырех небольших разведочных шурфов на самом краю обрыва, а затем заложили тут же расширенный раскоп над местом, где был замечен торчавший торец каменной плиты. Значительная высота над рекой, отвесная крутизна берега почти до половины, непрочность рыхлого песчаника, изборозжденного глубокими вертикальными трещинами, делали работу небезопасной. Порой трещины у края были совершенно невидимыми, но в процессе раскопки они начинали постепенно намечаться все отчетливей, умножались и расширялись на глазах, пока наконец вслед за сильным ударом кетменя не отрывалась и не летела вниз целая глыба земли.

Предварительное обследование культурного слоя над отвесным обрывом произвел я сам, обвязавшись канатом вокруг пояса и спустившись под кручу на приколе. Позднее мы подвязывали веревками и некоторых рабочих в наи-

более рискованных участках. Но чтобы более или менее гарантировать экспедицию от несчастных случаев с людьми, пришлось произвести искусственный обвал сильно обветренной, подмытой и растрескавшейся кромки обрыва. При этом обнажилась многометровая вертикальная яма сверху донизу забитая землей.

Первый небольшой разведочный раскоп, всего около 10 кв. м на глубине примерно двух метров от поверхности обнаружил основание продолговатого пилона какого-то здания. Сам он был сделан из плотно сбитой земли—пахсы, а снаружи облицован каменными плитами. Именно торец одной из них и был подмечен нами в обрыве. Дальнейшее

План расположения западного пилона и сброшенных между ним и восточным пилоном плит скульптурного карниза.

изучение вскоре же показало, что здание когда-то подвергалось разрушению, пилон был разобран, а большая часть его каменных плит растащена. Уцелевшие же в цоколе пилона имели высеченные гнезда для сцепления с облицо-

Расчистка М. Е. Массоном и Т. Миргиязовым
первых скульптурных плит над обрывом
к Амударье.

вочными плитами панели. Часть их давно уже рухнула в Аму-Дарью при размыве берега. Такая же участь вскоре ожидала и откопанный нами пилон, так как четыре года спустя при производстве новых раскопок на Айрытамском городище одним из отрядов возглавлявшейся нами Термезской археологической комплексной экспедиции мы заста-

Вид сбоку у края обрыва на груду сброшенных в
древности плит скульптурного карниза.

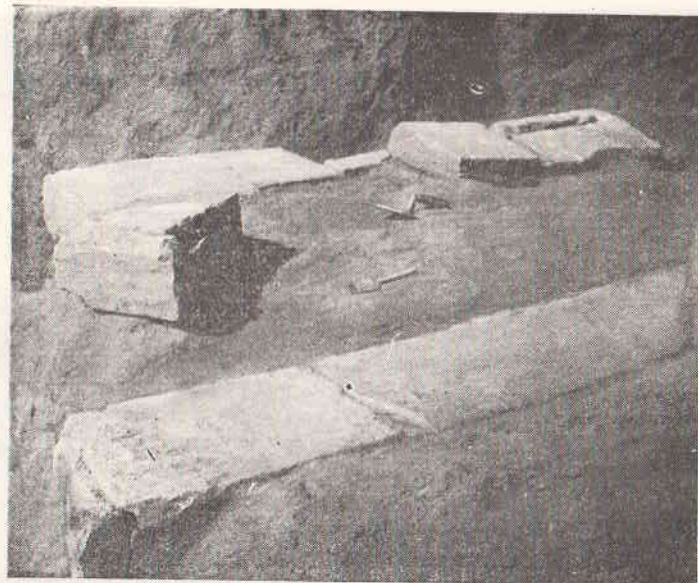
ли от него всего лишь одну самую удаленную от края плиту. Все остальные свалились в Дарью при очередном оплыве берега.

Расширяя начатый раскоп в восточном направлении, мы с Т. Миргиязовым как-то вечером нащупали на самом краю обрыва две плиты с акантами от того же, видимо, карниза, которому принадлежал присланный в Ташкент фрагмент фриза. Одна из них лежала лицевой стороной вверх; вторая стояла боком. «Открытие» вызвало большое оживление на рабочей площадке. И хотя в это время наступил час окончания работы, никто из колхозников-зем-

Вид сверху на груду сброшенных в древности плит скульптурного карниза.

лекопов не пожелал уезжать домой. Сгрудившись наверху, они с жадным интересом смотрели, как подцепленные веревками я и Миргиязов ножами и кистями вели расчистку плит и как постепенно из-под земли проступали широ-

Каменные плиты основания западного пилона.

кие лопасти акантовых листьев, угловая волюта с удлиненным стержнем и изображения поясных человеческих фигур. Прошло не менее полутора часов, пока, наконец, не выяснилось, что на одной плите были изображены две полуобнаженные девушки в ожерельях, с отбитыми руками, изверски искалеченными лицами, а на второй — такая же девушка с гирляндой цветов. Только быстро надвинувшаяся темнота заставила с сожалением приостановить так увлекшую всех расчистку. Мы, уставшие, но в приподнятом настроении направились пешком в лагерь, а рабочие, сев на своих ишаков и лошадей, оживленной гурьбой двинулись с большим добровольным запозданием в свой колхоз.

Следующие дни прошли в постепенном расширении раскопа. Здесь было обнаружено в общей сложности семь скульптурных плит фриза. Длина их колебалась от 0,7 м до 1 м; ширина — от 0,3 м до 0,5 м, а высота имела 36—38 см. Все они были обработаны глубоким горельефом, переходящим в круглую скульптуру, и сделаны в одном стиле, но явно разными мастерами. Всего на них было изваяно, счи-

Плита карниза западного пилона с изображениями

тая с ташкентской плитой, 14 фигур. Лучше исполнены плиты с музыкантами. К ним у нас добавились фигуры с двойной флейтой и ударными тарелками. Хороша была фигура с изящным сосудом в руке. Все они представлены в костюмах, напоминающих одежды позднеэллинистического времени: широкие плащи с крупными складками и туники то с длинными, то с короткими рукавами. Целую коллекцию дали изображения тяжелых серег, гривн, браслетов, ожерелий и диадем. Лица полные, округлые, без выдающихся скул, с раздвоенными подбородками, с умеренными ртами, с прямыми без переносицы «греческими» носами, с большими, прямо посаженными глазами без зрачков, с круто изогнутыми бровями. Академик Сергей Федорович Ольденбург говорил мне, что в показанных ему мною зимой изображе-

барабанщика, музыкантки с лютней и арфистки.

ниях айрытамских музыкантов можно видеть олицетворение «панча махашабда», т. е. пяти великих звуков, которые, по представлению индусов, составляют гармонию мира.

Технически грубее оказались исполненными фигуры остальных четырех плит. Их создатели были под большим влиянием индийской школы. Фигуры даны несколько схематично. Формы тела лишены анатомической правдивости. Беднее украшения и одежды. Некоторые даны в полубогаженном виде. Все изображения сильно изуродованы: носы сбиты, руки отколоты. Лишь у одной фигуры уцелела гирлянда из плодов с цветком посредине, а у другой пальцы сложены в буддийском религиозном скрещении. Возможно, что это «девы путра», усыпаящие путь Будды цветами и плодами.

Фигура арфистки с плиты западного пилона.

В момент откопки слегка влажные плиты имели вид сахарно-белых. Кое-где можно было заметить остатки тонкой алебастровой штукатурки. На некоторых мы ощущали следы красной и как будто синей красок. Не служила ли тут охра грунтом для накладывавшейся поверх нее позолоты — невольно думалось нам, вспоминая показания древних китайских пилигримов об обилии золота на буддийских архитектурных памятниках V—VI вв. в соседнем Бадахшане?

Как выяснилось уже в Ташкенте, плиты скульптурного карниза, взятые готовыми с каких-то других, возможно, пришедших в разрушение памятников (или памятника), не

очень искусно подгонялись друг к другу при помещении на обоих пилонах входа, из которых восточный нами не вскрылся, а был только нащупан.

На месте же удалось установить, что все плиты не только оказались некогда сорванными со своих мест и нарочито покалечены, но затем еще свалены кое-как (криво, боком, в опрокинутом состоянии) между пилонами, присыпаны, а сверху в порядке осквернения залиты толстым слоем экскрементов.

Пока медленно протекали земляные раскопочные работы, у Ивана Прохоровича Завалина, выполнившего все, что от него требовалось на первых порах, оказалось свободное время. Вятич, по происхождению из крестьян, одаренный от природы человек с неплохим художественным вкусом, Иван Прохорович, попав на действительной военной службе к генералу фотографу-любителю, сам пристрастился к фотографированию и превратился в первоклассного профессионала. Изъездив Сибирь, побывав в Японии, состоя в дореволюционное время в качестве фотокорреспондента киножурнала французской фирмы братьев Патэ, Завалин в 20-х годах попал в Среднюю Азию и увлекся местными архитектурными памятниками. Много лет проработав в Узкомстарисе, Иван Прохорович не только стал их знать, но и хорошо понимать, прекрасно выполняя самостоятельные задания по части их монографической фиксации, иногда даже по собственной инициативе. Вот почему я считал полезным отпустить его из лагеря на несколько дней для заснятия памятников Старого Термеза. С ним вместе направился в Паттакесар за очередной порцией продуктов Яхья Гулямов. В Айрытамском лагере мы с Турды Миргиязовым остались одни.

29 сентября выдался нелегкий день. Только после полудня стих «афганец». Потерявший незадолго перед экспедицией свою любимую мать, Турды Миргиязов находился в подавленном состоянии и после вечернего чая тотчас залез под марлевый полог от комаров («паша-хану») на свою походную «грумгржимайловку». Я остался сидеть за складным столиком и при свете фонаря «летучая мышь» заносил полевые записи в свой дневник. Подле меня лежала сука огромных размеров — Джальма, дочь Сердара, ожидавшая в скором времени прибавления семейства и потому находившаяся на особом вольном положении без несения специальных обязанностей. Не в пример отцу,

Фигура музыкантки с двумя флейтами на фасадной

она льнула к членам Айрытамской экспедиции и частенько последнее время даже ночевала в лагере.

Было уже довольно темно, когда ко мне подъехал пограничник.

«Не видели ли вы наших коров?» — спросил он, поздоровавшись со мной.

«Как же, видел, — отвечал я. — И не только видел, но даже предлагал Миргиязову подоить их. А то у нас все продукты вышли. Остался сахар да полбуханки хлеба, так что немножко голодно. Беда только в том, что ни я, ни мой коллектор не умеем доить. Коровы же ваши все жмутся к нашей палатке с подветренной стороны».

Ворча и для порядка поругиваясь, отковырявший пограничник погнал «загулявших» коров и скоро скрылся в необъятной ночной тьме.

плите западного пилона.

Пршшел, должно быть, час после его отъезда, когда Джальма начала проявлять признаки беспокойства. Оставаясь лежать на земле, она как-то вплотную припадала к ней и, задирая время от времени голову, принималась уныло подвывать, как это делают иногда некоторые псы на луну. Но на небе в эту ночь луны не было, и, чтобы успокоить собаку, я дал ей запеченный на сале по узбекскому способу дорожный консервный катышок сладкого теста. Она съела его, но через некоторое время возобновила свой вой. Ее что-то тревожило. Пристально вглядываясь в ту сторону, где пролегалла дорога, она вдруг начинала дрсжать, и на спине у нее поднималась шерсть. Вой становился все тоскливее. Собака льнула к моим ногам. Приписывая все это возбужденному состоянию будущей матери, ожидающей в ближайшие дни щенят, я, в послед-

Плиты скульптурного карниза с восточного пилона.

ний раз приласкав ее, ушел в палатку, забрался в свою очередь под «паша-хану» и, потушив фонарь, заснул. Некоторое время спустя меня разбудила возня у входа в палатку. Оказалось, что это Турды, на нервы которого особенно действовал вой Джальмы, схватил палку, прогнал ее. Она побежала в прямо противоположном направлении от своего дома. Мы заснули.

Когда на другое утро я вышел из палатки, на заметной «афганцем» глади песка мне бросились в глаза крупные звериные следы. Промер расстояния между ними дал около 70 см.

«Тигр,— пронеслось в голове.— И, кажется, крупных размеров». Я окрикнул Турды. Оба, превратившись в следопытов, мы внимательно просмотрели весь путь зверя у нашего лагеря. Тигр приблизился к нему со стороны границы и, видимо, находился где-то неподалеку уже с вечера, почему коровы не пошли привычной дорогой. Стало понятным, почему и Джальма убежда в обратном, от дома направлении. Подойдя к палатке, зверь обошел ее дважды в расстоянии каких-нибудь двух шагов. Полы ее для продува закатаны сверху, и нас, спокойно спавших на походных койках, отделял от страшного хищника только марлевый полог «паша-хана». Около Миргиязова тигр останавливался и, может быть, внюхивался в стоящий рядом продуктовый, хотя и пустовавший ящик. Затем тронулся по той дороге, что вела мимо места раскопок в лежащие к северо-западу колхозы.

Занимаясь разглядыванием отпечатков тигровых лап, мы несколько замешкались с утренним завтраком. Солнце быстро всходило, и надо было торопиться на раскоп. Уже ждавшие там землекопы издали встретили нас вопросом— был ли в лагере тигр. Оказывается, ночью тот посетил в их колхозе скотный двор, зарезал одну корову и, перемахнув с нею за спиной через двухметровый глиняный забордувал, ушел в джунгли. На пути к раскопу наши рабочие разглядели, что тигровые следы шли со стороны экспедиционного лагеря.

Когда наступили часы обеденного перерыва у рабочих, я зашагал к пограничникам, чтобы что-нибудь предпринять в сложившейся для нашего лагеря ситуации. Так выяснилось, что свободных винтовок нет, что имевшиеся охотничьи ружья недавно отправили на починку в Термез и что если к нашей палатке ночью вновь придет тигр, то стоит нам только подать огневой сигнал, как тотчас на подмогу будут высланы дежурные пограничники. Большого сделать для нас, увы, не могли.

...Возвращаясь вечером в лагерь, мы составили уже по дороге план «противотигровой» обороны, к выполнению которого и приступили немедленно по прибытии к своей палатке. Расчистили вокруг нее эспланаду почти на сто метров, вырубив сплошь солянки, джузгун-каллигонум и различные другие кустики. Все их уложили высоким барьером, окруживши, как незамкнутым «бруствером», место нашего пребывания. Покропили сооружение керосином и,

Лагерь экспедиции с показом остатков противотигрового «бруствера».

проделав частичный опыт, высчитали, что наш «сигнал» будет гореть минут 20—25, за этот срок успеет прибыть по тревоге обещанная подмога. В качестве индивидуального оружия для дежурного взяли двухметровую неширокую жердь, обмотали с помощью проволоки один конец ее паклей и тоже промочили ее керосином. Получился инструмент, по виду напоминающий артиллерийский банник. Предполагалось, что при появлении тигра дежурный зажжет паклю и будет махать в воздухе своеобразным факелом, удерживая огнем на расстоянии дикого зверя.

Ночь разбили на четыре смены. По жребию первым оказался Миргиязов. Его дежурство прошло благополучно, как доложил он мне, поднимая меня в назначенное время с постели.

У меня вначале тоже все шло хорошо. Я ходил вокруг палатки, вглядываясь в темноту из-за кустарникового бруствера. Чуть мигал закапризничавший фонарь «летучая мышь». В руках у меня были спички и жердь.

Вдруг в ночной тиши со стороны границы послышался

какой-то приглушенный шум. Через некоторое время он повторился и как будто ближе. Еще и еще. Разобрать ничего нельзя ни простым глазом, ни с помощью бинокля. Не спавший Турды заерзал на своей койке.

Проходит с четверть часа. Шум слышится временами совершенно явственно. Что это?

«Пойду посмотрю», — заявляю я Миргиязову.

Тот отговаривает.

Тем не менее со спичками наготове, держа жердь с паклей наперевес, я осторожно двинулся навстречу странному звуку. Предостерегающие окрики оставшегося у палатки коллектора заставляли меня раза три останавливаться. Но вот в темноте вырисовывается неясный силуэт чего-то большого, раздается фыркание и... хруст пережевываемой сухой травы.

«Лошадь!» — радостно кричу я, обернувшись лицом к лагерю.

Чья она была, как попала среди ночи на наш пустырь — мы так никогда и не узнали. А в то время были очень обрadowаны, что эпизод так счастливо разрешился.

В первый выходной день после посещения нашего лагеря тигром, поскольку рабочие по договоренности не явились на раскоп, я с Миргиязовым отправился вверх по Дарье для изучения ранее уже замеченного нами средневекового городища. Долго бродили мы по нему и по соседним пескам, когда, наконец, решили сделать полуденный перерыв. Подошли к пойме. Турды остался сидеть на обрывистом берегу, а я спустился вниз и вышел к Аму-Дарье в очень уютном месте. Тут у песчаной отмели камыш оказался хорошо умятым и позволял с удобством расположиться на отдых. Сбросив экскурсионную амуницию в виде сумки, фляги, планшетки, щупа, тиши и занявшись умыванием в мутноватых, но очень приятных струях реки, я стал усиленно звать своего коллектора. Тот, наконец, поддался соблазну, и мы с полчаса кейфовали, растягивая, сколь возможно, скромный по объему «сухой паек» своего завтрака.

«А чем это здесь так кисло пахнет?» — вдруг задал мне вопрос Миргиязов.

Я принял его и без особых раздумий ответил: «Зоопарком».

«А вы ходили в ту сторону?» — показал он мне на про-

мятую в камышах дорожку, ведущую в прямо противоположную сторону, откуда я пришел.

«Нет», — отвечаю я.

«Так это логово тигра и его тропа, — уже с тревогой скороговоркой отозвался Миргиязов. — Это им и пахнет».

Вывод был основательный. Пахло действительно хищником кошачьей породы. Он и умял здесь камыши для своего отдыха.

Не испытывая никакого желания видеть тигра на свободе, хотя бы и при дневном свете, мы поспешили выбраться из джунглей и зашагали в лагерь.

А через несколько часов в нем мы радостно встречали своих вернувшихся товарищей — Ивана Прохоровича Забалина и Яхью Гулямова, привезших с собой и хлеба и сахару, а в качестве витаминов свежесорванного зеленого перца. На последний мы накинулись как на яблоки, с интересом выслушав «отчеты» от обоих прибывших членов нашей экспедиции.

Иван Прохорович успел заснять все, что было намечено, но при выполнении полученного задания потерял по независящим от него обстоятельствам несколько прекрасных дневных рабочих часов. Оказалось, что, когда он, добравшись до Старого Термеза пешком, заканчивал фотофиксацию его руин в Приамударьинской группе развалин, на него неожиданно вышло пять волков, от которых он спасся, взобравшись на высокую пахсовую стену какого-то средневекового разрушенного здания. Волки приблизились вплотную и начали «осаду». Часть улеглась у основания стены; другие обходили ее со всех сторон и, вставая на задние лапы, с любопытством внюхивались в идущие сверху запахи.

Завалин просидел так под палящими лучами солнца, свесив ноги, свыше трех часов, тоскливо поглядывая то на стороживших его волков, то на изредка проносившихся в воздухе птиц, то на мертвые руины древнего Термеза. Вдруг со стороны ширабадской дороги раздалась вдали таджикская песня. Это мальчуган-таджик верхом на сереньком ишаке появился из-за гребня старой поймы и, спускаясь вниз, ничего не подозревая, ради собственного развлечения затянул унылую мелодию.

Волки встрепнулись, покинули Ивана Прохоровича и трусцой направились к новой приманке.

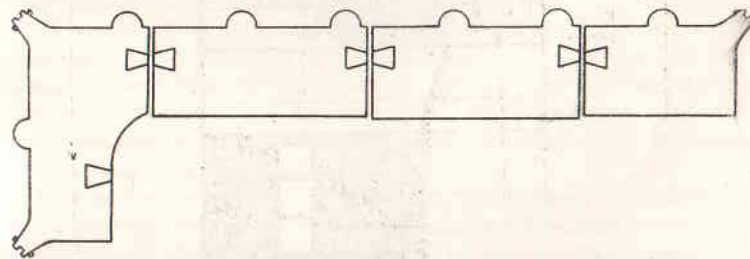
«Вай дод!» — в ужасе во весь голос при виде стаи завопил мальчуган, повернув ишака назад и усиленно погоняя

его палкой, а также ударами своих голых пяток по животу ослика. К счастью, за гребнем в это время производились учебные занятия пограничников. На крик таджиченка быстро вынеслись конные бойцы, они слугнули своим появлением волков, избавили от смерти мальчика и его ишака, а заодно освободили и фотографа Айрытамской экспедиции, радостно спустившегося к ним со спасительной стены, держа в руке пачку затребованных к предъявлению документов.

«Нет, довольно, — закончил свой доклад о самостоятельной поездке наш фотограф. — Остаюсь до конца экспедиции в лагере и больше никуда не еду. Тут спокойнее».

Демонстрация с соответствующими комментариями наших противотигровых оборонительных средств заставила его несколько переоценить положение в Айрытаме, и он даже отозвался по этому поводу репликой: «На Шипке все спокойно».

С ночи оба вновь прибывшие вступили в очередные дежурства, которые мы еще соблюдали некоторое время, а затем отменили, как ненужные, поскольку ничего тревожного не случилось. А через два дня после того утром мы уже вчетвером рассматривали свежие крупные следы тигра вокруг нашей палатки, к которым отнеслись с достаточной выдержкой и спокойствием. «Невидимый тигр» стал одним из элементов нашей повседневности, и мы с ним как бы свыклись. Он, должно быть, не питал к нам враждеб-

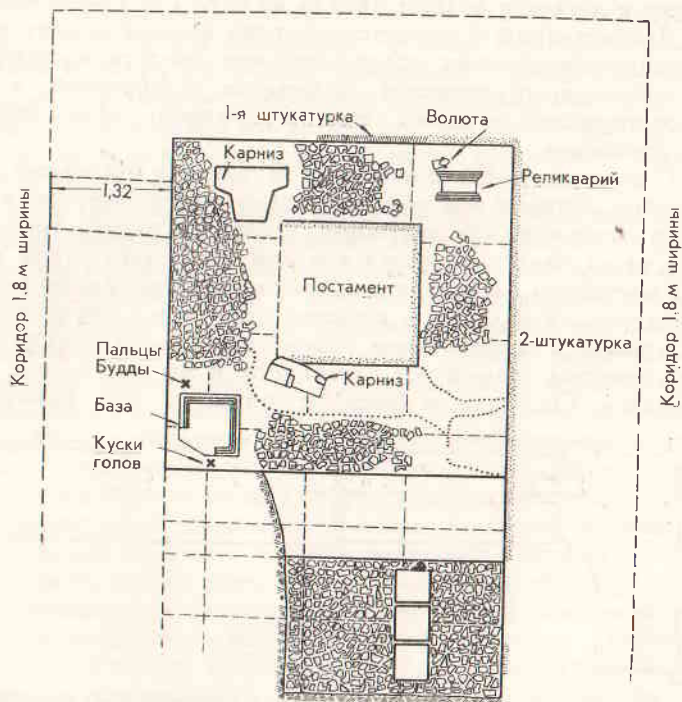

Расположение скульптурных плит карниза на восточном пилоне. Реконструкция.

ных намерений, и мы наши ночные дежурства так и не возобновляли до самого отъезда из Айрытама.

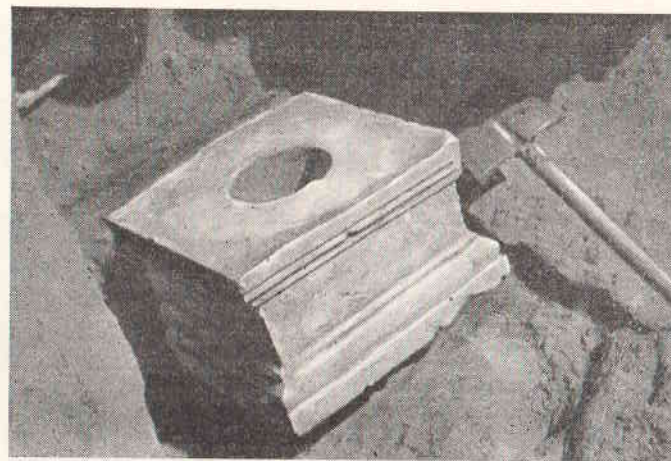
Главное внимание к концу работы стал привлекать раскоп № 2 в 13 кв. м, заложенный несколько севернее

первого до такой же двухметровой глубины и пришедший над небольшой комнатой святилища. Середина ее оказалась занятой квадратным кирпичным оштукатуренным постаментом, имевшим до 1,5 м в стороне. Вокруг него оставался лишь небольшой проход для совершения культового обхода. Раскопка вскрыла интересную картину разгрома. В северо-восточном углу лежало опрокинутое на бок каменное основание крупного реликвария, служившего некогда прахохранилищем мнимых мощей Будды. Верхняя часть его была разбита вдребезги, а от некогда венчавше-

План разгромленного святилища.

го его «зонтика» многоярусной чайты (символа фигового дерева, под которым Будда якобы погрузился в нирвану) осталось лишь три разбросанных по комнате каменных фрагмента.

Основание каменного реликвария для хранения «мощей» Будды.

Когда-то на постаменте высилась раскрашенная алебастровая статуя Будды и, может быть, стояли фигуры его учеников. Статуя первого культового образа была больше нормального человеческого роста. Ее облекали широкие одежды, а правая рука была вытянута вперед. Одни из первых ударов при разгроме святилища пришлось на нее и на голову. В результате три крупных пальца, большое левое ухо с отвисшей мочкой и темя с черными волнистыми волосами отлетели в юго-западный угол помещения, где присыпанные землей уцелели до наших дней. Статуи беспощадно разбивались вдребезги и, должно быть, растапывались на полу ногами, дав слой, насыщенный измельченными кусочками алебаstra.

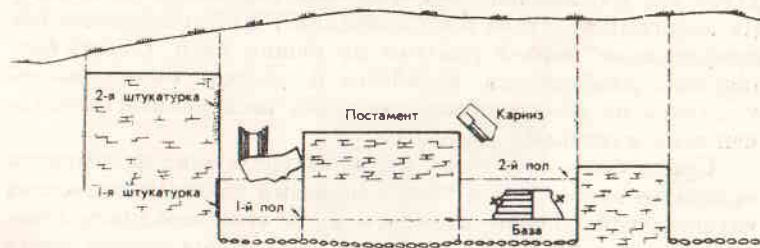
Среди более или менее крупных уцелевших фрагментов оказалось алебастровое темя с черными волосами от головы человеческой фигуры размером с десяти-двенадцатилетнего мальчика. Может быть, некоторое время спустя после того, как покончили со «священными предметами», стали разрушать и самое помещение. При этом глыбы из нескольких сцепленных каменных плит карнизов летели сверху вниз и некоторые оказались погребенными под грудой строительного мусора.

Постепенное углубление дало нам возможность устано-

вить несколько этапов в существовании раскапывавшегося здания. Из верхней кладки одной надстраивавшейся стены была извлечена медная кушанская монета — халк Канишки (конец I — начало II в. н. э.) с изображением бегущего божества бури. Наметилась некоторая историческая перспектива в истории изучавшегося буддийского памятника, который, видимо, уже существовал около двух тысяч лет назад, причем расцвет приходится на пору вхождения района Термеза в состав государства кушан. После того он некоторое время находился в упадке, затем подвергался реставрации и, наконец, был окончательно разгромлен с преданием кощунственному поруганию. Большая часть каменных плит была увезена и использована на другие надобности. Нам казалось, что это произошло до арабского завоевания и незадолго до него.

К середине октября разведочные раскопки на Айрытаме, уже давшие ряд интересных памятников искусства, подходили к концу. Приходилось заботиться о ликвидации работ. Об этом напоминала и природа.

В течение нескольких последних дней на ближайшем крупном острове стали скапливаться тысячи готовящихся к отлету аистов. По утрам и вечерам они оглашали воздух сухим пощелкиванием своих клювов. Днем старики совершали тренировочные полеты с молодежью. Но однажды утром мы были поражены тишиной и словно отсутствием движения на острове. Это было перед началом отлета. Вскоре аисты стали подниматься в воздух, кружась над

Разрез разгромленного святилища с севера на юг.

нами. Построившись в колоссальный косяк, они потянулись на юг, через Афганистан в Индию, словно показывая нам пример.

14 октября из Паттакесара прибыло восемь арб, и мы

Внутренний вид разгромленного в древности святилища.

приступили к погрузке тяжелой археологической «добычи». Последняя заняла шесть арб. На две остальные сложили все прочее имущество экспедиции. Мы радушно простились с присутствующими, и мной был дан сигнал к отъезду. Провожавший нас вместе с прочими рабочими колхозник Кабул напутствовал нас словами: «В нашей старой песне поется: «Взяли выточили акташ (белый камень) и сделали сарай (т. е. дворец)». И правильно — акташ нашли. По песне есть тут и кукташ. Значит надо теперь искать его». Мы и сами понимали, что городище Айрытам ждут новые раскопки. В три часа дня наш арбяной караван двинулся в Термез.

Следующий день ушел на погрузку всех каменных плит, весивших свыше 2000 кг., в товарный вагон со специальным решетчатым закреплением досками для отправки в Ташкент, куда они и прибыли благополучно. Несколько лет спустя наиболее интересные плиты айрытамского фриза были поднесены Советом Народных Комиссаров УзССР в дар Государственному Эрмитажу как памятники исключительной научной значимости и отправлены в Ленинград,

где находятся в постоянной экспозиции среднеазиатского отдела этого мирового музейного хранилища. Все остальные объекты переданы на временное хранение в Сурхандарьинский областной музей по ходатайству последнего.

Несомненно, скульптурные плиты айрытамского фриз хороши. Однако более существенным достижением Айрытамской экспедиции явилось обнаружение первого для Средней Азии и могущего быть датированным целого комплекса разнообразных археологических объектов (включая керамику), относящихся к эпохе существования в первых веках н. э. государства «Великих кушан». До того близкие разрозненные предметы ошибочно определялись в Москве и Ленинграде как датирующиеся V—VII вв. н. э., и тем самым резко замлаживалась история многих местных городищ. Теперь представлялась возможность пересмотреть прежние представления и выводы, в частности, по Самарканду и Термезу. Уже 16 октября 1933 г. мною была на этот предмет посещена приамударьинская группа развалин Термеза, и я убедился, что последний, вопреки высказывавшимся в печати сообщениям, существовал как крупный город уже в первых веках н. э. так как его культурные слои на огромной площади были насыщены керамикой эпохи кушан, аналогичной обнаруженной нами на Айрытамском городище.

На другой день трое сотрудников экспедиции направлялись в Шахрисябз для ознакомления со случайно открытым там склепом XV в., а я поспешил в Самарканд, чтобы по-новому взглянуть и на содержимое нижних культурных слоев городища Афраснаба, которые тогда относили ко времени не ранее V в. н. э. Как и в Термезе, я воочию убедился, что так хорошо и давно знакомое мне это городище содержит в себе много керамики «кушано-кангуйского времени» и что в историю Самарканда надо внести существенные коррективы со сдвигом датировок в глубь веков на много столетий.

Но самым важным в научном отношении последствием работ Айрытамской экспедиции 1933 года была возможность сопоставить многообразный археологический комплекс первых веков н. э. со средневековыми археологическими комплексами объектов заведомо феодального периода, наглядно выявить их глубокое различие и в связи с этим поставить на разрешение вопрос, не принадлежит ли комплекс первых веков н. э. иной формации, т. е. рабовла-

дельческому обществу, вопреки господствовавшим тогда представлениям, что уже Александр Македонский застал в Средней Азии феодальные отношения.

Для разрешения этой проблемы Узкомстарисом была вскоре по моей инициативе организована специальная первая в Средней Азии крупная многоотрядная Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). Она работала в поле на протяжении трех лет с 1936 г. по 1938 г. включительно и дала новый большой материал для решения поставленного вопроса.

АРХЕОЛОГ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ БОЛЬШОГО ФЕРГАНСКОГО КАНАЛА В 1939 г.

У экспедиции археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала в Средней Азии была своя предыстория.

Великая Октябрьская социалистическая революция разбудила здесь чаяния дехканской массы о земле и воде за несколько лет до земельно-водной реформы 1925 года. Еще немало рыскало повсюду поддерживавшихся из-за рубежей советской страны басмаческих шаек. Их курбаши всячески пытались терроризировать кишлачную бедноту и середняков. Муллы и ишаны грозили карами аллаха всем правовеерным, которые поддадутся «дьявольскому соблазну» большевистской пропаганды против освященного кораном и шариатом неприкосновенного наследственного права недвижимой собственности. В глухих селеньях, на дорогах, а в ночную пору и на опустевших старгородских улочках совершались таинственные убийства тех, кто за активное сочувствие Советской власти объявлялся ими «изменником» и «безбожником».

Но уже рухнули просуществовавшие до 1920 года Бухарское и Хивинское ханства. Иностранцы интервенты были отброшены за пределы молодой Страны Советов. Сама она делала все возможное, чтобы быстрее изжить тяжелую разруху — следствие империалистической и гражданской войн. А узбекских и таджикских дехкан подъем трудовой инициативы толкал на использование каждого возможного клочка земли, будь то старые казенные пустыри, или конфискованные усадьбы отъявленных контрреволюционеров, или оставленные безавшими хозя-

вами байские владенья, или просто запущенные участки, считавшиеся раньше мало пригодными для обработки.

В начале 20-х годов легко было встретить людей, занятых выравниванием различной величины небольших площадей. Иногда они трудились над укреплением и заполнением оврагов. Иногда разделявали уступами склоны. Иногда объектом их забот служил разнос на удобрение или нивелировочный размыв археологических бугров — тепе, являвшихся остатками древних укрепленных усадеб и селений, а потому заключающих в себе предметы утвари различных эпох.

А в городах выборные органы народной власти стремились скорейшим возведением новых зданий общественно полезных учреждений — театров, родильных домов, школ и т. п. — ознаменовать наступление новой поры в жизни человеческого общества. Страна экономически была еще слаба. Нужд самых первоочереднейших выявилось очень много. Свободных материальных средств оказывалось крайне недостаточно. За их отсутствием подчас приходилось останавливать и консервировать строительство на стадии возведения цоколей и закладки фундаментов.

И тем не менее, год от году росло количество новых сооружений. Все интенсивнее, буквально на глазах менялся рельеф земли. Все в больших и больших пунктах крупные земляные работы затрагивали старые, насыщенные археологическими остатками культурные слои, а глубокие котлованы вскрывали и наиболее древние, нижние из них, давая неплохие стратиграфические разрезы.

Так было во многих местах, в частности в Самарканде.

И когда местная комиссия по поддержанию старинных архитектурных памятников превратилась в окрепший филиал Туркомстариса, молодой заведующий археологической секцией на одном из совещаний выдвинул на обсуждение родившуюся у него идею. Он предложил организационно оформить специальную службу постоянного археологического надзора за всякого рода сколько-нибудь значительными земляными работами.

«Что вы думаете, Василий Лаврентьевич, относительно высказанного товарищем Массоном предложения?» — обратился к возглавлявшему Самаркандскую комиссию Вяткину тогдашний председатель Туркомстариса.

«Да что думать-то,—немного помолчав, своим глубоким внушительным басом ответил маститый самаркандский археолог.— Он у нас известный выдумщик. Трудное дело».

Новая идея у специалистов старшего поколения поддержки не получила, и вопрос был скоро снят с обсуждения.

«Надо доказать правоту делом»,—подумал про себя молодой человек, не в первый раз терпевший фиаско своих иногда не совсем обычных, а может быть, только преждевременных предложений.

С тех пор прошли годы. При всяком удобном случае он внимательно просматривал сырты новых каналов. Сколько раз в одиночку приходилось залезать в свежерытые шурфы и котлованы, собирая и регистрируя фрагменты керамики, а также другие археологические находки. Когда же в 1923 году в Самарканде стали проводить для городского поезда, получившую у самаркандцев нежное прозвище «кукушки», узкоколейную ветку от вокзала до площади у старинной мечети Биби-ханым, много вырванных у времени часов было им затрачено на систематический надзор за осуществлением нового начинания. Собранные при этом археологические объекты тащились в Самаркандский музей. Сделанные наблюдения были оформлены в виде письменного отчета. Его рукописные копии были сданы в Ташкентский и Самаркандской комитеты по охране памятников архитектуры. Наконец, три года спустя он появился в печати в 1 выпуске «Известий Средазкомстариса» (Ташкент, 1926 г.) под заглавием «Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением узкоколейной городской железной дороги в 1923 году».

Упорство автора увенчалось маленьким триумфом. Работа вызвала интерес. Ее даже отпечатали в целях популяризации самой идеи среди коренного населения отдельным изданием на узбекском языке бывшим тогда в употреблении арабским шрифтом. Вскоре академик В. В. Бартольд очень одобрительно отозвался о проводившейся автором работе такого же плана в Ташкенте.

«Прошу вас,—обратился он на вокзале к Массону при своем отъезде в Ленинград,—поторопитесь с опубликованием полученных новых данных по исторической топогра-

фии Ташкента, чтобы я мог использовать их в своей статье об этом городе для «Энциклопедии ислама».

Прошло еще несколько лет, и в Ленинграде при Государственной академии истории материальной культуры в 1932 году была учреждена специальная Археологическая Комиссия по новостройкам. Советское государство, как нигде в мире, стало обеспечивать сохранение для науки и изучения памятники материальной культуры, могущие быть встреченными и случайно уничтоженными при возведении крупных сооружений в молодом социалистическом государстве. Средства на осуществление археологического надзора, согласно особого декрета, составляются с тех пор из процентных отчислений от общей суммы сметных ассигнований на то или иное строительство. Предварительное, часто многолетнее изучение могущих быть утраченными археологических объектов предшествует их уничтожению. Это стало общепризнанным будничным явлением в археологической практике СССР.

А жизнь тем временем неуклонно развивала новые формы организации труда в социалистическом обществе, основанные на почине самих трудящихся. Осуществлявшееся с их помощью достигало крупных масштабов при неслыханно ограниченных сроках. От представителей археологических дисциплин требовалось незамедлительное оперативное приспособление к новым условиям. И на этом пути неизбежные бюрократические рутин и инерция, как обычно, становились серьезным тормозом.

Так случилось в 1939 году, когда был поднят вопрос об организации нового типа экспедиции археологического надзора на скоростном строительстве Большого Ферганского канала.

У последнего в ту весну был «предшественник».

По инициативе февральского традиционного слета дехкан-хлопкоробов Ферганы силами заинтересованных колхозов решено было не позднее чем через два месяца арыком перебросить часть воды из реки Исфайрам в маловодное русло Шахимардана. 150 инженерно-технических работников спешно разработали проект задуманного Ляганского канала, по которому вода должна была быть пущенной до того, как зацветет хлопок. В марте, когда в Москве происходили заседания XVIII съезда ВКП(б), на строительство посвященного ему канала вышло 30 000 алтыарыкцев, ташкентцев, ферганцев и маргиланцев. А

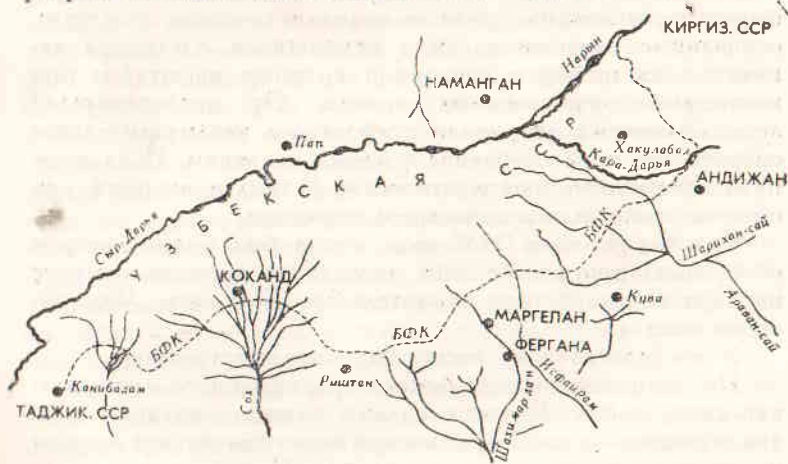
через 17 дней колхозники закончили его трассу, вынув 320 000 куб. м земли и 32-километровым широким арыком соединив в одну ирригационную систему два тысячелетними разобщенно существовавших сая.

Пример оказался разительным. Заволновалась вся Ферганская долина.

Вспоминали кончившуюся неудачей затею бедняка-фанатика Абду Салима, в одиночку годами до самой смерти упорно пытавшегося в старое время в Учкурганской степи кетменем пробиться к Нарыну, чтобы дать воду на поля обездоленных дехкан. Теперь народ поверил в свои силы. Ходоки из колхозов двинулись в районные города. Сотнями посыпались заявления, смысл которых был один: «Хотим строить Большой Ферганский канал — и в этом же году!»

И скоро о нем заговорили во всем Узбекистане.

20 миллиардов кубометров неиспользованной для орошения воды проносит Сырдарья в год через Фергану. Переложить часть бесполезных вод бурного Нарына в

Намеченная трасса Большого Ферганского канала.

Карадарью, а ниже из нее протянуть через всю долину невиданных размеров канал и решительно покончить с маловодьем брались колхозники-хлопкоробы Ферганской долины. Из Ташкента в Москву выехала специальная

делегация во главе с первым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана У. Юсуповым, который был главным вдохновителем самого строительства Большого Ферганского канала (БФК).

«Прекрасная идея. Поддержим», — сказал Сталин.

Решение союзного правительства о выделении на это огромных сумм, экскаваторов, тракторов, автомашин, строительных материалов и многого другого встречено было на местах с восторгом. Овладев массами, идея стала силой.

Тысячи людей напряженно трудились над ее осуществлением. Мenee чем в три месяца был разработан проект гигантского канала. Он должен был быть протянут на 265 км от Нарына до Исфары через 16 районов Узбекской ССР и два района Киргизской и Таджикской ССР. В некоторых местах ширина арыка намечалась до 30 метров. Проходя почти через всю Ферганскую долину, запроектированная трасса канала пересекала сотни арыков, сбросных русел, дорог. Через нее предстояло перебросить 5 железнодорожных и 74 автогужевых моста. 1300 различных инженерных сооружений надо было создать на самом канале. Земляные работы исчислялись в 18 миллиардов куб. м. Основную работу предполагалось начать 1 августа и закончить в 45 дней.

Цифры и сроки строительства БФК захватывали дух. И было отчего.

Следовало торопиться.

Уже из практики Ляганского канала было ясно, что, затрагивая во многих местах обжитые с древних времен площади, работы на БФК будут сопровождаться вскрытием культурных слоев и обнаружением немалого числа археологических материалов. При малой изученности прошлого Ферганы исключительная значимость их будет очень велика. Одновременное проведение земляных работ по всей трассе, огромное ее протяжение, предельно сжатые сроки, — все это исключало возможность постановки обычного сейчас археологического наблюдения, как на предшествующих новостройках. Там проводилось заблаговременное изучение района и осуществлялись предварительные раскопочные разведки. Сейчас встала необходимость приспособления археологического надзора к скоростным темпам производства земляных работ без ущерба для них. Это в свою очередь выдвинуло задачу по разра-

ботке новых приемов полевых археологических исследований в специфической обстановке.

Быстро составленное мной положение об установлении службы археологического надзора на строительстве БФК предусматривало посылку специальной крупной экспедиции в составе нескольких отрядов. Предусматривались ускоренная камеральная подготовка к ней всего привлекаемого персонала, введение новых форм регистрации объектов и особенно разворот всеми средствами самой усиленной пропаганды среди десятков тысяч строителей, чтобы привлечь их внимание к задачам археологического надзора. Только помощь самих колхозников могла понастоящему обеспечить использование русла БФК как гигантского археологического разреза и сохранить для науки важные документальные и вещевые материалы. К «Положению» были приложены развернутый план работ, календарные сроки выполнения и смета.

Казалось бы, все условия для нормального включения археологов в великую народную стройку были ялицо. Ради использования перспектив, открывавшихся перед советской археологией строительством БФК, я отказывался от Согдийской археологической комплексной экспедиции, которую должен был возглавлять, осуществления которой добивался давно и на подготовку которой затратил не один год. Она могла быть отложена — но БФК нельзя было оставить без археологов! Принцип добровольного участия в неплановой экспедиции сразу же выявил энтузиастов, пожертвовавших своими трудовыми отпусками и с жаром принявшихся за подготовку к выезду. Студенты исторических факультетов Среднеазиатского государственного университета и Ташкентского педагогического института с горячей готовностью откликнулись на призыв в коллекторский состав. Фотографы и технический состав Узкомстариса просились в поле. Всю организационную работу и руководство научным изучением принял на себя автор этих строк. Ему, уже без малого двадцать лет назад начавшему ратовать за идею попутных археологических надзоров в Средней Азии, положившую начало еще в 1923 году скромным наблюдением за прокладкой полотна для Самаркандской «кукушки», выпала на долю честь провести крупную экспедицию археологического надзора нового типа.

Противодействие, и очень серьезное, новое начинание

встретило в организации, от которой это, казалось бы, меньше всего можно было ожидать: в самом Узбекском комитете по охране памятников старины. Лица его руководства не поддержали инициативы своего археологического сектора, сухо отклонили выдвинутое им предложение и решительно заявили об отказе возглавляемого ими учреждения принимать участие в строительстве БФК по археологической линии. Многократные попытки доказать абсурдность занятой позиции оказались тщетными. Доводы об интересах советской науки наталкивались на крепкие бюрократические позиции: годовым тематическим планом не предусмотрено организации археологического надзора; наоборот, там поставлен выезд Согдийской археологической комплексной экспедиции; на нее ассигновано 41000 р., и ни на какие иные нужды они израсходованы быть не могут (ссылка на Наркомфин).

Началась упорная борьба за живое дело. Сектор продолжал усиленную теоретическую и практическую подготовку к выезду. Мне, как его руководителю, одновременно приходилось бегать по разным организациям, доказывать, писать и подавать объяснительные записки, «Противники» пытались дискредитировать затеваемую экспедицию, якобы вызванную в данном случае «модой» (БФК накануне своего осуществления был действительно в центре внимания широкой общественности в Узбекской республике).

Высмеивалось кажущееся противоречие: «уточненные методы» и выдвинутые для БФК упрощенные формы полевой регистрации археологических находок. Пущена была в ход казавшаяся остроумной по содержанию и убийственной по силе фраза о новом археологическом методе доктора археологии Массона: «подглядывание из-под кетменя колхозников».

Возня затягивалась.

Днем и ночью работал штаб БФК в городе Фергане. На больших и малых ферганских железнодорожных станциях отгружались машины и строительные материалы. В перекидном календаре один за другим мелькали дни июля. В колхозах шла интенсивная запись добровольцев-кетменщиков. Брали с выбором. В городах и кишлаках Ферганской долины на улицах и площадях появились ликующие транспаранты с картой намеченной трассы БФК. К ней самой, едва еще обозначенной на земле по

всей длине пунктиром деревянных колышков, тянулись выборные из колхозов. Они осматривали отведенные участки, знакомились с грунтом, выясняли потребности количества инструментов, выбирали места для лагерей. Торгующие организации устанавливали ларьки. Дорожные мастера всюду на перекрестках расставляли указательные деревянные стрелки с четкой надписью: «Каналга.— На канал!» Телефонисты опутывали трассу и прилежащие пункты сетью полевых проводов. Врачи обследовали воду источников. Низко над долиной проносились на бреющем полете самолеты, опрыскивавшие малярийные болота.

До массового выхода людей на трассу оставалось несколько суток. Времени нельзя было терять. Вопрос о судьбе археологического надзора должен был быть решен немедленно, сегодня или будет поздно!

Председатель Совета Народных Комиссаров УзССР внимательно выслушивал добившегося у него часового приема начальника повисшей в воздухе экспедиции. Поверил. Понял. Поддержал. Днем 26 июля было подписано постановление СНК УзССР за № 1224. Оно утверждало в системе Комитета Наук организацию археологического надзора на БФК с правом израсходования на это из сметы Узбекистанского комитета по охране памятников 41 000 рублей. В 8 часов вечера этого же дня, оставив позади пораженных таким оборотом дела администраторов и финансистов Узкомстариса, из Ташкента в сторону Ферганы выехал на приведенной в походное состояние полуторатонке начальник экспедиции. С ним были начальники трех отрядов — археолог Всеволод Данилович Жуков, археолог Татьяна Георгиевна Оболдуева и архитектор Абид Зайнутдинов вместе с фотографом Александром Ивановичем Литвиненко. Последний температурил, жаловался на боли в желудке, но ни за что не соглашался остаться. Машину вел искусный шофер, смелый басмачебоек в прошлом и отличный полевик Михаил Александрович Ужегов. Коллекторы должны были выехать на следующий день поездом.

Машина мчалась легко. Почти беззвучные сумерки сменила тишина звездной ночи. Быстро промелькнули Тойтубе, Пскент и другие селенья Ахангарана. В два часа до полуночи за Янтагком в степи всех уставших за день сотрудников уложили спать вокруг машины на походных

кроватях. А в пять часов утра, освеженные предутренним дуновением ветерка, мы двинулись дальше. Проскочили ближайшим ущельем через горы Моголтау. Отметим в нем несколько древних разграбленных каменных могильников—мугташей и вскоре, переправившись через Сырдарью на пароме, въехали во двор Ходжентского музея. Здесь узнали, что наблюдение за земляными работами на коротком участке хвостовой части БФК, проходящем по территории Таджикской ССР, возложено на ожидаемого из Сталинабада археолога Владимира Рафаиловича Чейдытко. Все же нам придется работать в дистанции около 250 километров. Под рев карнаев Ходжентский округ продолжал отправку на трассу своих колхозников. На перроне вокзала их встретил тушем духовой оркестр. Добившись по открытому листу бензина, выехали дальше через Махрам и заночевали на колхозном дворе в Канибадаме. Тут все уже жили главным образом интересами БФК. Несмотря на раннее утро следующего дня, мы легко нашли местный филиал управления каналом по подвижным цепочкам устремлявшихся к нему и отходивших от него пеших и верховых людей. Быстро получив все интересовавшие нас и с какой-то радостной охотой дававшиеся справки, тотчас тронулись в путь. Трасса БФК обозначалась уже не одними пикетными колышками: в прохладном утреннем воздухе над ней поднимались клубы пыли. То работали своими кетменями колхозники таджики, вырвавшиеся на строительство канала за четыре дня до официально установленного для них срока.

Вот с западной стороны кишлака Яккатут у дороги меж древесных насаждений замелькало кладбище ишанов. Какие на нем интересные каркасные намогильники сагана с двускатными крышами в виде жилых сакель! Сквозь проломы видны торчащие кости то одного, то двух скелетов. Но задерживаться нельзя — надо торопиться.

Вдали появляются очертания кишлака Патар. В кишлаке Шау Верды побывали в первом лагере 39-го строительного участка, который охватывает 22 км. Большая часть из них приходится на УзССР. Участок обслуживают с 414 пикета таджикские колхозники. В приветливом чистеньком лагере наметили базу первого коллектора III отряда. Провели беседу о задачах археологического надзора и спешим дальше.

«На канал?» — возбужденными возгласами всюду встречают нашу машину.

«На канал», — тоже как-то по-праздничному кричали мы в ответ.

Трасса проходит здесь по почти лишенному растительного покрова галечнику конуса выноса реки Исфары, и ничего, что проехать тут нельзя. Свернув на Бешарык и миновав его, перед Рафканом осмотрели остатки поселения родового общества первого тысячелетия до нашей эры. Закрепленный растительностью песчаный бархан занимает теперь мусульманское кладбище Рафкан-мазар, и при рытье могил на поверхность выбрасывается из глубины немало археологических предметов. На могильных бугорках валяются зернотерки, ископаемые раковины *ostrea*, глиняные грузила, фрагменты крупных керамических сосудов и более мелкие, окрашенные красной охрой и с процарапанным примитивным орнаментом. Первый интересный, безусловно, заслуживающий внимания объект, встреченный вдоль трассы. Наскоро запаковав взятые с него образцы, выезжаем в Рафкан.

Здесь база 38-го строительного участка и праздничное оживление. Именно оживление, а не сутолока. Начальник участка т. Глуховский, несмотря на занятость, проявил большой интерес к нашей работе, обещал всяческую поддержку нашему коллектору и сам указал некоторые выявившиеся уже, интересные в археологическом отношении места по трассе. А в центре кишлака все так опрятно, чисто и подметено так чисто, как это умеют делать лишь в Средней Азии. Всюду плакаты. Только что прикрепленные к столбам, громкоговорители оповещают о последних мероприятиях перед тем, как приступить к работе. Деловито снуют члены заблаговременно прибывших бригад колхозников. Бойко функционируют расширенные чайханы и ошханы. Едва успевают работать прибывшие из Бешарыка парикмахеры — сартараша. В Рафкане мы получили первые номера специальной газеты БФК «На сталинской стройке». Ее выпускают на русском и узбекском языках выездные редакции газет «Правда Востока» и «Кизил Узбекистон», приехавшие в Фергану вместе с рабочими, шрифтами, машинами. Отпечатанные номера развозятся по трассе на автомашинах и самолетах.

Устремляемся на трассу. Пешком проходим по территории сносимых строений старого, уже опустевшего Каш-

гар-кишлака. На протяжении четырех пикетов под верхним культурным слоем прослеживаются следы поселения X—XII вв. Дальше двигаемся вдоль трассы до штаба 37-го участка. Всюду поражает необычайная организованность трудового массового выхода колхозников на народную стройку. Едва ли все так было рассчитано и так выполнялось при завоевательных продвижениях крупных армий Тимура и Чингиз-хана, отягченных семейными таборами, обозами, караванами!

А в эти дни зашевелилась буквально вся Ферганская долина.

3100 колхозников со всех концов отправляли на заранее намеченные участки отряды своих лучших кетменщиков. На дорогах нам встречались главным образом гнавшиеся на убой стада скота. Вереницы арб, украшенных цветами, и грузовые автомашины везли празднично разодетых людей со знаменами, музыкальными инструментами и орудиями труда. Колхозы захватили с собой не только самовары, котлы, разную утварь, но также «ленинские уголки» и библиотеки-читальни. «Нелетная погода», — шутили летчики, наблюдая сверху стоявшую над дорогами пыль, несмотря на то, что наиболее оживленная магистраль подвергалась специальной поливке. И массы людей с торжествующими возгласами и песнями, четко зная, куда и зачем они движутся, в намеченные сроки и даже обычно раньше оказывались на своих местах, располагались в заранее разбитых лагерях, и нигде не видно было нарушений порядка и не слышно было иного шума, кроме радостного.

Прекрасным образцом предстал перед нами штаб 37-го участка. В центре занятого им кишлака несколько минеральных ключей. Обилие воды. Великолепная растительность. Участок обслуживают колхозы Ленинабадского района. Что они «миллионеры», наглядно свидетельствуют ровные ряды целых колонн блестящих новизной мощных грузовиков. Всюду порядок. Лагерь у штаба поставлен «на широкую ногу». Хорош вместительный клуб. Прекрасный, не походному организованный, «первоклассный ресторан» — иначе нельзя назвать большую общественную столовую со свежими скатертями, салфетками и разнообразным меню. Проводим на участке агитацию. По просьбе корреспондента газеты «Коммунист Таджикистана» даю в письменной форме информацию о задачах нашей экспедиции, и едем дальше.

Вот у пересечения трассы с большой кокандской дорогой, несмотря на поздний вечерний час, спуют сотни колхозников-узбеков. Эти решили опередить других. Сегодня только 28 июля, но они уже работают и углубились больше, чем на 1 м.

Уставшие, но возбужденные, поздней ночью добрались до Коканда. Здесь при музее, размещающемся в бывшем дворце — урде Худояр хана, база нашего III отряда. В ней мы и проводим ночь в непробудном сне. Нам нисколько не мешало шумное ночное ликованье, которым город и многие последующие дни отмечал создание БФК.

Рано поутру наша машина спускается по пандусу главного дворцового фаса, чтобы мчать нас на Фергану. Несколько минут задержки у почтового отделения, дабы телеграммой предупредить Ферганский музей о возможном прибытии сегодня из Ташкента наших коллекторов, и скорее в путь.

На дорогах то же оживление, что и вчера. Та же возбуждающая переключка людей с приезжающими на машинах:

«Каналга?» — выкрикивается в несколько голосов вопрос.

«Каналга!» — раздается в ответ.

Буквально в каждом кишлаке сооружена легкая арка с прикрепленным к ней красным плакатом, содержащим радостный призыв и увешанная гирляндами зелени.

Перегоняем много арб с дынями. И с какими! Работающим на канале колхозы и торгующие организации везут все только первосортное. Такая уж взята без оговора установка. Да к тому же сейчас канун августа — месяца «коунсайлей», скромных сельских «дынных празднеств», связанных с их созревaniem. В августе для хлопкоробов еще не наступает страда, и соседи обмениваются визитами, при которых главным угощением, подаваемым гостям на больших подносах-ляганах, бывают дыни. А сейчас все — и хозяева, и гости — на канале. Туда и тянутся сотни арб с установленными овальными плетенками из прутьев, в которых, как в гигантских корзинах, уложены самые сладкие, самые зрелые, самые сочные дыни. Их аромат струей обдает нас всякий раз, как машина поравняется с везущей дыни арбой.

В селении Ультарма посещаем штаб 30-го участка строительства. Проводим свою агитацию перед теми, кого успели захватить на месте. Большинство на трассе. Здесь колхоз-

ники, тоже не дождавшиеся срока, работают уже со вчерашнего дня.

Минувем Риштан, центр изумительных гончаров-кулялей, а в X веке город, превосходивший тогдашний Маргилан. Его историей никто из специалистов не занимался. Нам первым предстоит открыть, где же располагался средневековый Риштан, что представляют собой его остатки и сохранились ли следы могилы автора «Хидай», крупнейшего законооведа XII столетия. Но это все мы сделаем по плану потом, в сентябре. А сейчас задерживаться нельзя. И археологи не без досады жадно поворачивают головы во все стороны, тщательно пытаясь подметить хоть какие-нибудь намеки на древнее городище.

В 3 часа дня мчимся по улицам города Ферганы. Столица долины убрана, полита, подметена и принаряжена по праздничному. Она никогда не видела такого оживления. Ежедневно поездами, автомашинами, самолетами, вер username, пролетками, экипажами, телегами, арбами приезжают сюда к главному штабу канала тысячи людей. Для регулирования уличного движения из Ташкента потребовалось перебросить специалистов милиционеров со значками «РУД». Сияя белизной гимнастерок, фуражек и перчаток, они своим молодежьатым видом, четкими поворотами на каблуках, по счету вскидываемыми жезлами невольно привлекают к себе внимание ферганцев. Ими любуются.

Сейчас Фергана — это город общежитий. Прибывающим не хватает места в только что отстроенной трехэтажной гостинице. Ими полны школы, институты и многие другие учреждения, срочно снабженные кроватями, постельным бельем и прочим необходимым для приема приезжих.

Мы направляемся в музей. Сторож впускает машину во двор. По случаю выходного дня других сотрудников нет. Узнаем, что утром в Фергану прибыли коллекторы, фотограф Ефим Наумович Юдицкий и завхоз экспедиции Иван Петрович Бердников. Торопимся в круглосуточно работающий штаб. Надо захватить главного инженера строительства Бориса Дмитриевича Коржавина. Нас предупредили, что он проводит в своем кабинете два-три часа. В остальное время дня, вечера и ночи он бывает в десятках пунктов по всей многокилометровой трассе или на пути в один из них, где его и улавливают телефонные звонки.

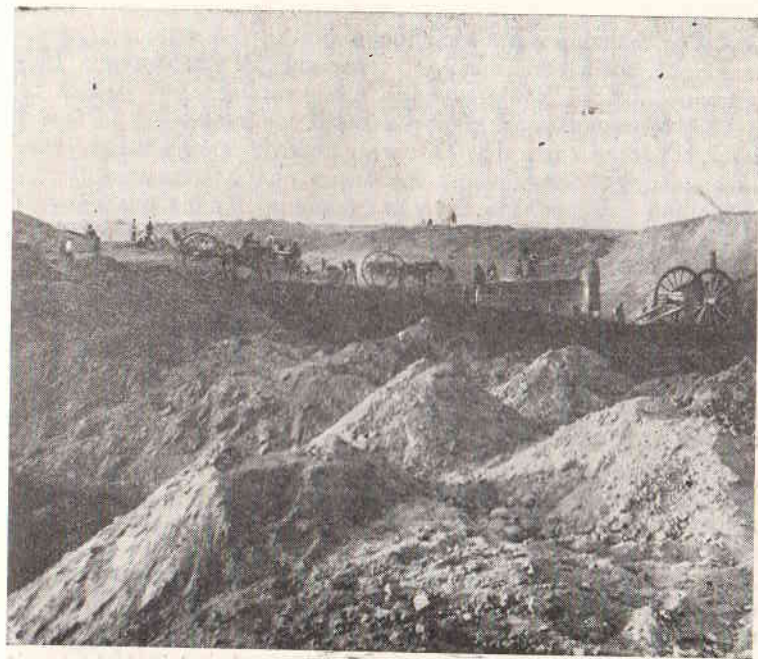
В кабинете главного инженера мне навстречу неторопливо привстал из-за стола средних лет сухого сложения

бритый мужчина в выпущенной наружу косоворотке. Это и был Борис Дмитриевич Коржавин. Хорошее, умное, спокойное русское лицо. Свойственное настоящим деловым людям отсутствие торопливости. Во всем уверенность в себе, в строителях, в успехе дела. Несмотря на огромную занятость, он с интересом выслушал мой доклад, задал несколько вопросов и сразу разрешил ряд организационных моментов. Сотрудники штаба быстро оформили разные формальности с выдачей удостоверений, аммиачных отпечатков схем трассы, разрешений членам экспедиции археологического надзора на проезд в машинах строительства БФК и т. п.

Остаток дня прошел в составлении сведений для УзТАГа, в устройстве приехавших коллекторов в общежитии Ферганского педагогического института, в посещении заведующего музеем, в разрешении с ним вопроса о базе экспедиции при музее и в самой организации последней. К ночи во дворе музея была разбита большая девятикольная палатка, сгружено все имущество экспедиции, расставлены походные кровати, столики и скамейки. Мы провели первую ночь в своем базисном лагере. И все спали, как убитые.

Утро 30 июля для сотрудников экспедиции началось в 5 часов. До срока массового выхода колхозников на трассу оставалось два дня.

Производственное совещание со всеми участниками археологического надзора длилось всего полтора часа. Им была сообщена составленная мною схема истории Ферганы в свете современных представлений, изложены задачи экспедиции, план и порядок работ. Зачитан приказ № 1 о разбивке людей по отрядам. После того отряды и отдельные сотрудники быстро заключили между собой и подписали договоры о социалистическом соревновании. Пока я ходил по вопросу об опубликовании в газете БФК обращения Археологического надзора к строителям БФК и о пропаганде его задач с помощью радиопередач по всей трассе, начальники отрядов инструктировали своих коллекторов. Хозяйственная часть снабжала каждого инструментами, сумками, дневниками, коллекционными книжками, учетными бланками, бумагой и другими материалами. В 12 часов дня по полученным броням на автобус и на железнодорожные билеты были отправлены в Коканд и далее весь третий отряд с А. Зайнутдиновым во главе и два коллектора второго отряда. С остальными я выехал на машине сам, с тем, чтобы разбросать их по трассе в намеченных местах.

2-ой строительный участок, пикет 83. Городище
Джулбарс-камар.

Несмотря на вечерние часы, обильно политая Маргиланская дорога полна движения. В контрасте с ней таким «мертвым» предстает перед нами Ярмазар, где когда-то была загородная резиденция-усадебка кокандского хана Худояра. К западу от дороги на несколько мгновений появляются остатки толстой пахсовой стены. С кладбищенского бугра нас провожали некоторое время силуэты печально высившихся между саганами двух полуразрушенных сравнительно недавно зданий мавзолеев из жженого кирпича.

Уже позади остался тоже заманчивый для археологов и не изученный никем Старый Маргилан. Мы держим путь на кишлак Шамирза-тепе. Там штаб 22-го участка. Когда машина остановилась в центре селения с обтянутыми кумачом и увитыми люцерной «триумфальными воротами», лучи заходящего солнца заливали своим светом кушу высоких

деревьев. Сквозь них виднелись очертания крупного древнего тепе, занятого теперь мусульманским кладбищем. Небезынтересный для изучения объект оказался рядом со штабом строительного участка БФК и одновременно базой нашего второго отряда. Провели беседу с инженерно-техническими работниками, а затем и с колхозниками в гостеприимной чайхане. По случаю стечения народа она своими просторными застланными паласами суфами, заново сооруженными под сенью развесистых крон карагачей и талов, заняла большую площадь. В чайхане дехкане оживленно обсуждали приезд на трассу популярного в народе «всеузбекистанского старосты», председателя ЦИК УзССР, своего земляка-ферганца товарища Ахунбабаева. Они возлагали большие надежды на разрешение при встрече с ним многих своих нужд.

Выгрузив здесь вещи начальника второго отряда В. Д. Жукова и одного из коллекторов, тронулись дальше. После долгих блужданий в темноте по объездным проселочным дорогам в половине двенадцатого ночи добрались до штаба 21-го участка в селении Иштихан, по другому произношению Истархан. Несмотря на позднее время, в штабе участка кипит работа и мало кто спит. О задачах экспедиции много говорить не пришлось: оказывается, из штаба строительства уже было прислано специальное распоряжение. Моя информация быстро перешла в оживленный обмен вопросами. Спрашивали главным образом о прошлом Ферганы. Отправив сотрудников спать — кого в машину, кого в штабной лагерь, размещенный в саду, — сам стараюсь по возможности удовлетворить интерес собравшихся к истории своих мест, особенно самого Истархана. Несколько человек наперебой стараются разъяснить мне, что название их скромного селения старики произносят Иштархан, что, вероятно, это искаженное «Уштурхан» (от уштур — верблюд) и что, как они думают, тут, на привольных землях, был некогда выпас «ханских верблюдов». И стоило посмотреть, с каким напряженным вниманием, вперив в меня свои серьезные глаза, выслушивали собравшиеся на великую стройку ферганцы в полуночной тишине мои предположения, что их кишлак унаследовал свое название от средневекового городка, который именуется у арабских географов Уштикан, находился на дороге из Ахсыкента в Куву и был расположен километрах в сорока с лишним от Сырдарьи, а от Куву около 20. Наша беседа, вероятно, затянулась бы

надолго, если бы один из сотрудников не обратил внимания на мой усталый вид.

«Мы еще увидим профессора у себя на трассе, — прервал он сыпавшиеся вопросы. — Теперь он пусть идет спать, а мы еще поработаем».

Пожав десятки приветливо протянутых мне рук, я поспешил на покой к нашей машине, стоявшей между чайханой и медпунктом.

А через несколько часов, на рассвете мы уже выехали в восточном направлении.

Чем ближе к месту начала канала — тем шире и глубже его намеченное русло, тем короче по протяжению строительные участки, тем чаще наши остановки у их штабов. В Бустане даже разместили рядом штабы двух участков — 19-го и 20-го.

В кишлаке Янги при штабе 18-го участка оставили одного из коллекторов. Базу следующего наметили на 13-м участке. Проносимся через крупные населенные пункты — Шарихан, Ассаке. Дорожные указатели и поток движения увлекают нас на Зеленый мост.

«Так и есть — проскочили», — с досадой замечает шофер Ужегов. Но что это? Зеленый мост? Его не узнать.

Мало кому ведомый безлюдный полустанок Куйган-яр, где поезда до сих пор задерживались на какую-нибудь минуту, превратился сейчас в временный шумный городок. Тут завтра будет сооружаться огромнейшая плотина для подпора объединенных вод Нарына и Карадарьи. Вот почему на обоих берегах несколько дней как раскинулись живонисные лагеря — общежития ряда избаскентских колхозов, ошханы, чайханы, парикмахерские, агитпункты, магазины и громадная открытая театральная сцена.

Спешу в штаб. По возвращении к машине нахожу в ней только начальника первого отряда и Ужегова.

«Где коллекторы?»

«Убежали купаться в Карадарью», — сообщает Т. Г. Оболдуева.

«Немедленно вернуть — ехать назад!»

Инцидент с нарушением дисциплины имел последствием 25-минутный простой.

«Нагоняй» сконфуженным «беглецам» за самовольное оставление машины без разрешения дается уже по дороге в обратном направлении на 13-й участок. А несколько часов спустя поздно вечером мы снова проезжаем че-

рез гудящий на разные лады, залитый огнями Куйган-яр.

Запахи только что выпеченных узбекских лепешек — пон, свежиспеченных пирожков — самса, поджаренного сала, жирных узбекских супов — шурпа и традиционных праздничных пилалу сопровождали нас до самого выезда за пределы барачков и навесов, будочек и павильонов, киби-ток и палаток.

По средневековой области Миянрудан между Карадарьей и Нарыном мы проезжали уже ночью.

Раньше работавшая в Хакулабадском районе Т. Г. Оболдуева чувствует здесь себя как дома. Промчались через крупный кишлак Байтог, претендующий своим названием на место, где якобы долгое время после завоевания страны арабами находилось зеленое знамя пророка (По-и-туг — «подножье знамени»). К середине ночи добрались до штаба 8-го участка в Лугумбеке, опорном пункте и базе нашего первого отряда.

И здесь большое оживление. Настроение приподнятое. Отдаются последние распоряжения. Кое-кто бредет к утру у парикмахеров — сартарашей. И все бодрствующие вслушиваются в нашу горячую агитацию. Заключительные слова руководящих работников участка звучали примерно так:

«Знаем. Понимаем. Поможем».

И, следуя примеру рядовых членов колхозных бригад, мы идем ненадолго прилечь, чтобы до рассвета уже сегодняшнего дня выехать к головным участкам.

Через три часа шепотом в полутьме поднимаю своих. Стараемся все делать тихо, чтобы случайно не разбудить других. Напрасно: кажется, никто не спит. Ведь близится утро знаменательного 1-го августа — дня, с таким нетерпением ожидаемого всеми собравшимися на строительство БФК.

Полусонные, торопливо рассаживаемся в машину. Нас провожает добрым напутствием оставляемый в Лугумбеке коллектор. Ужегов тремя рывками завел мотор, вскочил в машину, засветил фары, и мы помчались.

«Михаил Александрович! Стойте! Почему заря розовеет у нас слева?» — спохватываюсь я, очнувшись через четверть часа от охвативших меня дум об экспедиции.

Ужегов от неожиданности недоуменно посмотрел на меня, потом на дорогу. Быстро сообразив, в чем дело, он молча повернул машину на 180°.

Общий вид работ у к. Каны-Джамага.

«Устали мы с вами, Михаил Евгеньевич. Не иначе. Ведь столько дней не досыпаем, — с искренней досадой в голосе на свой промах смущенно поясняет бывалый шофер. — А наш-то, смотрите, уже отыскал что-то», — кивнул он на какое-то пятно, не очень отчетливо проступавшее на начинавшей алеть вдоль горизонта полосе.

То был наш молодчина-коллектор, студент истфака САГУ Иосиф Шнайдер, показавший потом себя на трассе инициативным и деятельным работником, а сейчас нашедший на валу древнего городища какие-то привлекшие его внимание археологические объекты.

В этот момент неподалеку неожиданно раздался одинокий пронзительный рев огромной медной трубы-карная. Его тотчас перекатно подхватили с обеих сторон другие. За ними в пробуждающееся утро влились дробные удары глиняных среднеазиатских барабанчиков-нагара и залихватые высокие звуки флейт-сурнаев.

То сотни мобилизованных по всей Фергане музыкантов, заигравшие призыв по условленному сигналу одновременно на протяжении 265 километров, возвещали о наступлении

торжественного момента: народная скоростная стройка началась!

Ужегов перевел скорость. Машина рванула. Люди в кузове схватились за головные уборы. И мы помчались, понеслись, полетели напрямик к ответственному для нас пункту на границе 2-го и 3-го участков.

Неожиданное препятствие! Прямая дорога разрушена в связи с каналом! Что делать?

Ехать через ненадежные адыры, из-за тектонических движений ежегодно меняющие рельеф, — рискованно. Медлить с решением нельзя — дороги минуты.

«На Нушкет!» — команду ю я.

«Есть», — отвечает шофер.

«Михаил Евгеньевич! Карагач!» — кричат из кузова.

Вижу сам. В центре вихрем пролетаемого Нушкета перед школой высится вековечный гигант. Когда я обмерил его ствол на обратном пути — выяснилось, что он имеет на высоте метра шесть обхватов. Но сейчас не до него.

Задерживаемся ненадолго в штабе 4-го участка. Его начальник, т. Исаенко, проявил самый живой интерес к нашим задачам. Археология ему близка с детства. Его дядя был оренбургский археолог Попов. Сгружаем здесь вещи одного из коллекторов, а самого его мчим дальше.

Мелькает 3-й участок. Сколько могильных бугров!

А вот и он, наш главный объект у Голодностепского перепада Октябрьского канала, вырытого в 1930—1931 гг. Рядом — селение Кошкупрюк. Трасса БФК «режет» здесь неизвестное науке городище. Население именует его теперь Джулбарс-камар (Тигровое копанье) или по-другому — Шахр-и-барбар.

Словно бойцы моторизованной пехоты, выскакивают археологи из машины и рассыпаются по городищу. Земляные работы только начались. Затронут лишь самый верхний малонасыщенный слой. Размеры, конфигурация, напоминающий неправильный треугольник план, валы оплывших стен из крупных сырцовых кирпичей, на поверхности куски крупных каменных зернотерок иногда очень крупных размеров («до пуда» — определяют колхозники), фрагменты керамики с процарапанными тамгообразными знаками, — все это сразу хорошо ориентирует.

Не зря мы торопились сюда!

Возбужденно делюсь своими соображениями по первым впечатлениям с прорабом и с обступившими нас хлопкоро-

Сооружение дамбы на 29-м участке у к. Каны-Джамага.

бами колхоза «Батыр». Археологический объект интереснейший и многообещающий. Это, безусловно, остатки древнего даваньского города. Он существовал, несомненно, в пору походов китайцев на Фергану во II в. до н. э., а сложился, судя по мощным культурным слоям, много раньше. Поскольку трасса пройдет через него с севера на юг и на значительную глубину, обязательно появятся интересные находки, и можно будет сделать важные для науки наблюдения.

Мое волнение передается окружающим. Все горячо обещают свою помощь и тут же начинают вглядываться в землю после всякого взмаха тяжелых кетней.

Медленно двигаемся среди бесчисленных с увлечением работающих землекопов. Молва «узун-кулак» опережает наше появление, которое встречается одобрительно проносящимся от одного к другому словом «анджинер-тарихчи» (инженер-историк).

«Хорманг!» (не уставайте!) — возгласом традиционно-

Работы по прорытию канала у станции Серова.

го трудового ферганского приветствия начинаем мы наше знакомство с каждым новым звеном на городище.

«Бор булинг!» (Спасибо!) — весело несется нам в ответ.

И мы говорим, агитируем, объясняем, собирая все новые и новые осколки былого инвентаря.

У северного конца городища нас нагоняет кетменщик Халдар Хусанов. Он запыхался. Но ему очень уж захотелось раздобыть и дать нам «для науки» какой-нибудь интересный объект. — и он сгрудил у наших ног тяжеленные куски от днища крупного хума. Было что-то трогательное в смотревших на нас глазах колхозника. Я и начальник отряда благодарим его, протягиваем ему руки. Он энергично трясет их и с радостной улыбкой спешит обратно к своему пикету.

Надолго задержавшись на Джулбарс-камаре, как он того заслуживал, и оставив на нем коллектора, мы направились к головному участку.

Последний отрезок пути был исключительно пыльным. На широте Учкургана подметили отходивший в СВВ направлении вал.

А вот и конец: конец нашего первого пути вдоль трассы и начало БФК. «Особый головной участок». Самый трудный и ответственный для строителей, где грунт состоит из крепко сцементированного конгломерата, который почти не поддается кетменям.

Недаром сюда поставили собранную со всей Ферганы бригаду молодых комсомольцев и прославленных кетменщиков андижанских колхозов. Рядом, бок о бок с ними работают нарынцы.

Первоочередная задача экспедиции была выполнена, в день начала массовых земляных работ археологический надзор на трассе БФК был обеспечен.

Машина начальника экспедиции, не задерживаясь, тронулась в новый обратный рейс на Фергану и далее к хвостовой части канала.

На ночевку с 1 на 2 августа остановились в Байтоксской школе. Переутомленные напряжением нескольких дней, шофер и завхоз спят подряд десять часов. Люди заслуживают отдых. Их разбудил не я, а приход учителя, зашедшего поприветствовать нас с наступлением утра. Он с нескрываемой радостью сообщил оповещенный по радио ночью первый итог: за день 1 августа по всей трассе БФК вынута свыше полумиллиона кубометров грунта. Наспех завтракаем и спешим в путь. Всюду, где можно, льнем к трассе. В обоих направлениях это какой-то лентой кишащий муравейник. Теперь не видно пикетных столбиков с цифрами. На взгляд трассу членият сотни ярко-красных с золотом знамен. Их водрузили каждый из колхозов в центре отведенного ему участка. В промежутках торопливым темпом легко взлетают вверх и тут же падают вниз тысячи кетменей. Поистине — «в руках андижанца играет кетмень», как поется в народной ферганской песне! А вправо и влево от кетменщиков в обе стороны отбегают люди с тысячами носилок, тачек, мешков, высыпая из них землю и гальку на вырастающие с боков будущего канала валы. Бок о бок с мужчинами трудятся женщины. Они не уступают им в доблести. Трасса объята радостным трудовым шумом. Лютуют бодрые песни. Кто-то поет шуточные куплеты. Ему отвечают взрывы смеха. А вот несутся звуки патефонной пластинки. Там и сям раздаются подбад-

ривающие крики. Весело кипит, именно кипит работа. Улыбка — это нормальное выражение для всех лиц строителей БФК, даже для тех, кто едва находит время стереть пыль или смахнуть капли пота с лица.

Так почему же горько плачет остроглазенькая с густо подведенными сурьмой бровями молоденькая Нурхон? Кто посмел обидеть здесь, на народном празднике — стройке беззащитную девушку?

«Бригадир, — отвечает за нее старший брат. — Вчера Нурхон выполнила 120 процентов нормы. Утром ей дали премию. А сейчас отправляют назад в колхоз: четырнадцатилетним нельзя выполнять земляную работу на канале».

«Не хочу в колхоз. Мне скоро шестнадцать», — сквозь слезы настаивает на мечте девочка.

Неладно в такие хорошие дни обижать кого-нибудь. И председатель колхоза дал согласие оставить ее на БФК при кухне. Все удовлетворены.

Но что гудит вдали? Мотор самолета?

Странный рокот, нарастая, несется с юга. Быстро близится. Вот он уже долетает с соседних пикетов. Вот его подхватывают новые сотни голосов окружающих нас колхозников. Некоторое время мы вместе со всеми кричим это «ура», стихийно возникшее от полноты чувств где-то на нижних участках. А оно уже перекинулось дальше, в сторону «особого головного», и ушло далеко-далеко, замирая вдали.

Прошло меньше часа, и обратное тысячеголосое ответное торжествующее «ура» понеслось по трассе со стороны Учкурмана вниз, через Куйган-яр, Сталинск, обходя Маргилан, Риштан, Коканд и, как нам говорили потом, достигло до западного конца Ферганской долины. Последними его подхватили здесь, за сотни километров от начала, колхозники таджикистанских пикетов у Канибадама.

Вот уже много часов машина наша идет по дороге, по одну сторону которой тянется трасса намечающегося канала. По другую сторону вытянулся в одну линию сплошной временный стан — лагерь. Опрятно, уютно, домовито разбили его колхозы. Много тени; дымятся не по-походному, а по-настоящему оборудованные печи для приготовления пищи. Аккуратно разделяются подвешенные туши жирной скотины. Стучат ножи, легко шинкующие морковь для плова. Пыхтят начищенные до блеска, окутанные клубами пара самовары. В воде охлаждаются глиняные кувшины — куза с

крепким зеленым чаем. Через некоторые интервалы попадают полевые мастерские, склады, медицинские пункты, физкультурные площадки, хлебопекарни. В блестящих масляной краской книжных ларьках масса лучших новинок. В лагерных магазинах сколько угодно мануфактуры и прочих товаров. В красных уголках на столах свежие газеты. В агитпунктах расставлены столы для занятий по ликвидации неграмотности. Ковры, паласы, красные плакаты, транспаранты, полотнища лозунгов, поперек улицы флаги, нити флажков, портреты, временная электрическая проводка радуют глаз своей яркой красочной парадностью. Все готовится к приему джигитов-кетменщиков с трассы. Тут будут к вечеру сотни артистов: певцы, танцовщицы, рассказчики, острословы — кызыкчи, музыканты, канатоходцы.

Места поукромнее оборудованы для ночного отдыха.

Мы по порядку заезжаем в условленные пункты для встречи с членами экспедиции. В одних я принимаю от них устный отчет о ходе наблюдения. В других забираю оставленные коллекторами в определенных местах краткие письменные информации. Последнее чаще. Ведь все сотрудники археологического надзора находятся в движении. Неустанно проходят взад и вперед по своим участкам коллекторы, устраиваясь на ночлег там, где их застанут наступившие сумерки. Быстрее их продвигаются по своим почти восьмидесятикилометровым отрезкам трассы начальники отрядов. Они контролируют своих коллекторов; задерживаются на наиболее важных пунктах; проскакивают наименее ответственные на попутных машинах строительства. То с коллекторами, то с начальниками отрядов вышагивают фотографы. С одного объекта на другой перебрасываются топографы. Начальник археологического надзора вместе с завхозом на машине экспедиции по расписанию должен бывать за день в нескольких пунктах. Они обслуживают всю трассу, поддерживая связь между отрядами, консультируя, выясняя нужды, снабжая всем необходимым, собирая найденные объекты, давая информации.

Попутно ведется регистрация археологических объектов близ трассы и по проделываемым на машине маршрутам. Уже за сегодняшний день установлен существенный факт массового исчезновения с поверхности древних тепе, остатков усадеб и городищ. Их разносят на удобрение. Их

уничтожают для замешивания глины на изготовление кирпича. Удалось отметить тепе, только начатые подвергаться разрушению, разрушенные более чем наполовину и окончательно исчезнувшие. Былое наличие последних свидетельствуется сохранившимися топонимическими терминами да показаниями стариков, помнящих еще, как в детстве они играли на этих буграх или как на них женщины справляли весенние гулянки.

Поздно. А завтра мне предстоит явиться к начальнику строительства БФК. Ужегов сворачивает на большую дорогу. Проносимся через кишлак Кува. Сразу за ним огромное городище. Это, несомненно, остатки города Куба. Им никто из археологов не занимался. А между тем в средние века это был второй по величине город в Ферганской долине. Во второй половине X в. он превосходил Ахсыкет, столицу Ферганы, не только по количеству воды и садов, но также по величине и богатству. Из машины различаю цитадель. Вдоль южного фаса высоко приподнятой платформы шахристана видны крупные башни.

Перед соблазном трудно устоять.

«Михаил Александрович, задержите машину минут на десять», — говорю я шоферу и выскакиваю из кабины.

Взбегаю вверх. Как будто с северной стороны различаю следы стены огромного пригорода — рабада, в котором, по Ибн-Хаукалю в первой половине X века размещались дворец правителя округа, тюрьма, базары. По городищу разбросано много квадратных и продолговатых средневековых жженых кирпичей, особенно керамических и металлических шлаков. На поверхности преобладает керамика XI—XII вв. Много реже попадаются фрагменты глиняной утвари XVI—XVII вв.

Десять минут давно истекли. Надо ехать. Уже возвращаясь к машине, обнаруживаю к югу от шахристана отвал керамической печи — хумдана XVI—XVII вв. и подбираю фрагменты привозной каменной утвари из гематита.

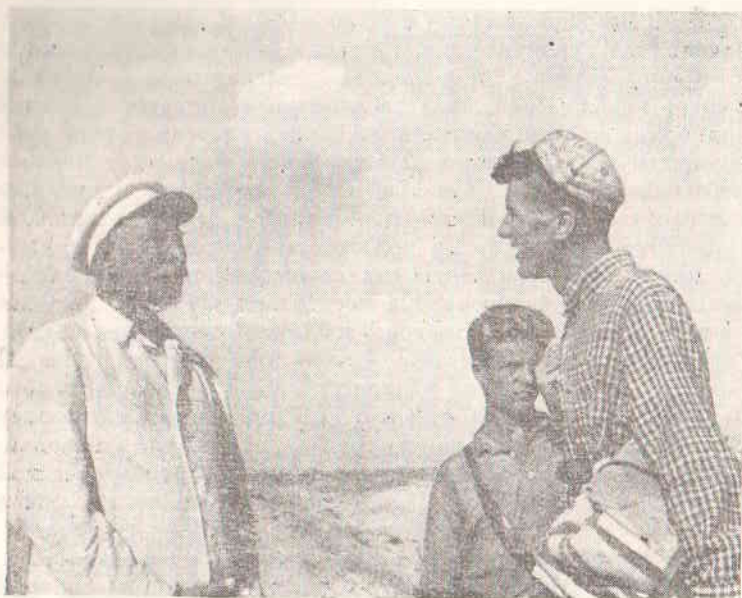
В половине одиннадцатого ночи въезжаем во двор Ферганского музея. На нашей базе у палатки меня с утра поджидают семь студентов и студенток из Ташкентского педагогического института. Они прибыли для усиления состава коллекторского надзора. На другое утро 3 августа после инструктажа часть была отправлена поездом в I и II отряды. Остальных разбросаю в нижнем конце трассы сам.

В 10 часов я явился в штаб БФК и вошел в кабинет начальника строительства Тишабая Мирзоева, андижанца по происхождению и в прошлом неграмотного батрака. Теперь передо мной был заслуженный инноватор в летней подкормке кустов хлопчатника, председатель совета урожайности колхоза имени Держжинского и депутат Верховного Совета СССР. Тишабай сидел за столом в рубашке с отогнутым воротником и в черной с белой вышивкой тюбетейке. По-фергански подстриженные усы чуть опущены книзу. Крупные черты гладко выбритого лица обличают деловитого человека. На посетителя время от времени из-под припухлых от ветра, пыли и солнца век глядят спокойные, чуть суженные, умные без хитрецы глаза. Я доложил о расстановке на трассе людей археологического надзора, о системе работы и о некоторых уже сделанных наблюдениях. Продемонстрировал кое-какие находки. Едва ли не впервые в жизни имея дело с археологической экспедицией, начальник строительства спокойно выслушал меня, осведомился, не нужно ли чего, предложил представить в конце работ письменный отчет. Затем рассказал, как он сам встретил в 1937 году при охоте на голубей древний хум на Гарджирд-тепе в сельсовете Ярбаши Андижанского района. Попутно сообщил, что несколько целых хумов было найдено и при строительстве Ляганского канала. В конце беседы пожелал нам успеха и обещал со своей стороны поддержку экспедиции (что впоследствии и выполнил).

На этом мы расстались, оба достаточно занятые своими работами, хотя и разного масштаба, но в общем для нас деле.

* * *

Работа на БФК кипит много дней. Трасса меняет свой облик. Сбоку не видно уже колхозных знамен. Все ниже и ниже водружаются они на дно ежедневно углубляющегося русла канала. Изю дня в день по бокам его растут сплошные огромные насыпи. А на них появились, словно остовы засохших деревьев, сколоченные из жердей и палок большие высокие «рогатины» с топорщащимися во все стороны «ветвями». Точно новогодние елки, увешаны они дневными премиями за индивидуальное перевыполнение плана — галошами, ичигами, сапогами, пестрыми платками, длинными рубашками, яркими платьями и т. п. Они вы-

Председатель ЦИК УзССР Ю. Ахунбабаев расспрашивает В. Д. Жукова о результатах археологического надзора на втором участке экспедиции.

даются не зря. Энтузиазм и темпы не падают, а нарастают.

Перевыполнение норм на сотни процентов уже не редкость. Нарынец Дунан Дусматов на нелегком первом Учкурганском участке сумел дать за один день 900 процентов. Прослышав про это, в низовьях трассы кетменщик — палван Мамаджан Курбатов, не расстававшийся и здесь со своим голубым патефоном, выполнил 9,5 норм. Кенджибаев, взяв себе в напарники Хасанова, на «Особом головном» довел свою производительность до 1000 процентов на обоих в отдельности. Соревнование захватывает мастеров-кетменщиков. От индивидуальных рекордов переходят на дающие больший эффект коллективные. По особому способу расставив свое звено, Абдукаим Миращаев стал давать от 1000 до 1100 процентов на человека в день. И наступил момент, когда еще более совершенной организацией труда андижанские звеньевые Юнусов и Аллаяров до полудня выполняли 950 процентов!

Нелегко было угнаться за колхозными кетменями сотрудникам археологического надзора, хотя число их было доведено до 33. И все же они поспевали. Когда из Ташкента прибыли еще два археолога — Турды Миргиязов и Яхья Гулямов, — появилась возможность, заменив ими в третьем отряде Абида Зайнутдинова, выделить специальную архитектурную группу. Ей было поручено изучение наиболее интересных памятников зодчества по трассе и специальным маршрутам.

В основном сотрудникам нашей экспедиции помогали сами разагитированные колхозники — копачи. Эти об археологическом надзоре знали не только от нас и по приказам штаба строительства. О нем и полученных результатах их оповещали установленные по всей трассе и в лагерях громкоговорители. О наиболее интересных открытиях по вечерам им читались агитаторами в чайханах заметки из газеты «На сталинской стройке». Большой популярностью пользовались раздававшиеся нами вручную непосредственно, распространявшиеся через двести с лишним агитпунктов и разбрасывавшиеся над трассой с самолетов специальные листовки. Напечатанные по-узбекски с одной стороны и по-русски с другой, они призывали всех строителей БФК беречь археологические находки и оказывать содействие членам археологического надзора в их сборе. Народная молва — «узун кулак» («длинное ухо») быстро разносила по всему каналу весть о «счастливицах», удостоенных премии — мукафата за тот или иной бережно извлеченный из земли интересный объект и даже просто за указание его местонахождения.

И когда на участке появлялись коллекторы или археологи с красным неравносторонним ромбиком на груди, где золотыми буквами было выведено «БФК Комитет Наук АН», их встречали радостно и радушно. Им подавали все, что попадалось в земле: крупные целые сосуды, мелкие украшения из ценных металлов, скромные глиняные черепки, обломки окислившихся металлических изделий, кости людей и животных, показавшиеся странными гальки. На обязанности коллекторов было все по возможности разъяснять. В результате они получили не вполне заслуженную кличку «профессор», произносившуюся, однако, с полным уважением.

«Зачем ты суешь мне этот ржавый гвоздь? На что он нужен, не понимаю», — говорил 4 августа начальник 27-го

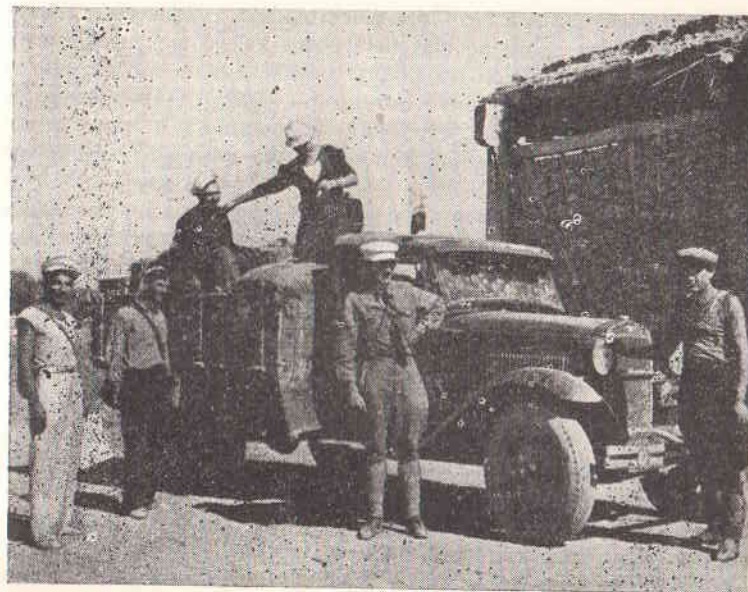
участка, не желая брать протягивавшийся кетменщиком проржавевший железный предмет.

«Твоя не понимаешь — профессор понимаешь», — подражательная колектора студента Аминджана Абдувахидова, вышительно, невозмутимо отвечивший колхозник, нашедший этот объект на глубине свыше двух метров.

И спасибо им, кишлячным кетменщикам, — они действительно много спасли для науки фактов, вскрытых при строительстве БФК.

«Мертвых» и «пустых» участков, т. е. без каких-либо находок, на БФК нет. А состав самих находок очень разнообразен. Тут и капсульная граната, и патроны от иностранных ружей, и английской марки поржавевший револьвер, — вещественные документы, напоминающие о недавнем басмачестве и его зарубежных «вдохновителях». О нераспространенных для дехкан времен Кокандского ханства напоминают попадающиеся то там, то сям небольшие клады медных и серебряных монет кокандского и кашгарского чекана. Боясь грабежа и произвола, их зарыли в землю как в самое надежное место бывшие владельцы, а потом, кто знает почему, так и не извлекли. Немало поступает с трассы почти целых глазурованных и неполивных предметов керамической утвари XIX в., работы опытных гончаров — кулялей Ходженда, Риштана, Коканда. Но больше всего выявлялось археологических объектов. Они шли массами.

Регистрировали все. Но бралось с весьма строгим отбором. И тем не менее подлежащего отправке в Ташкент на камеральную обработку оказывалось очень много. Завхоз Бердников едва успевал доставать и доставлять коллекторам тару. Коллекторы многие часы тратили на запаковывание образцов. Шофер Ужegov со стоическим терпением переносил перегрузку машины во время сбора с участков трассы тяжелых ящиков, громоздких крупных корчаг — хумов, увесистых «каменюк», как он называл каменные зернотерки и жернова. А их было найдено на БФК многие сотни, даже тысячи, если учитывать фрагменты. Не мудрено, что машина экспедиции несколько раз «сажалась» в пути по дороге на ферганскую базу или на ближайшую железнодорожную станцию. Один раз под ее тяжестью проломился проселочный мостик. В результате мы вынуждены были превратиться в саперов, и проложили временный, но более прочный мост.

Объезд строительных участков вдоль всей трассы БФК. Справа налево шофер М. А. Ужegov, М. Е. Массон, В. Д. Жуков, на машине И. П. Бердников и топограф М. М. Кобанова.

Как-то раз проездом через Фергану я нашел на базе в музее письмо от Управления строительства БФК об обнаружении археологических предметов на 30-м строительном участке и копию распоряжения его начальнику в весьма категорическом тоне:

«Воспреещаю разрушать археологические находки тчк Сегодня направляю археолога. Тишабай Мирзаев».

Даю в свою очередь телеграмму начальнику III отряда Я. Гулямову с вызовом его на упомянутый участок. Сам немедленно мчусь туда же на машине. В кишлаке Ультарма пересеживаюсь на новый штабной грузовик. Меня сопровождает заместитель начальника участка. По дороге выясняю, что находки сделаны на 4-м прорабстве, у пикета 314, что копают там кетменщики 2-го колхоза имени Кагановича Молотовского района и что археологические объекты мешают дальнейшему производству работ.

Добравшись до места, выскакиваем из машины и

устремляемся к трассе. Первое сентября, и она уже достаточно глубока. Дно ее сантиметров на 30 покрыто грязной просачивающейся из почвы водой. Стоя по колено в ней, настойчиво доводят до конца свое дело упорные строители канала. Но что это? Двигаясь и хлюпая по грязной жиже, они все время обходят какие-то земляные столбики?

Подходим вплотную. Ну и молодцы же вы, потомки многих поколений трудолюбивых дехкан Ферганы! Нет, вы не работали до сих пор на археологических раскопках. Инстинкт прирожденных землекопов привел к тому, что на вашем пикете археолог застаёт привычную и его глазу обстановку. Только это не тщательно заметный уровень раскопчной площадки — а водная поверхность. Зато над ней возвышаются многочисленные обычные земляные «столбики» с бережно сохраненными на них в непоколебленном виде нижними частями хумов, зернотерками, одним жерновом и фрагментами других предметов утвари. Несомненно, что тут вскрыты остатки небольшого поселения первых веков нашей эры.

С особым удовольствием беседую с копачами. Растолковываю смысл отдельных найденных ими предметов и значение памятника в целом. Отвечаю на многочисленные вопросы. Сообщаю, что на трассе и около нее нами зарегистрировано несколько десятков подобных пунктов этого времени с аналогичными предметами. Отбираю ограниченное количество наиболее характерных образцов. Объясняю, что все нам не нужно.

И пока маркируются и переносятся в машину отобранные мной объекты, вижу, как колхозники с других «столбиков» так же бережно снимают и перетаскивают к одному дереву оставляемые нами находки.

«Что вы будете с ними делать?» — интересуюсь я.

«Повезем в колхоз, в школу. Для курса истории народов СССР», — отвечает бригадир.

Это уже порожденное советским строем новое отношение к окружающему!

Условия работы на трассе не были одинаковыми. Легче всего они были в хвостовой части. К тому же самое русло канала проектировалось здесь уже и мельче. Энтузиазм же строителей тут был несколько не меньше, чем в других местах. Вот почему именно отсюда раньше всего начали поступать сведения о скором окончании земляных работ.

Первыми подняли красный флаг над участковым штабом три тысячи таджикских колхозников Исфаринского района. Затем посыпались один за другим рапорты о досрочном выполнении заданий ряда соседних пикетов. К середине августа оказалось возможным снять с этого участка трассы коллекторский надзор. III отряд получил возможность первым приступить к изучению археологических памятников в районе БФК и к осуществлению дополнительных маршрутных обследований.

Этому много помог проводившийся на трассе опрос тех же колхозников-копачей. От них-то и удалось впервые услышать об остатках какого-то неведомого поселения Даркуша, расположенного в степи Шайтанкул (Чертова сторона), севернее Рафкана.

Первый туда проник с трассы Я. Гулямов. Он прошел к нему с восточной стороны через мазар Уматбува. Один старик, живущий на окраине кишлака Карамулла, передал ему до десятка медных монет, собранных им самим среди руин Даркуша. Когда Я. Гулямов показал их мне при докладе в Коканде, я убедился, что они принадлежат чекану илеков. К этому же периоду относилось несколько подобранных на городище керамических черепков. Пункт приобрел особый интерес: ведь одной из задач нашей экспедиции было предварительное археолого-топографическое изучение Ферганы времени средневековья.

Два дня спустя наша машина со станции Посьетовка уже неслась в направлении кишлака Карамулла. В нем жители указали нам на два изумительных тала.

«Им больше ста лет», — с гордостью рекомендовали они достопримечательность своего селения.

Они, безусловно, правы. Когда я промерил на высоте метра окружность одного из них, рулетка показывала внушительную цифру — 7,15 м. Дерево сильно поражено крупным узбекским усачом. Увы! Через несколько лет гигантский таловый «патриарх» неминуемо погибнет.

Вскоре за южной окраиной кишлака открылся печальный пустырь городища Даркуша. Ни бугра бывлой цитадели, ни сколько-нибудь заметных руин. Микрорельеф сильно сглажен ветрами. Процесс выветривания протекает здесь особенно интенсивно. Городище расположено на рыхлом песчанистом грунте. Песок неизбежно в больших количествах попадал в пахсовые кладки и в сырцовые кирпичи, делая их малопрочными. Лишь места особо крупных

былых строений обозначаются теперь небольшими всхолмлениями. Как объект для археологических раскопок Даркуша обещает, видимо, немного.

Мы расходимся по всему городищу. Я обегую его вдоль и поперек. Площадь руин примерно два гектара. Развеечная ветром поверхность густо усеяна керамикой и другими археологическими остатками. «Сафалезор» (изобилующие сафалем, т. е. глазурованными черепками) — именуется населенные такие места в Средней Азии. В трех местах я натываюсь на невиданные мной до сих пор нигде куски оригинальных орнаментированных архитектурных бордюров и как будто домашних очагов, но очень крупных размеров. С трудом тащу их на себе, так как жаль оставить на месте хотя бы один фрагмент.

Вот под ногами замелькали черепки керамики, несомненно, предшествующего арабскому завоеванию времени. Их встречается очень мало. Подавляющее большинство принадлежит утвари IX—X и особенно XI—XII вв.

Сопровождающий нас старик подает мне одну за другой несколько поднятых им с земли медных и бронзовых монет. Часть из них — саманидские фельсы. Другие с легендами более витиеватого куфического почерка — чекана династии илеков. В поисках подземного материала нам очень рьяно помогает несколько кишлачных мальчугов. У этих особенно зоркие глазенки. Они умудряются заметить даже малюсенькие бирюзинки — бусинки.

Остановившись на краю городища, в одном километре западнее его, вижу вырисовывающийся невысокий бугор.

«Что это?» — спрашиваю я старика.

«Караша-мазар» (кладбище Караша), — отвечает тот.

Пока все увлечены выискиванием чего-нибудь особенно интересного среди бесчисленных осколков былого инвентаря, я складываю на приметном месте свою увесистую «добычу» и устремляюсь к Караша-мазару. Он не обманул ожиданий. Среди могильных насыпей мусульманского кладбища вижу кое-где куски глазурованной посуды XVII—XIX вв. Но всюду в большом числе валяются фрагменты более древней, процарапанной керамики, имеющих возраст около 2000 и более лет. А вот и сопутствующие им всегда каменные зернотерки. Регистрирую в полевой книжке новый пункт местонахождения небольшого древнедаванского поселения. С набитыми даванской кера-

микой карманами быстро возвращаюсь на Даркуша: солнце клонится к закату, а впереди нелегкий путь.

Меня встречают радостными восклицаниями. «Свинцовая пластинка с арабским текстом!», «Бронзовая крышечка с куфическими письменами!» Подъемный материал превзошел все ожидания: одних монет подобрано до сотни. Наскоро просматриваю их. Даты те же. С Даркуша под пристальным оком советских исследователей слетает завеса таинственности. В дневниках археологов появляется запись об установлении в Несийской области еще одного богатого средневекового поселения. Оно сложилось до появления арабов в Фергане, а особенно интенсивно жило в XI—XII вв. Свое существование же закончило, может быть, в связи с монгольским нашествием.

М. А. Ужегов, не меньше нашего увлекавшийся исключительно продуктивной рекогносцировкой, начинает с беспокоейством посматривать на солнце.

«Садись», — командуя я.

Еще несколько минут, и разгаданное Даркуша остается позади. Машину начинает кренить то вправо, то влево.

«Держитесь крепче!» — кричит Михаил Александрович сидящим в кузове.

Начался «Шайтанкул».

Жуткая площадь выдувания тянется несколько километров. Нет никаких следов дороги. Нет ровной поверхности больше 4—5 квадратных метров. Ямины, провалы. Грузовик ползет со скоростью черепахи. Вот он идет с перевалом на один бок. Вот его перекосило по диагонали. Оба передние колеса нырнули вниз. Вот их выбросило вверх, а задние колеса беспомощно буксуют в рыхлом песке.

Надо быть таким опытным водителем, каким оказался Ужегов, чтобы благополучно вывести машину из Шайтанкула.

Уже в сумерках появились очертания знакомого нам даванского поселения на Рафкан-мазаре. Не утерпели, чтобы не сделать дополнительный сбор процарапанной керамики. Скоро утомленные, но радостно возбужденные, мы заканчиваем удачный день в приветливом кишлаке Рафкан.

* * *

Перед третьим отрядом мной было поставлено немало частных задач. Решение одной из них вызывало необходимость посетить Сарыкурбан. Предстояло выяснить, мог

ли там находится город Сох, как об этом высказал одно из своих предположений покойный академик В. В. Бартольд.

Поездка была занесена в рабочий график. Назначенный срок выпал на вторую половину дня 20 августа. Захватываем на машину обоих археологов третьего отряда и выезжаем из Коканда в сторону Сарыкургана. Прибываем на место поздно вечером. Машину останавливаем на колхозном дворе. Сами тотчас гурьбой двигаемся к главной цели нашего заезда.

Огромная руина былой крепости-замка предстала перед нами в чуть фиолетовом отблеске гаснущего заката. Своим внушительным видом она поразила даже нас, среднеазиатских археологов, выдавших на своем веку немало крупных и мелких живописных и величественных развалин.

Сарыкурган (буквально — Желтая крепость) стоит на правом берегу Соха, неподалеку от выхода реки из гор. Его основанием служит конгломератная толща. Мощная платформа из битой глины по периметру снаружи разделана как бы под массивные блоки пахсы. Выше в промоинах видны кладки из крупных продолговатых кирпичей. Снаружи и они одеты пахсой. Общая высота кургана в сохранившемся виде превышает 12 метров. Каков же он был, когда сверху высились еще увенчанные зубцами — кунгра мощные стены!

Взбираемся наверх. Оттуда открывается изумительный вид. С юга вдаль вздымаются горы, где в средние века добывалась ртуть. От них на север тянутся вдаль зеленющие просторы плодородной Ферганской долины. С западной стороны почти к подножью кургана примыкает созданный трудом многих поколений знаменитый «сохский веер» — десятки длинных расходящихся пучком русел каналов, разбирающих без остатка полноводный Сох.

Нет, должно быть, современное название искажено потомками. Почему Сарыкурган? Что «желтого» в нем? Безраздельно господствующая над долиной, неприступная твердыня, оплот потентатов, владычествовавших над головами ирригационных каналов, — он с полным правом мог в свое время называться Саркурган — «крепость-глава» или «главная крепость». Так думаю я, стоя на гребне одной из ее развалившихся башен и вглядываясь в мигающие внизу струи мутной воды главного русла и многочисленных крупных арыков.

Темнеет. При спуске видим, что кто-то, должно быть, несколько лет тому назад пытался брать землю с руин. В колхозе нам подтвердили это, но добавили, что разрушение кургана было запрещено. Кое-кто помнит обитую железом доску, поставленную у Сарыкургана в первые годы революции. Теперь ее нет. На ней было написано, что памятник состоит на государственном учете. Местные жители ничего не знают о прошлом Сарыкургана. Старики считают, что в нем жили неверные — калмыки.

С раннего утра приступаем к изучению. Я обхожу Сарыкурган и снимаю с него план. Один из археологов обследует территорию современного кишлака. Другой направлен вверх по течению к виднеющимся в полутора километрах развалинам Куюк-там. Ко второй половине дня получилась возможность суммировать сделанные наблюдения.

План готов. Сарыкурган оказывается многослойным памятником. Для его сооружения глину брали или километрах в шести севернее в ущелье или с левого берега километрах в полутора по прямому направлению. Он существовал как крупное укрепление в головах магистральных каналов уже в пору рабовладельческого общества. Тогда же под его стенами имелось значительное поселение. Культурные слои этого времени прослежены на современном кладбище и на месте, где строится колхозный клуб. Все мы подобрали характерные красные и реже желтоватые тонкостенные фрагменты керамики из хорошо отмученной глины первых веков до и после н. э. К этой эпохе относится, несомненно, сложение в основном «сохского веера». Крепость функционировала и много столетий позднее. Однако никаких следов города Соха или средневекового поселения рядом не обнаружено. Сарыкурган целиком связан с эксплуатацией ирригационной системы. Развалины же Куюк-там («погоревший дом») — как будто средневековые. Они высятся над десятиметровым обрывом Риштан-арыка. Легенда считает их обиталищем некоего великана Ямакчи («починяльщика» якобы сапог). Благодаря огромному росту он мог будто бы черпать воду рукой из арыка, сидя в своем «замке», и легко переходил Сох вброд даже в пору весеннего половодья. От его мнимой резиденции уцелела насыпная платформа — тепе да с остатки стен, сложенные из галек. А в 4 километрах южнее, по Сохскому ущелью, население указывает Итыкчи-

курган, где некогда обитал какой-то легендарный сапожник-итыкчи. Рядом находится мазар Эрхубби. На него перенесен древний культ водяного духа, покровителя Соха. Считается, что Эрхубби оказывает помощь утопающим при переправе через реку. Шейхи выдают его за сына популярного в Средней Азии мусульманского мистика Зангиата.

Заинтересовавшись нашими исследованиями, колхозники Сарыкургана усиленно рекомендуют нам посмотреть урочище «Хышт-хана» на противоположном берегу Соха. Там, по их словам, на большой площади попадает масса старинного жженого кирпича, а недавно будто бы был найден клад серебряных монет. Нам дали оседланных лошадей. Несмотря на усталость и признаки приближающегося приступа лабиринтита, решаю ехать. Первый широкий проток минуем благополучно. В середине главного русла вода поднялась выше брюха лошади. Стремительно проносящаяся мутная рябь ее поверхности вызвала у меня сильное головокружение. Еще немного, и я упаду с седла. Напрягаю волю. Поворачиваю коня. Вперив взгляд в неподвижную зелень далекого берега, я с трудом возвращаюсь назад. К вечеру мы были на своей Кокандской базе. Хышт-хану же обследовали позднее, подъехав к ней по левому берегу Соха. Опросным путем узнали еще, что в 4 километрах от горного кишлака Сох (отличного от селения Сох севернее Сарыкургана) есть развалины Калаи-Муг, которые население считает древним городом.

* * *

Обслуживающиеся вторым отрядом археологического надзора строительные участки БФК во многих местах имеют близкие подпочвенные воды. Кое-где они проступают на поверхность и образуют типичные заболоченные комариные места. Здесь наши коллекторы спят под марлевыми пологам — пашахана, а в целях профилактики их заставляют глотать акрихин.

И эти, казалось бы, малопригодные для жительства нездоровые теперь урочища дают разновременные находки, начиная от бронзовых наконечников копий и украшений чуть ли не 3000—2500-летней давности. Многочисленность археологических фактов такого рода сама по себе уже исключает случайность. Они заставляют задуматься

над вопросом о происхождении самого процесса заболачивания в Фергане.

Об особенно интересном и важном в этом отношении узнаю, вскрывая на одной из остановок в условленном пункте адресованный мне конверт. Пишет впопыхах наш коллектор Ваня Фильцов. Донесение помечено третьим августа.

«На моем 25-м участке у полевых пикетов 118, 119, 120 и 121 обнаружено кладбище. Местное население о нем ничего не знает, и на поверхности земли нет никаких признаков его. С глубины 70—75 см попадает очень много скелетов и почти около каждого из них находится один или несколько глиняных сосудов. Сейчас я собираю их, черепа и другие кости. Не имел возможности оторваться от этого кладбища, только один раз дошел до Буйры... Если увидите начальника нашего отряда, передайте, чтобы он пришел ко мне».

Сигнал явно не по пустяку. Молодой наблюдатель, не надеясь на свои силы, безусловно, ждет помощи, хотя прямо и не просит ее.

Когда археолог В. Д. Жуков добрался до 5-го прорабства 25 участка, коллектора там уже не было: его вызвали на соседний. Зато работающие здесь колхозники Папского района оказались прекрасно распропагандированы и обучены нашим молодцом-наблюдателем, как поступить при обнаружении могил в его отсутствие. Они даже самому начальнику отряда не позволили трогать руками найденные объекты до возвращения И. Фильцова.

Быстро проносятся дни на строительстве БФК. Незаметно подошло 16 августа — намеченный графиком срок сбора находок по второму отряду.

«Иван Петрович, — обращаюсь я на Ферганской базе экспедиции к бывалому завхозу-полевику Бердникову, — грузите сегодня в машину больше, чем всегда, пустых ящиков, да соответственно стружки и оберточной бумаги. Едем ведь на 25-й».

«Ну, как же, знаю, — отвечает он, — все уже положено».

Заезжаем сперва в Шамирза-тепе, где на базе забираем поджидающего нас В. Д. Жукова. Оставляем письменное уведомление коллектору Фильцову о скором появлении на его участке топографа М. М. Кобановой. 25-й участок расположен в 1,5 км западнее станции железной дороги Ванновка. Выбираем путь на него через Старый

БФК. 25-й строительный участок. Разбор материалов из древних могил. Справа И. П. Бердников и М. Е. Массон; крайний слева В. Д. Жуков; наклонился над ящиком коллектор И. Фильцов.

Маргилан. Остановку в этом городе используем для ближайшего ознакомления с медресе Махсум-Домулла и с архитектурным комплексом у мавзолея Искандера (ошибочно отождествленного в научной литературе с Александром Македонским. В действительности это усыпальница одного кухистанского владельца XVII в. по имени Искандер). Только поздним вечером мы прибыли наконец к месту назначения.

На трассе работы идут вовсю.

В сумерках начинаем обход со 121 пикета. Один из колхозников протягивает мне только что найденные какие-то темные металлические кусочки. Они легко складываются, образуя на ладони крупное незамкнутое кольцо. По излому видно, что оно сделано из бронзы. Приглядываюсь пристальнее и на двух концах узнаю сквозь окис-

лившуюся поверхность скульптурные изображения морд львиц. Передо мною явно незамкнутый бронзовый браслет по типу близкий к одновременным ахеменидским браслетам звериного стиля.

Вот другой колхозник присел на корточки, наклонился и бережно выковыривает пальцем попавшую под кетмень маленькую глиняную баночку. Едва успеваем взять и зарегистрировать находку, как нас увлекают к появившимся из-под земли несколькими лежащим на дне потревоженной могилы расколотым глиняным сосудам.

На 124 пикете кетменщики не без гордости демонстрируют нам бережно, без всяких повреждений откопанную ими целую глиняную корчагу — хум. Размеры ее очень велики. Диаметр тулова один метр. А рядом с ним выклинивается еще и второй такой же хум. Тут же поблизости при нас вскрывают в сырой земле одно погребение. Покойник был положен в могилу на спине в вытянутом положении головой на север.

Неожиданно перед нами вырастает фигура И. Фильцова. Вслед за приветствием тотчас начинает докладывать ситуацию на последний день. На его участке не одно, а два древних кладбища. Одно на пикете 124. Могилы другого рассеяны от 118 до 121 пикета. На последнем их особенно много. Здесь покойники лежат в могилах головой на запад и юго-запад. Колхозники его уверяют, что ими встречены за его отсутствие два скелета с головами, обращенными на восток.

И пока окончательно не стемнело, коллектор тащит нас посмотреть на свой полевой музей-склад. Он помещается тут же у трассы под густым кустом. В темноте мы можем только разглядеть уйму черепков, многие десятки целых глиняных предметов, кости скелетов и несколько белеющих в одной стороне человеческих черепов.

Каждый из нас по-разному, но только не равнодушно, переживает виденное. Мы все говорим, делимся мыслями, спорим. И. П. Бердников больше всего волнуется, что не хватит привезенных ящиков.

Спим под открытым небом. Ночью все продрогли: была сильная роса. Но и это не охладило нашего возбуждения. Значимость обнаруженного слишком очевидна.

С раннего утра приступаем к строгой проверке, отбору, этикетажу, регистрации и упаковке. Работаем в десять

рук. Но всего так много, что эта работа длится девять часов подряд.

Попутно более детально знакомлюсь с находками. Среди них плоскобокие сосуды — фляги, крынки с прямыми боками без ручек, сковородкоподобные тарелочки с уплощенным дном, разнообразными большими и маленькими горшками, кувшины и другая бытовая керамическая утварь. Немало зернотерок, каменных оселков-точилок. И. Фильцов говорит, что на его базе у станции Ванновской лежит еще отсюда же каменный пест с какими-то знаками.

В массе предметов отчетливо улавливаю принадлежность их к двум разным комплексам. Для более старого типична процарапанная керамика. Этой техникой наносился обычно геометрический орнамент с преобладанием треугольников. Но есть и сложные композиции. На одном сосуде выцарапаны «елочки» и между ними идущие фазаны. Не менее характерны многочисленные глиняные биконические пряслица. В могилах они встречались вставленными в горлышки маленьких глиняных сосудиков. Это вызвало предположение, что их использовали для продевания фитилей и что вместе с сосудиками они служили светильниками. К этой группе объектов относится и подаренный мне вчера вечером бронзовый браслет. Их все можно относить к середине I тысячелетия до н. э. с отклонениями в несколько столетий в ту и другую сторону.

Сосуды более молодого комплекса примитивнее, грубее, почти без орнаментации. Они близки к утвари так называемой культуры «Каунчи II». Их наиболее вероятная датировка в пределах I в. до и первых веков н. э.

Несколько предметов как будто не подходят к двум устанавливаемым комплексам. Условно выделяю их пока в особую группу.

От предварительного осмысления найденного меня отвлекает вдруг наступившее среди присутствовавших какое-то замешательство. Люди начинают рыться в ящиках с уже упакованными сосудами. И. П. Бердников ползает под соседними с «полевым музеем» кустами. И. Фильцов несколько растерян.

Оказывается, недосчитываются трех сосудов. Явно их кто-то взял. Они были совершенно целыми и вполне пригодными к практическому употреблению.

На участке уже был как-то случай утилитарного использования археологических кувшинов строителями. Но

сейчас колхозники ни при чем. Узнав о случившемся, они сами пребывают в недоуменном негодовании. Не любящий тратить лишних слов, М. А. Ужegov, видя наше огорчение, с жестом благородного негодования покидает нас. Неприятный и единственный за все время пребывания на БФК случай пропажи. Утешаю сотрудников тем, что в нашем распоряжении остались десятки целых предметов. Будут, вероятно, найдены и еще.

Оставляю своих археологов продолжать упаковку, а сам вместе с фотографом Е. Н. Юдицким иду на трассу. Он фотографирует кетменщиков колхоза Бирляшкан Чадакского сельсовета, сохранивших для советской науки так много предметов из погребального инвентаря. Четверо колхозников 3-й бригады Мамаджап Магзумов, Кабыл Кашкар, Маманазар Ташметов и Матибрагим Камбаров получили от экспедиции небольшую денежную премию за бережное отношение к находкам. Я особо благодарю за черепа. Кости скелетов вообще оказались все очень плохой сохранности. Они крошились и рассыпались даже при аккуратном обращении. Тем более было трудно получить сколько-нибудь цельными трухлявые черепа. Между тем, для выяснения антропогенеза современного населения Ферганской долины очень важно будет изучение этих впервые обнаруженных черепов с древних даванских кладбищ, имеющих определенную датировку во времени. В самой популярной форме рассказываю о методах антропометрии. Демонстрирую на подаренном мне черепе, как и где именно производятся обмеры. Попутно говорю о найденном в прошлом году в Узбекистане неандертальском черепе из Тешикташа, о «родстве» человека и обезьян. Интерес у слушателей самый неподдельный.

С трассы я и Е. Н. Юдицкий возвращаемся, неся с собой найденные при нас два биконических пряслица, фрагмент железного лезвия в деревянных обкладках (ножны?) и один целый кувшин.

«Вот вам новый сосуд на пополнение взамен пропавших», — говорю я, ставя находку на ящик.

Один из упаковщиков чуть театральнo приподнимается и ставит рядом другой сосуд. Оказывается, это один из исчезнувших. Его отыскал М. А. Ужegov в траве у кооперативной лавки. Виновника обнаружить не удалось, но мы об этом и не тужили, радуясь «возвращению» считавшегося уже утраченным объекта.

Упаковка подходит к концу. Подвожу с сотрудниками предварительные итоги. Отмечаю заслуги И. Фильцова в части обнаружения им на левом берегу русла БФК, неподалеку от кладбища, остатков поселения тех людей, для которых после смерти устраивались вскрытые кетменями колхозников могилы. Место поселения обозначается теперь как тепе, на поверхности которого попадает та же керамика с процарапанным орнаментом, что и на кладбище 118—121 пикетов. Итак, одновременно найдены поселение и некрополь древних даванцев. Редкая в археологической практике удача. Обращаю внимание сотрудников на самый факт устройства здесь более двух тысяч лет назад кладбища. Даванцы не стали бы хоронить своих покойников в месте с высоко стоящим уровнем подпочвенных вод и класть трупы в мокрый песок. Значит, тогда режим грунтовых вод был здесь иным. После того обстановка изменилась. При обработке земли оказались уничтоженными могильные бугры. При нивелировке снесли часть верхнего слоя бывшего кладбища. В результате могильные ямы оказались ближе, чем при захоронении, к поверхности земли. Последовавшее позднее заболачивание вызвано выходом из строя ирригационной системы как результат крупного потрясения в социальной жизни. Предстоит задача выяснить, в какие эпохи это имело место. Мое обобщение сотрудники прослушали с большим вниманием.

Забит последний ящик. Его грузят на машину. Все вместе едем на базу И. Фильцова. Здесь он нам показывает несколько крупных каменных ядер, малюсенький глиняный сосудик, зубы коровы и каменный пестик с мнимыми знаками якобы непонятного письма. Они оказались естественными белыми прожилками в породе, из которой было выточено само орудие.

Прощаемся с И. Фильцовым. Он рад моей похвале за проделанную работу. В душе, я вижу, ему немножко жаль, что любовно собиравшийся столько дней «полевой музей» под кустом опустел. Но он этого не говорит.

Шофер заводит мотор. Мы трогаемся в путь, увозя тяжелый груз в Фергану для отправки по железной дороге в Ташкент.

А два дня спустя далеко от 25-го участка я столкнулся с отзвуком беседы, которая была у меня с кетменщиками колхоза Бирляшкан. «Узун-кулак» в обе стороны трассы разнес приукрашенную и искаженную, как при игре в

«испорченный телефон», молву об обнаруженных на древнем кладбище черепах. Передавали, что один из них особенно понравился профессору. Он, то есть я, показывал его на канале колхозникам, долго о нем рассказывал, и все удивлялись. Да и было чему!

«Скажите,— спрашивали меня несколько дней подряд разные люди в разных пунктах трассы,— правда, что на 25-м участке нашли череп черта с рогами?»

Последним из спрашивающих был один из сотрудников археологического надзора.

«Верно, что на 25-м участке нашли человеческий череп с рогами? Болтают, что это от дохлого черта — да я не верю,— высказывая этим свой рационализм, говорит мне наивный молодой человек.— А вообще бывают люди с рогами?» — видя, что я молчу, допытывается мой любознательный сотрудник.

«В натуральном виде не бывают», — улыбаясь, отвечаю я.

Участки строительства, подведомственные первому отряду нашей экспедиции, более других насыщены археологическими памятниками, особенно между Нарыном и Карадарьей, т. е. в средневековом Миянрудане. Здесь встречены длинные насыпные валы. Посреди трассы скрыты остатки мелких селищ родового общества. Для них характерны врытые в землю в ряд крупные хумы-зернохранилища плохого обжига, хрупкие и с черным закалом внутри черепка. Зарегистрировано несколько значительных поселений разных размеров. Имеются разновременные могильники, тепе, городища. Среди них продолжает по-прежнему привлекать наше внимание городище Джулбарскамар.

Площадь, окруженная валом оплывших стен, почти в 20 гектаров. Ближе к южной стороне бугор бывшей цитадели. В юго-восточном углу — русское кладбище. Русло канала копают на городище вдоль восточной стены. Стоит появиться здесь начальнику отряда археологу Т. Г. Оболдуевой — и в ее полевых донесениях мелькают сообщения о многочисленных разнообразных находках от крупных корчаг до мелких глиняных пряслиц и каменного острья. Остается на своих участках коллектор Сергей Круковский один — и прекращаются сведения о находках.

«Что на Джулбарскамаре?» — при своем контрольном проезде спрашиваю я Круковского, не застав его на трассе и отыскав в 10 часов дня в столовой ИТР 4-го участка.

«Никаких целых и интересных объектов за последнее время не попадает», — вяло отвечает он.

«Новые заслуживающие внимания пункты на своих участках зарегистрировали?»

«Нет».

«А в прорезанном трассой тепе южнее городища и на буграх у совхозов собрали что-нибудь?»

«Ничего».

«Покажите ваш дневник».

В нем оказалась одна запись за несколько дней.

Видевшие этого коллектора на трассе говорят, что ходит он там, не глядя на землю, а мечтательно устремив взгляд вдаль или на небо. В первом отряде Круковского зовут «астрономом».

Тут же у столовой объявляю о назначении наблюдателем на Джулбарскамар коллектора Имана Саидова. Все вместе едем на 2-й участок. Нас много: я, Т. Г. Оболдуева, фотограф Е. Н. Юдицкий, топограф М. М. Кобанова, оба коллектора.

Засезжаем в участковый штаб. Ни начальника, ни его заместителя не находим. Сам штаб, самое его местонахождение вдали от строящегося канала, беспорядочность и беспхозяйственность производят неприятное впечатление. Двигаемся на трассу. Взбираемся на городище. Окидываем с вала взглядом подвижную ленту работающих на ней людей и устремляемся в их гущу.

Находки попадают прямо под ногами. Подбираем их с земли. Снимаем с нарочно остановившихся около нас носилок. Принимаем из протянутых рук на каждом пикете подходящих к нам кетменщиков.

Нас несколько человек — но находок слишком много. Мы с трудом успеваем фиксировать в дневниках наблюдения, принимать предметы, записывать даваемые разъяснения, вести этикетировку, благодарить, пожимать руки, выдавать иногда в виде «мукафата» от 3 р. до 20 р. У нас везде просят нашу «листочку-обращение» об археологическом надзоре. Ее осталось мало. Даем только бригадирам. Те бережно складывают ее и засовывают под тубейку.

Устанавливается интересный факт: особенно много находок к северу от городища. Следовательно, поселение не ограничивалось окруженной стеной площадью Джулбарскамара. Оно тянется вдоль левого берега несколько лет

назад выкопанного Октябрьского арыка. Должно быть, на его месте в древности был другой канал.

Из верхних культурных слоев здесь мы получаем средневековую глазурованную и неполивную керамику, жженные кирпичи, до десятка монет. Среди них «чёрные дирхемы»-мусейяби с языческими изображениями, саманидские фельсы IX—X вв., медные монеты илекского чекана. Значит, тут располагалось значительное феодальное селение в IX—XII вв., когда опустевший Джулбарскамар был уже в заброшенном состоянии. До сих пор при исследованиях Учкурганской степи ни разу не был встречен средневековый археологический материал, и это первый случай его обнаружения.

Нижние культурные слои более мощные. В одном месте при нас выкапывают глиняный сосуд даже с глубины около 4 м. Но это не характерно: он находился в могиле, вырубленной в конгломератовой толще за пределами бывшего поселения.

И на городище и вне его на разных глубинах попадает масса врытых хумов и притом близко друг от друга. Это показатель большой густоты населения. О том же говорит и обилие предметов археологического инвентаря. Зернотерки уже почти не интересуют нас — их слишком много. Нас захватило обилие керамики. По ней мы уже различаем три одновременные, на различных глубинах залегающие комплекса: древний, средний и более поздний.

«Вот бы найти такой объект, по которому можно было бы дать не только стратиграфическую, но и уточненную датировку во времени!» — высказываю я вслух своим сотрудникам затаенную мысль, как предел возможных желаний.

И как бы «по-щучьему велению» — колхозник Батыр Кучкар Масаидов протягивает Т. Г. Оболдуевой какой-то медный кружок.

«Не монета ли?» — задает она вопрос, передавая мне находку.

Ну, конечно, монета! Только какая? Удастся ли легко удалить окись? Сохранились ли под ней более или менее ясные следы изображений и надписей?

Тут же, стоя, произвожу очистку наиболее деликатным способом. Страшно повредить важный документ. Вот проступает металлическая поверхность кружка. Начинаю усиленно тереть монету между пальцев. Кончики больших и

указательных пальцев на обеих руках доведены до лоска. Болит кожа. Но надо скорее сделать важное для нас всех определение. Еще немного — и все разъяснится.

На одной стороне крупной бронзовой монеты профиль государя в диадеме. На обратной — контуры стоящей фигуры мужского божества и следы двух слов искаженными греческими буквами: «Базилевс Гелиока».

«Это крупный халк так называемого варварского чекана, подражающего монетам Гелиокла», — разъясняю я сгрудившимся около меня сотрудникам археологического надзора, кетменщикам и бригадирам. — Гелиокал — греко-бактрийский царь примерно второй четверти и середины II в. до н. э. Это самая ранняя монета из числа известных для Ферганской долины. И вообще первый случай обнаружения в Фергане монетных кружков, подражающих греко-бактрийскому чекану. Эта монета дает первую уточненную дату для культурного слоя со «средним» комплексом находок. Таким образом, городище Джулбарскамар, безусловно, существовало в эпоху рабовладельческого общества, хотя поселение сложилось здесь задолго до того, в пору родового строя».

Я от души пожал руку Батыра Кучкара. Т. Г. Оболдуева тут же вручила ему «мукафат».

В штаб участка мы добрались только поздно ночью, до предела отягченные «добычей», порядком уставшие, но от удач полные радостных впечатлений.

Наутро чуть свет мы уже на ногах. Пока идет упаковка предметов керамики, я прочитываю все найденные на участке монеты. Потом снова идем на трассу. М. М. Кобанову ставлю на съемку плана с городища. Даю ей на работу три дня, после чего она будет переброшена во второй отряд.

Колхозники приглашают нас посмотреть на выкопанный ими утром хум. Корчага целехоньякая и взята бережно. Организуем перенос ее в штаб. Проходим дальше. Всюду новые находки. Вне стен Джулбарскамара мне подают медную монету. Она оказалась саманидским фельсом. Доходим до края средневекового поселения, и у нас в руках снова несколько цельных глиняных сосудов, кости древней лошади, взятые с глубины 2,5 м, и другие предметы. Особенно интересна крупная галька темно-зеленого нефрита. С одной стороны она гладко отполирована, должно быть, от бесчисленных прикосновений. На Востоке издрев-

Выдача Т. С. Оболдуевой премии за сохранение колхозниками — землекопами археологических объектов, встреченных при прокопке русла БФК.

ле приписывали нефриту чудодейственную силу, в частности способность вызывать дождь в засуху. Земледельческой Фергане такой магический амулет в прежнее время был очень кстати. В связи с этим, вероятно, и привезли около двух тысяч лет назад из Восточного Туркестана извлеченную теперь из руин гальку благородного самоцвета.

Пожелав колхозникам досрочного выполнения работы, направляемся к подъехавшей машине. Грузим в нее несколько гигантских зернотерок, каменный жернов и другие находки.

М. М. Кобанова и И. Саидов, стоя на валу городища, долго машут руками отъезжающей машине, пока мы не скрылись за поворотом.

И Джулбарскамар и Иман Саидов оправдали себя. Вскоре после нашего отъезда штаб 2-го участка переехал, наконец, по распоряжению Тишабая Мирзаева в более удобное место ближе к трассе. Когда 28 августа долгие

блуждания в его поисках поздним вечером увенчались успехом, мы застали нашего коллектора в палатке на правом берегу Октябрьского арыка за приведением в порядок многочисленных черновых записей в его дневнике.

Добросовестный и тактичный, он расположил к себе колхозников и обслуживающий участок персонал. Почти все археологические объекты у него размещаются в клубе. В палатке же И. Саидов показывает нам средневековый кирпич с отверстием и ямочками, служивший частью гончарного круга. Поздно, и мы ночуем во дворе учебного комбината.

Наутро И. Саидов не без заслуженной гордости демонстрирует в клубе обильный сбор. Особенно интересны очень крупных размеров целый глиняный с плоским боком сосуд-мустахара и маленькая бронзовая мустахара с двумя ушками. Повезло ему с монетами. На разборку и упаковку тратим пять часов. Лучшую часть принесенной им с трассы «добычи» мы едва размещаем в 11 ящиках. Тотчас отправляем их с завхозом в Учкурган для сдачи на железнодорожную дорогу грузом большой скорости до станции назначения Ташкент.

Сами в ожидании возвращения машины проводим время на трассе. Гигантское русло канала во многих местах почти закончено. Производятся зачистка бортов (именуемых в Фергане «балык-сырт»), снятие перегородок и другие земляные работы. На Джулбарскамаре и прилегающей с севера территории они продолжают сопровождаться находками. За короткий срок мы снова делаемся обладателями ряда интересных объектов. Городище дарит нам, между прочим, бронзовый молоточек и кусок бронзового зеркала. Кетменшики колхоза «Пятилетка» («Бешилик») радуют нас поднесением с их пикета маленького плоского черешкового бронзового наконечника стрелы архаического типа. С отрезка трассы, проходящего через поселение, в наши руки попадают целые глиняные кувшины и монеты чекана династии илеков XI—XII вв. Безусловно, «объект» еще не исчерпан. Договариваемся, что И. Саидов задержится на участке по крайней мере до 5 сентября, то есть на несколько дней дольше намеченного ранее срока.

Вот пылит вдали наша машина. Узнаем ее по прибитым на бортах крупным ярко-красным с золотом трафаретам, сделанным в Коканде художником-корейцем по образцу ромбического значка нашей экспедиции. М. А. Ужegov

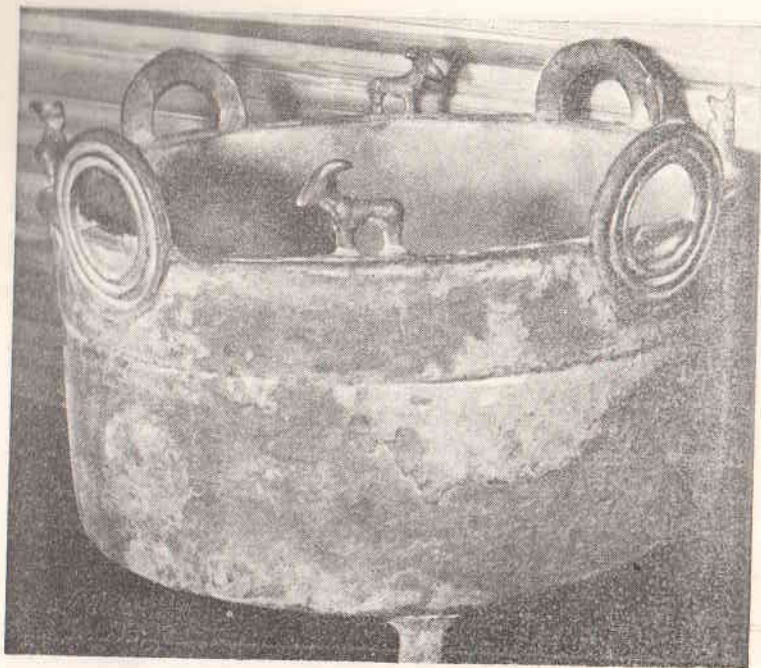
Место находки бронзового котла скифского типа на 2-м строительном участке.

загоняет грузовик на самое городище. Прощаемся с И. Саидовым. Под добрые напутствия окружающих трогаемся на 5-й участок, где земляные работы окончены и предстоит снять археологический надзор.

Несмотря на заблаговременное предупреждение, находим там С. Круковского, совершенно не подготовленным к отъезду. Объектов у него мало. Из целых — один кувшин. Общими усилиями в полчаса собираем нашего «тюфяка-астронома» и мчим его к Лугумбеку. Несколько сконфуженный, он передает с чужих слов, что якобы где-то на его участке колхозники нашли большой медный сосуд вроде котла, да он исчез. Сидящие в кузове встречают это сообщение недоверием.

«Михаил Евгеньевич! — кричат мне в кабину. — Из Ферганы известны находки бронзовых котлов?»

«До сих пор нет!» — откликаюсь я.

Бронзовый котел скифского типа на трех ножках, найденный на Лугумбековском участке (пикет 152).

Над Учкурганской степью сгущаются темные сумерки. В кузове мало-помалу умолкают голоса притомившихся за день участников археологического надзора. Поздней ночью при свете фар вкатываем во двор базы 1-го отряда.

«Привет сотрудникам Лугумбекской базы!» — провозглашаю я, выходя из кабины.

С постели вскакивает встрепанный И. Шнайдер. Подетски протирая глаза кулаком, заспанный коллектор тащит нас к какому-то темному, лежащему на земляной суфе, под карагачем объекту.

«Котел!» — торжественно объявляет он.

От неожиданности сразу не можем прийти в себя. Старуха-узбечка несет мигающую керосиновую коптилку. Да, котел! Большой бронзовый котел «скифского» типа! Не без труда вертим его во все стороны. Три ножки — одна отломана. Котел как бы обрамлен по краю широким

манжетом, напоминая древние китайские котлы. По бортам отлиты четыре вертикально поставленные «ручки». Между ними четыре идущие по часовой стрелке влево скульптурные фигуры горных козлов.

Куда девалась усталость! От котла все приходим в неопишуемый восторг. Расспрашиваем И. Шнайдера об обстоятельствах находки. Делимся соображениями. Молодежь объявляет котел «гвоздем» находок 1-го отряда. Т. Г. Оболдуева просит разрешения премировать нашедшего его 100 рублями. А окончательно очнувшийся от сна И. Шнайдер показывает все новые и новые предметы, добытые за последние дни. Чувствовалось, что демонстрация и пояснения могут затянуться до утра. Гоню всех спать. Но еще полчаса между складными походными кроватями продолжается контрабандная «переключка» полупешепотом, чтобы я не слышал, о всякой всячине, касающейся участков Лугумбекской базы. Главное, мне уже, впрочем, известно: основные земляные работы здесь завершены.

Наутро после запаquetования объектов ящики с ними и двух коллекторов направляю в Пайток и далее поездом на Ташкент. Сами идем на трассу. На участке много интересных объектов. К югу от Лугумбека осматриваем древнюю кочевническую ставку. Она занимает квадратную площадь по 250 шагов в стороне. Внутри нет никакого культурного слоя. От ставки сохранился на поверхности мощный вал, да вдоль северного его фаса тянутся остатки стены с шестью башнями. У одного из углов различаются места бывших ворот.

На южном обрыве поймы Майлису, восточнее дороги Пайток—Лугумбек, несколько древних городищ и селищ — площадок. К востоку от бугра Кандык-тепе фотографируем «классическое» по типу городище — тепе 1 тысячелетия до н. э. Отдельно стоящая на краю поймы «цитадель» увенчана теперь триангуляционной вышкой. Прямоугольный в плане шлейф поселения отделен от нее особым рвом.

Осматриваем пункты, давшие интересные археологические комплексы около двухтысячелетней давности. Для них особенно характерны ручки глиняных крышек в виде скульптурных изображений ушастых и носастых свиней. Их примитивно сделанные головы так походят на головки летучих мышей.

Посещаем и пункт находки бронзового котла у 152 пикета. Здесь через русло БФК пропускается вода пересекающего его арыка. Из-за этого строителям временно пришлось оставить земляную перемышку. Она позволяет нам зафиксировать четкую стратиграфию. Вот и место, где в земле находился «скифский» котел на глубине почти трех метров от поверхности. Пока Е. Н. Юдицкий фотографирует перемышку, я внимательно обследую ее. Чудесный разрез!

Почти по дну БФК прослеживается слой с остатками угля, в котором и находился котел. Чуть в стороне, но в том же культурном слое ясно проступает дно позднее продолженного в древности арыка. Когда его забросили, он был сильно заилен. А вот выше в слое болотной глины дно второго арыка, заполненное песком—мергелем. Оно приходится прямо под место, где в земле хранился котел. Археологический материал, выковыриваемый из разреза, позволяет мне тут же восстановить интересную историческую последовательность. Тысячи две с половиной лет назад здесь в землю был зарыт жертвенный котел. Несколько позднее, но в пору рабовладельческого общества, рядом вывели из Майлису магистральный арык. После некоторого периода эксплуатации его перестали чистить, он был заилен и заброшен. Почва кругом оказалась заболоченной. По-видимому, все это произошло в пору кризиса рабовладельческого общества. Затем в средние века заложили новое русло менее крупного арыка. Он тоже давно исчез и никак не прослеживается в микрорельефе современной поверхности.

Кто знает, не будь тут котла, не пропустили ли бы мы столь важное наблюдение! Оно для истории имеет большую ценность, чем сама интересная находка. Уже в нескольких местах за последнее время мы видели, что БФК прорезает остатки древних каналов, от которых на поверхности не осталось никаких признаков. А иногда они бывали очень значительными. Вот хотя бы на 16-м участке. Там у 114 пикета в обоих берегах БФК мы еще 14 августа отметили ясно читавшееся русло былого древнего канала до 8—10 метров в ширину. Левый берег его оказался для чего-то укреплен глубоко вбитыми деревянными сваями в 12—15 см диаметром. Они принадлежат растущим донныне в горах деревьям Тагин-теряка. И этот гигантский для своего времени канал был весь занесен пе-

ском и илом. Сверху же его целиком перекрывала лессовая толща от 0,5 до 1,0 м мощностью.

Но ни в одном из зарегистрированных экспедицией археологического надзора подобного рода наблюдений не было такой наглядности и такого удачного сочетания разных эпох, как у рассматриваемой нами перемышки близ Лугумбека!

Еще немного, и снова М. А. Ужegov мчит нас вдоль участков и баз 1-го отряда. Мало-помалу машина заполняется до отказа ящиками, хумами, крупными гончарными водопроводными трубами — кобурами. С кладбища 13-го участка коллектор Назарьев подкинул нам черепа. У него же мы захватили разную мелочь: сердоликовые бусы, бронзовые зеркала, глиняные пряслица, бронзовый средневековый кувшин—кумган, кучу медных монет—фельсов. И каждый раз, нагружая свою полутонну новой и новой кладью, мы бережно перекладываем и снова закрепляем «скифский котел». Всю дорогу при остановках до самой Ферганы нашу машину буквально облепляют любопытные: котел прельщает и детей и взрослых. Его осматривают, ощупывают, похлопывают. О нем говорят.

«Наше бронзовое чудо» — дают ему кличку сидящие в кузове сотрудники. И тут же на машине в коллективно сложенной на БФК экспедиционной песенке появляется и весело распевается по дороге на мотив «Мы едем, едем, едем»:

В круговращенье стройном
Козлы за солнцем шлн,
И скифы беспокойно
Им приношенья жгли.
Хоть «бронзовое чудо»
Ревниво лёсс скрывал,
Его и фельсов груды
Для нас открыл канал!

* * *

Конец августа.

Намеченные земляные работы на БФК быстро движутся к окончанию. 24-го числа 25 вагонов аммонала в Учкурганской степи на протяжении 850 м поднимают на высоту почти в 700 м гигантской стеной клубы пыли и

Триумфальное возвращение домой строителей БФК после успешного завершения работ.

земли. То огромнейший по величине и силе взрыв в несколько мгновений выворачивает до 100 000 кубических метров твердых конгломератов. До того от них много дней почти в бессилье со звоном отскакивали лучшие кетмени андижанцев и наманганцев и тупили свои зубья мощные экскаваторы.

Все чаще попадаются притихшие участки трассы. Тут не видно привычного движения людей. Только на дне канала стоят вдвоенные колхозные знамена. Значит, досрочно выполнив задание колхозники ушли на подмогу к соседям.

На трассе чуть не две тысячи артистов и музыкантов. Среди них — лучшие народные мастера. И все чаще следуют именные приглашения излюбленным артистам от колхозников, полностью завершивших свою работу. В темные звездные ночи законченные борты канала то в одном, то в другом месте усеяны, словно в античных цирках, доблестными кетменщиками. Они сидят амфитеатром в десятки рядов. И перед тысячами глаз собравшихся на

площадках, освещенных трепетным красным пламенем нефтяных факелов, выступает звонкоголосая Халима Насырова, маститый старый бубнист Уста Алим, зачинательница узбекского балета, талантливая танцовщица Тамара Ханум, уже вошедшая в славу Мукаррам Турғунбаева и новая восходящая звездочка Халима Рахимова. В восторге дорогие шелковые поясные платки колхозников вскидываются над головой и оказываются на сценической площадке у ног артистов.

Все чаще на дорогах встречаются обозы, с веселым оживлением движущиеся от трассы в разные стороны. То, свернув уютные лагеря, возвращаются по своим колхозам те, кто с честью справился с принятыми на себя обязательствами. В массе они собственно уже не совсем те, что еще недавно рвались на БФК. Они везут с собой не только бесчисленные премии, разнообразные закупленные товары. Кто-то из них подлечен на 42 временных медицинских пунктах, которые обслуживало до 700 врачей различных специальностей. Тысячи людей в часы дневных перерывов привели в порядок свои зубы и хвастливо скалят рты, показывая впервые в жизни поставленные коронки. Свыше пятидесяти тысяч колхозников прошли на БФК через полторы тысячи временных школ ликвидации неграмотности. И не одни только двести с лишним агитпунктов и до трех тысяч агитаторов, но и сам успех выполненной работы, большой народной стройки укрепили уверенность масс в своих силах и лишней раз наглядно показали преимущества и правоту нового, советского строя при руководящей роли партии.

На трассе уже нет тысячи с лишним чайхан и пятисот пекарен. К 1 сентября на большей части участков пройдены основные массивы культурных слоев. Сокращаю в значительной мере коллекторский надзор, сохраняя его лишь на отдельных пунктах 1-го отряда. Студенческая молодежь оказалась на высоте. Многим было нелегко. Кто-то переболел. Но почти все прекрасно справлялись со своим делом, захваченные массовым трудовым подъемом. Болели — но не выходили из строя. Уставали — но не падали духом.

«После вашего отъезда, Михаил Евгеньевич, — читаю я в донесении коллектора 12 участка Юрия Назарьева, — я заболел попатачем. Трепал меня здорово. Но я все-таки не сдался, хотя температура временами доходила до 41°.

Врач хотел меня отправить в Андижан, но это ему не удалось. Каждый раз я убегал на трассу. Там меня ищи — свищи, а след простыл.

В данный момент чувствую себя бодро...

А самое главное — я очень жизнерадостен: ведь такая интересная экспедиция! Наверно, многие мечтали бы попасть на такое замечательное строительство, как мы, участники!»

Коллекторы археологического надзора разъезжаются, увозя с БФК зарядку неподдельного энтузиазма. Им они горели все дни пребывания на трассе. В поле оставляю старших сотрудников, фотографа Е. Н. Юдицкого, топографа Кобанову и трех коллекторов. Экспедиция постепенно почти целиком переключается на второй этап своей деятельности: маршрутные разведки прилежащих к трассе районов.

Попутно приходится выполнять и многое другое.

В самом разгаре работ из Франции через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей поступает запрос о состоянии могилы французского исследователя стран Центральной Азии XIX в. Мартена. Выехав из Китая, он в конце своего путешествия тяжело захворал в Кашгаре, был привезен больным в Фергану (тогдашний Новый Маргилан) и скончался там в доме русского губернатора в 1892 году, окруженный самым внимательным уходом. Теперь, почти полвека спустя, его родной город проявляет интерес к месту упокоения своего уроженца. Собираю опросные сведения о последних днях Мартена у оставшихся еще в живых старожилов. С их помощью отыскиваю на старом кладбище его могилу. Она в неприкосновенности. Совершенно цел добротный, увенчанный крестом каменный надгробный памятник. Полностью сохранилась скромная эпитафия, высеченная на французском языке. Организую фотографирование могилы Мартена. Передаю заключение и отпечатки в Комитет Наук УзССР для отправки по назначению. Сам возвращаюсь на трассу для продолжения прерванного объезда участков.

С последней почтой из Ташкента получаю извещение о решении бухарского горисполкома разобрать в Бухаре купольный базарный пассаж Так-и-саррафон. Он выстроил из жженого кирпича в XVI веке и прекрасно сохранился до наших дней. Надо спасти ценный памятник местной гражданской архитектуры. Кстати, на БФК поч-

ти все члены правительства УзССР. Решаю идти прямо к председателю ЦИКа товарищу Ахунбабаеву. Ночью строчу докладную записку о Так-и-саррафон и протест против его разрушения. Напоминаю Ахунбабаеву, как однажды, в середине двадцатых годов, он уже помог нам сохранить в Самарканде аналогичный, но более поздний памятник XVIII столетия Чарсу на Регистане. Под предлогом, что тот якобы мешает уличному движению, его в ту пору тоже собирались разобрать по решению самаркандского горсовета. Сам опытный арбакеш в прошлом, председатель ЦИКа разъяснил на заседании, как надо проводить арбы в трудном месте, и решительно отклонил ходатайство тогдашних малокультурных заправил городского хозяйства.

На другое утро добиваюсь в Фергане встречи с Ахунбабаевым. Горячо отстаиваю перед ним неприкосновенность состоящего на государственной охране Так-и-саррафон. Вручаю ему свой письменный протест. Короткая резолюция «всеузбекского старосты» и на этот раз отвела нависшую было угрозу.

Кого только нет на БФК! Без преувеличения, люди почти всех специальностей и профессий приняли то или иное участие в его строительстве. В их числе советские писатели. Автор многих произведений из жизни Средней Азии Мстиславский возглавляет приехавшую на трассу смешанную бригаду из двенадцати писателей иных национальностей. Намечено составление двух художественно-литературных сборников, посвященных народной стройке БФК. Одного — для взрослых, другого — для детей. После двух моих встреч с Мстиславским в коллектив авторов включают и меня.

В Ферганской долине работает прибывший из Ташкента этнограф Антонина Константиновна Писарчик. Случайно сталкиваюсь с ней на улице при проезде через Маргилан. Энергичная исследовательница упорно выискивает всевозможный материал и собирает опросные сведения у стариков по архитектуре местного жилья. Стоя у нашего автомобиля, она с искренним вдохновением говорит, что в Маргилане ей удалось отыскать изумительную михманхану некоего Тишабая. Ему сейчас лет восемьдесят. Михманхану делала еще для его деда в начале XIX столетия. Сейчас ее расписной потолок ради строевого леса у старика покупает один колхоз. Сделка не состоялась.

Идет торговля. Владелец требует за него 1.100 рублей — колхоз дает тысячу. Антонина Константиновна тут же увлекает меня осмотреть «свое открытие». Несколько поворотов по кривым переулкам. Проходим через какие-то участки. Попадаем во двор со скромными саковыми постройками, оштукатуренными снаружи глиной. Вот и ничем не замечательная снаружи михманхана. Входим через старенькую поношенную двухстворчатую резную дверь. Средних размеров комната перекрыта одиннадцатью балками. Старые краски чуть облупились. Но в целом изящная роспись парадного потолка великолепна. Это — уник! Это большая художественная ценность! Ее необходимо уберечь во что бы то ни стало от готовящейся ей участи! Волнение Антонины Константиновны передается и мне. Тут же сочиняю решительный текст телеграммы директору Ташкентского художественного музея Владимиру Александровичу Афанасьеву. Настаиваю на приобретении потолка и немедленной высылке для его покупки, разборки, упаковки и отправки в Ташкент 3 000 рублей.

Через два дня телеграф приносит с нетерпением ожидающийся ответ: испрашиваемые три тысячи рублей переведены на имя А. К. Писарчик.

И подобные привходящие события неожиданно вклиниваются в кипучие дни полевой деятельности экспедиции археологического надзора. Они осложняют, но ни в чем никогда не прерывают выполнение намеченного плана.

* * *

Одной из задач экспедиции является выявление и регистрация памятников местной архитектуры. Особый упор делаем на здания XVIII—XIX столетий, которыми до сих пор никто не занимался. С этой целью в основном и была создана архитектурная группа Абиды Зайнутдинова. Вместе с тем, предварительный учет таких объектов ведется всеми отрядами. Чаще всего это мечети и мавзолеи. Разумеется, внимание уделяется наиболее выдающимся. А. Зайнутдинов выполняет с них планы. Е. Н. Юдицкий снимает фотографии общих видов, деталей изумительных по выполнению росписей потолков. Археологи разбирают надписи, прочитывают даты построек, ремонтов и имена былых мастеров: Суяркула, строителя джиядханы при мазаре Падша-пир, Хусунходжа Кари, расписывавшего потолок мечети в Рамазаре и др.

Годы революции подорвали влияние реакционного ислама. Большинство мазаров, в былое время считавшихся святынями, заброшены. Целительным их свойствам перестают верить. Молодое поколение к ним равнодушно. Здания не ремонтируются и ветшают. При них нет шейхов и вообще не видно живой души. Пустуют даже еще недавно популярные «Муймубареки» («благословенные волосы»), где якобы хранились волосы самого пророка Мухаммеда. Лишь на глухой окраине оазиса в Кокандском районе в одном мазаре поддерживается чистота и чувствуется уход. Но за этим там следят три старухи. Да в песках пустыни к востоку от кишлака Урганчи среди руин целого комплекса зданий некогда популярного мазара Буам мы находим единственного их обитателя — юродивого-дивана. Нас больше поражают здесь невиданные размеры деревьев в рощице вообще небольших тополей — туранга. Измеряю ствол одного из них на высоте метра. Он имеет 3,2 метра!

На Ак-тепе близ Авала мне встречается угрюмый запущенный мазар. Неподалеку на склоне городища явно почитаемый наиболее отсталой частью населения камень. Подле него до четырех десятков примитивных тряпичных кукол. Среди них немало голубых, связанных с коклюшем-кокютадь («голубой кашель»). Это магические приношения. Они имитируют детей. У камня — жирная копоть, следы возжиганий. В щелях скалы — засунутые туда советского чекана монетки. Сколько ни спрашиваю окрестных людей, как называется мазар, с чем связан культ камня — все отмалчиваются или отвечают незнанием. Видно, что стесняются пережиточных предрассудков. Только один средних лет дехканин, отмахнувшись рукой, нехотя говорит: «Это все делают старухи».

Обход мазаров нам немало дает интересного, особенно когда они находятся вблизи старинного городища или на нем самом. На мазаре Ходжа-Мат-Вали в районе к северу от Коканда встречен бронзовый светильник-чираг XI—XII вв. Он стоит на ножках. У него два носика для фитилей и на круглой ручке укреплен скульптурный фигурка птички. На самом кладбище масса черепков средневековой и более древней керамики. В том же районе в зиарат-хане при мазаре Бувейды лежит надгробная галька-кайрак с именем шейха-имам Сулеймана бен Дауда, умершего, по надписи, на грани XII—XIII вв. В селенье Чадак у одного

из мазаров оказывается три средневековых кайрака. Одна из галек покрыта лишь высеченным растительным орнаментом. В таджикском селенье Ашт, к северу от Сырдарьи, внутри невзрачного мазара Аштсахоби архитектурная группа делает неожиданное открытие. Оказывается, тут стоит интереснейший уникальный резной средневековый глиняный михраб. Почти наверняка он уцелел от средневекового вагизийского городка Ашт, положение которого доныне оставалось неясным. Специальные же розыски motivated известного уроженца Риштана и автора юридического труда «Хидаи» XII в. приводят к не менее интересным данным. Сам современный мазар «Сахиби Хидоя» — сооружение молодое. Но около него и на прилежащем кладбище немало продолговатых и квадратных кирпичей XI в. и позднее. Встречаем и фрагменты средневековой керамики. Местное предание утверждает, что именно здесь, в 1,5 км к северо-востоку от центра современного Риштана, за кварталом кулялей находился одноименный городок. Его упоминают арабские авторы X в. В XII столетии он считался уже селением в окрестностях Маргилана. По записанной экспедицией со слов стариков легенда, старый Риштан погиб от падавшего с неба дождя змей. Невольно вспоминаются следы культа змей в ряде таджикских селений. Хочется поставить в связь с этим и старую находку близ Ферганского селения Сох на глубине 2 метров — вырезанного из черного камня древнего изображения двух спаренных змей. Их туловища покрыты опустевшими гнездами от выковыренных самоцветов.

С включением в состав нашей экспедиции А. К. Писарчик наши исследования пополняются массой новых собранных ею опросных и археологических данных об архитектуре и былой планировке таких крупных городов, как Андижан, Коканд, Старый Маргилан. Впервые поднимается их историческая топография. Выясняется, где проходили городские стены и где были места ворот. Для этого она повсюду мобилизует стариков. Один из них, усто Юсуп Али Мухаммед сам архитектор-мемор, передает три куска терракотовых штампованных плиток. Он встретил их в молодости на глубине трех метров, когда реставрировал медресе в Андижане. Куски принадлежат облицовочным плиткам конца XIII — начала XIV вв. Факт очень любопытный. По письменным источникам, Андижан был отстроен по воле монгольских властителей Хайду и Ду-

вы в конце XIII в. В наши руки попадают хранившиеся в земле первые вещественные документы этой эпохи.

Песчаная пустыня в самом центре Ферганской долины с крупными сыпучими барханами влечет всех нас к себе. Еще в старой краеведческой литературе были намеки на погребенные песками городище Бисттахт («20 тронов») северо-западнее Маргилана. По словам населения, тамошний царь некогда управлял двадцатью владетелями. Из-за землетрясения будто бы изменила свое течение река Коксу, Бисттахт остался без воды, и его руины засыпали пески. В 1919 году мне самому пришлось слышать от бывших учащихся кокандского коммерческого училища, что они бывали на этом городище и видали там много черепков битой посуды. В одном месте они расчистили встретившееся в земле отверстие, пролезли в него и попали в какое-то темное помещение со скелетом человека. Около него было оружие и кувшин. Ребята чего-то испугались, бросились наутек и по дороге впопыхах разбили захваченный сосуд.

Наши отряды за все время пребывания на трассе собирают по заданию сведения о засыпанных песками городищах. Колхозники охотно удовлетворяют нашу любознательность. Их самих влечет к себе какая-то таинственность в неразгаданной причине гибели былых населенных пунктов. Они называют их руины терминами Шахр-и-бербер или Шахри Хайбер. При всяком удобном случае делаю на машине крюк, чтобы осмотреть загадочные урочища с таким именем. При проезде из Шамирза-тепе круговой дорогой на 18-й участок в селении Янги, за кишлаком Акбарабад осматриваю гряды песка. Они напоминают городище. Над одной возвышается засыпанное дерево — это усиливает сходство. Может быть, и действительно тут пески занесли древнее тепе. Без раскопок этого не решить. Как-то из Сертута ездили на неподалеку расположенное урочище Шахри-бербер или Найманча. Оказалось, что здесь естественные бугры, которые население принимает за следы бывшего города. Про несомненные развалины поселения Шахри-бербер, что южнее Рафкана в Дашт-махалля, население говорит, что оно погибло от затопления.

Но вот наступает пора маршрутных исследований. В северных кокандских районах третьим отрядом обследуется в пустыне урочище Михчагар. Тут два искусственных бугра — Мунчак-тепе и Тешик-тепе. Оба подвергаются выветриванию. Видны следы арыков, валов, — может быть,

от дамб. В местах, где развеван культурный слой, обилье черепков красной, черной и процарапанной «даванской» керамики. Кругом песок. Здесь в барханах местные жители приезжают принимать песочные ванны. За валом, к северу от Муичак-тепе, в сторону центра пустыни встречено несколько древних кремневых изделий. Одно из них — изящный скребок.

Не менее интересен район станции железной дороги Урганчи. Тут три одновременные тепе. Археологический материал в основном эпохи, непосредственно предшествующей арабскому завоеванию. Кругом пески, уже в значительной мере покрытые пустынной растительностью. В местах выдувания встречены синяя стеклянная бусинка, медная вогнутая монетка поры кризиса рабовладельческого общества. Неподалеку мавзолей Бастам-баба. В нем два купола и портал. Сооружение не ранее XIX в., но уже почти наполовину со всех сторон засыпано песком. Сюда тоже приезжают принимать песочные ванны. Люди тут исстари ценят целительные свойства песка и боятся его враждебной стихийной силы, заносающей их жилища и погребавшей навсегда своим рыхлым тяжелым покровом культурные участки. В таком противоречии в глубокой древности зарождается культ духа песчаной пустыни. И как его пережиток, высится здесь другой, тоже порталый и тоже двухкупольный мазар Абу Тураба («отца Песков»). К прозвищу древнего духа мусульманское духовенство добавило исламизирующий его сан «ходжа». Городище в окрестностях этого мазара усеяно черепками IX—XII и XV—XVI вв. Археологи на поверхности подбирают четыре плоских медных монеты.

Но это все окраина песков. А что же представляют собой городища, оказавшиеся теперь среди пустыни? Какие даты даст археологический материал с них? Где находится полутаинственный Бисттахт?

Опрос дает малонадежные показания. Жители сейчас не знают кишлака Каракалпак, севернее которого якобы были руины разыскиваемого нами городища. Полагают, что название ошибочно передает наименование существующего и поныне селения Каракальтак. В пограничной с песками полосе Маргиланского района нас уверяют, что Бисттахт соответствует находящемуся среди песков Пстак-тепе.

Едем туда. С трудом добираемся до одного недавнего выселка. Новоселы, приступившие к освоению песков, ука-

зывают нам направление, куда двинуться дальше. Я иду впереди. За мной на разных, все возрастающих интервалах вытягиваются В. Д. Жуков, М. М. Кобанова, Е. Н. Юдицкий, И. П. Бердников. Идти тяжело, ноги глубоко вязнут в песке. Пстак-тепе кажется отступающим от нас все дальше и дальше. С трудом добираемся до него. Убеждаемся, что это просто заросший бархан. Может быть, под ним и погребены какие-нибудь археологические остатки, но снаружи этого не видно. Разочарованные возвращаемся к машине. Досаду на впустую затраченные часы срываем на плоховатеньких дыньках, возвращенных здесь на песках. Они малы, чуть больше крупного огурца, тверды и несладки. И все-таки это, конечно, достижение.

Разделяющие наше огорчение поселенцы указывают нам другое Пстак-тепе в новом направлении. Побывали и там с тем же результатом.

На обратном пути поздним вечером нам попадает старый охотник-мергель. Он много бродил на своем веку. Да, он знает Бисттахт. Это далеко отсюда. Туда нет ни дорог, ни тропинок. Кругом пески. Добраться можно или пешком, или верхом. Надо взять с собой побольше воды. Он берется проводить нас на городище. Черепков, костей и угля там очень много.

Поздно. Мы и так потеряли один день. Приходится отказаться от мысли на этот раз попасть на Бисттахт.

Его отчасти компенсирует Шур-тепе. Его называют также Каламишь-тепе. Охотник утверждает, что на нем такие же черепки, как на Бисттахте.

Тот же район к северу от Маргилана. Те же пески. И среди них подлинное городище Шур-тепе. Мы носимся по нему во все стороны. Оно небольшое для города и скорее принадлежит крупному селению. Вот кое-где и следы древнего магистрального канала. Но самое важное — единообразный археологический материал с поверхности. Он принадлежит комплексу оседлой культуры кушано-кангюйского времени. Особенно характерна тонкостенная керамика типа хорошо известной нам утвари из культурных слоев Термеза и Самарканда поры расцвета рабовладельческого общества.

И установленные факты прекрасно увязываются со всей совокупностью отдельных наблюдений, сделанных во время экспедиции археологического надзора на БФК.

Площадь современной Ферганской песчаной пустыни

явно прежде была обжита в значительно большей степени, чем в настоящее время. В пору рабовладельческого общества на ее месте в ряде пунктов были оседлые поселения, и туда поступала по каналам вода. Во время кризиса рабовладельческой формации ирригационная система пришла в упадок. В средней ее части это заиливание русел вызвало заболачивание прилегающих участков. В нижней — обезвоживание, наступление песков и запустение. И счастливые установлением еще одной исторической закономерности, мы торопимся в селение Каратепе («Черный бугор»). Там надо срочно зафиксировать на глазах исчезающий памятник. Деда помнят, что тепе в их новом тогда кишлаке имело площадь до одного гектара. Различались и места двоих ворот. А теперь еще немного времени спустя — и от подлинного усиленно разбираемого на поля городища-тепе ничего не останется. Сохранившееся же исследование через несколько лет натолкнет, быть может, исследователей на неверные отождествления и название перенесут на кладбищенский бугор. А кто знает — сколько уже исчезло в течение столетий таким образом древних и средневековых городищ, оказавшихся в середине современных крупных ферганских селений?

Трасса БФК пустеет все больше и больше. Каждый день с нее снимаются задержавшиеся колхозы, довыполнившие последние проценты своих заданий. И когда мы выезжаем из Ферганы в короткий объездной маршрут, навстречу нам движется парадный обоз возвращающихся ферганских колхозников. Среди них у нас теперь много знакомых.

«Каирга?» (Куда?) — кричат нам с арб.

«Араванга», — несется из кузова им в ответ.

Не без труда выкроили мы в своем жестком расписании работ три дня на эту поездку, которая так интересует и меня и Т. Г. Оболдуеву, и В. Д. Жукова. Нас влекут не изучавшиеся еще специалистами наскальные рисунки в Араване и в горах Айримачтау близ Оша. Про Араван известно, что там есть изображение якобы от упавшей на скалу тени легендарной лошади Дульдудуя, на которой летал в Мекку пророк Али. Про изображения урочища Сураташ близ Оша я знаю только по рукописной работе одного школьного краеведческого кружка 1927 года.

Машина проносится через поселок Мархамат, в прошлом — селение Минтюбе или Минг-тепе. Здесь был

центр так называемого движения Минтюбинского ишана. Он попытался в конце прошлого столетия поднять трудящихся Ферганы против колониального гнета царской России. Ненадолго задерживаемся для осмотра городища Минг-тепе. Оно обнесено прямоугольником ороливших стен из пахсы и продолговатых кирпичей. Протяжение валов около 1000×550 шагов. По длинным сторонам остатки 19 башен, считая с угловыми. По коротким — 13 башен, без угловых бурдж. На площади городища немало каменных зернотерок и керамики времени, предшествующего арабскому завоеванию. Жители не помнят, чтобы здесь находили при земляных работах монеты.

К Аравану подъезжаем на закате солнца. Чудесные горные места! Богатейшие пастбища! Много воды. Свежая зелень. Легко верить, что именно здесь в сочетании с такими географическими условиями труд нескольких поколений людей и мог увенчаться успехом в выведении прославленной в древности породы «даванских лошадей». Делюсь своими соображениями с сидящими в кузове. Мне кажется, что Араван-сай и есть река Урест арабских географов. А средневековая область Урест между Кубой и Ошем — это, наверное, современная долина Аравана. Упомянутые же Птоломеем аристеи, жившие, по его сведениям, где-то по верхнему течению Сырдарьи, вероятно, обитали и здесь. Едва ли их имя и наименование средневековой области Урест не одного корня.

Машина останавливается в центре селения. Начинаем расспросы об урочище «Дульдуду-ата». Нам везет. Подоспевший к нашему грузовику инструктор райкома Дехкан Баратов, местный житель, хорошо знает разыскиваемый нами пункт. Дом его отца был как раз над скалой с изображением лошади. Сам Дехкан мальчиком излазил скалы во всех направлениях и обещает нам показать не только одно почитавшееся изображение.

Тут же забираем его в машину и едем на восточную окраину селения. По дороге узнаем, что до знаменитой Араванской пещеры очень далеко. Чтобы попасть в нее, надо затратить не менее суток. Такого свободного времени у нас нет. Баратов утешает, что взамен покажет небольшую пещеру, где жители прятались в 1916 году и в первые годы революции в пору басмачества.

«Дульдуду-ата», — показывает он с дороги рукой на одну скалу, но велит ехать дальше.

Проезжаем еще метров 300. Здесь наш проводник предлагает нам выйти из машины.

Идем за ним. Оборачиваемся время от времени назад.

В расстилающейся долине видны четыре больших тепе. Прямо перед нами крутая 15—20 метровая стена скал. И на ней разбросаны в разных местах, и несомненно разновремененно появившиеся здесь, высеченные рисунки.

Вот фигура в профиль идущего вправо барса с загнутым пушистым хвостом. Изящный уверенный контур рисунка с показом одной передней и одной задней ноги говорит, что творцом его был древний художник-охотник. А вот более крупное и более позднее изображение свиньи с четырьмя ногами и с заштрихованным туловищем. Очень хороши силуэтные изображения лошадей. Одно как будто воспроизводит тип дикой лошади, близкой к открытой Пржевальским. Другие копируют породистых статных домашних лошадей. Длинношее, длинноногие, с коротким туловищем и кудрым хвостом. Кто они? Взрослые особи — и тогда скаковые аргамаки? Или просто жеребята, которым в раннем возрасте присущи эти признаки у всех пород?

«Ко мне!» — радостно зываю я через несколько минут пристального осмотра скал.

Высоко наверху на темно-серой поверхности отвесной скалы проступает крупный силуэт коня. Именно взрослого коня, производителя, с подчеркнутым половым признаком. Во всем остальном тот же облик, что и у других рисунков. Сомнений нет: перед нами рисунки скаковых аргамаков, близких к туркменским. Такой породы теперь в Фергане не существует. Наскальные изображения сделаны по крайней мере в I тысячелетии до н. э. Перед нами первое опознанное изображение воспетых китайскими летописями даванских коней «небесной породы». Это они вождеденно привлекали сюда во II в до н. э. китайские войска полководца Ли Гуан-ли. Это ими платила Фергана дань Китаю.

Сбежавшиеся сотрудники обрадованы не менее, чем я. Т. Г. Оболдуева и Е. Н. Юдицкий тут же пробуют «взять в лоб» скалу и приблизиться к изображению. Это нелегко. Откладываем снятие фото и эстампажей до завтра.

Движемся дальше. Вот и сама скала «Дульдуй-ата». Кругом развалины мечети и других построек, связанных с древним культом этого места. Из скалы бьет источник.

Наверху ясно проступают силуэты крупной кобылы и маленького жеребенка. Над ними глазастый шофер М. А. Ужегов усматривает изображения двух идущих влево горных козлов. Е. Н. Юдицкий не без риска свалиться тысяча ладоней и ног поверхности скалы до самих рисунков.

«Тут три козленка и какой-то круг!» — доносится до нас сверху его веселый голос.

Темнеет. В сгущающихся сумерках едва проступают следы букв каких-то надписей. Разобрать их уже нельзя. На сегодня достаточно. Поздравляю всех с успешным началом и увожу на ночевку в ближайшую придорожную чайхану.

Утром разбираю высеченные арабскими буквами надписи. Они все молодые. Это «увекочили» себя разные лица, побывавшие у мазара «Отца Дульдуй-ата» — духа покровителя и исцелителя лошадей. Его древний культ тут был, видимо, до недавнего времени весьма популярен. Об этом говорят высеченные позднейшие примитивные фигурки коней с показом четырех ног. На это намекает обожженная чирагами — светильниками кора у большого карагача и некоторые прокопченные камни скалы. Мазар полузаброшен. Кто-то из стариков верит в его чудодейственную силу излечивать разные болезни лошадей. Недалеко поросль молодого карагача стоит увешанная вотивными тряпочками.

Проходят часы. На скале «Дульдуй-ата» археологи открывают еще одно парное, чуть заметное, более древнее изображение кобылы с жеребенком. Над силуэтом коня-производителя при снятии эстампажа обнаруживаются контуры второй, более крупной лошади. Все заэстампировано, заснято, зарисовано, записано.

Мы едем дальше в Ош.

Добираемся туда к вечеру. Огромный массив горы Тахти Сулейман (Трон Соломона) уже давно скрывает лучи заходящего солнца от нас, занятых обследованнем восточного склона. Осматриваем кладбище. Обнаруживаем остатки здания XII века с фигурной выкладкой из жженных кирпичиков и разных плиток. Подбираем несколько интересных резных исполненных облицовочных кирпичей примерно того же времени. Делаем попытку отыскать высеченную на скале надпись 940/1 года с именем саманида Насра, чтобы сфотографировать ее и полностью про-

Намогильная галька — кайрак с датой зуль-хиджа
741 г. х. (лето 1341 г. н. э.).

Урочище Сурат-таш в горах Айримачтау с на-
скальными изображениями.

читать текст. Говорят, будто она скрыта теперь стеной вплотную пристроенного сарая. Зато нам попадаются поздние наскальные линейные рисунки, изображающие козлов с четырьмя прямыми ногами-палочками и с парой рогов. После долгих поисков обнаруживаем в сарае Ошского педагогического училища три огромные намогильные кайрака. По прочитанным мной датам в эпитафиях, все эти памятники датируются серединой и концом XIV века. Куда делись кайраки XII—XIII веков, привезенные в Ош еще в конце прошлого столетия с кладбища «асхабов» близ селения Наутак, выяснить не удастся. Опрашиваем стариков обо всем, что связано с культом Тахти Сулеймана и места пребывания пророка Хызра («Кадамджой Хазрети Хызр»). По мере своих знаний они стараются удовлетворить нас. Но ни один из местных старожилов ничего не может нам сказать о наскальных изображениях в горах Айримачтау. Им известны лишь рисунки «Дульдуй-ата».

Наутро приходится положиться только на имеющиеся у меня сведения с 1927 года школьника Ажгирея. Они оказываются достаточно точными. Мальчик точно записал в свою тетрадочку направление к СЗ от нового города Оша, расстояние в 9 км, приложил схематическую карточку дороги на двух листах, и мы по этим данным добрались прямо до нужного места. У подножья нас окончательно ориентирует встретившийся пастух — чабан. М. А. Ужegov уверенно ведет машину на горы. Она сотрясается, дрожит, но цепляется, карабкается и останавливается почти на вершине у отвесных скал.

Мы спрыгиваем с грузовика и рассыпаемся между расщелинами скал. То один, то другой из нас громким голосом извещает остальных об обнаружении новых и новых рисунков.

«Да их тут целый табун, древних скаковых лошадей-то!» — изумляется наш шофер.

И это отчасти правда. Преобладающее количество рисунков дает изображение уже знакомых нам по Аравану стройных даванских аргамаков. Их много. Они довольно крупны. Силуэты их повернуты то в одну, то в другую сторону. Нет ни одной оседланной лошади. Они все одиночные. Только перед мордой одной из них высечена, но не в масштабе и, видимо, позднее, человеческая фигурка с расставленными ногами. Одна рука ее согнута в локте и протянута вверх к морде лошади. Другая, тоже приподнятая, опирается на отставленное в сторону длинное древко. На голове показан характерный древний среднеазиатский «трехрогий» головной убор.

Многие изображения затянуты в нижних частях короткой из известковых натеков — лишней показатель большой древности рисунков. Вошедшие в азарт розыска новых и новых изображений, участники экспедиции уже «пресытились» лошадьми. Они ищут чего-нибудь другого.

И им «везет». Один кричит, что нашел козлов. Другой зовет меня осмотреть какие-то непонятные фигуры. Е. Н. Юдицкий с риском загубить аппарат примащивается в весьма неудобных позах часто на самом краю скалистого уступа и без усталости фотографирует.

А хуже всех видящая, страшно близорукая Т. Г. Оболдуева открывает в исключительно труднодоступном месте на большой высоте не отмеченное Ажгиреем крупное изображение оленя. Животное представлено в несущейся беш-

ным скачем позе. У него закинута за спину ветвистые рога, ноги показаны напряженно подогнутыми в момент прыжка под брюхом.

Мы все поражены интересной находкой и силой экспрессии древнего художника. А Татьяна Григорьевна уже карабкается к изображению снимать с него эстампаж. У нее все время соскакивает с переносицы пенсне. Тапочки скользят с чуть заметных выступов. Я безуспешно пытаюсь протестовать против рискованного предприятия. Сам лезу за ней. Кое-как примащиваюсь чуть ниже и держу отчаянную женщину-археолога за ее широкие спецовочные штаны. Для порядка ворчу — однако сам в душе одобряю свою сотрудницу. А предательский ветер с Памира ежеминутно треплет наложенный лист бумаги. От напряжения начинают дрожать немеющие ноги. Но прерывать эстампирование нельзя. И, стараясь не глядеть вниз, прильнув как можно ближе к отвесной скале, перекидываясь время от времени разными мыслями, мы проводим так над обрывом больше получаса.

О, какими долгими показались эти минуты. С каким облегчением спустились мы к уже закончившим работу В. Д. Жукову и Е. Н. Юдицкому! И как быстро поглотили полевой завтрак на самом гребне урочища Сура-таш. Широкие просторы во все стороны, чудесный воздух, запах горной растительности, удовлетворение сделанным — все вместе взятое пробуждает неплохой аппетит у моих сотрудников.

Запитый горячим чаем из термосов, полевой завтрак быстро подходит к концу. А через полчаса мы уже вынуждены оборачиваться назад, чтобы видеть покидаемые нами, все дальше к горизонту отходящие горы Айримачтау.

* * *

Последние дни сентября. Законченное русло БФК надвое перерезает огромным рвом Ферганскую долину. На трассе почти нет колхозников. Кое-где идут дополнительные работы, связанные уже с техническими сооружениями. В присутствии Т. Г. Оболдуевой на 2-м участке разбирается «перемычка» под руслом пересекающего БФК арыка. 22 утром в Фергане на базе получаем от нее по почте донесение: «Прибыла вовремя; перемычку начали разби-

рать и дошли до погребений. Горшки полезли кучами: 7 ящичков сегодня отправили в Ташкент. Черепа в неважном состоянии. Керамический комплекс в порядке. При нем монета с квадратной дырочкой. Если это так, — то получаем еще одну дату для культуры Ф—II».

К ночи Татьяна Григорьевна сама пребывает в Фергану. Показывает интригующую монету. Она представлена двумя кусками древнего литого из меди монетного кружка китайского типа. Знаки имеются лишь на одной стороне. Без очистки их разобрать нельзя.

От группы А. Зайнутдинова поступает донесение о результатах последнего проделанного маршрута по правому берегу Сырдарьи от Чуста до Ходженда. В числе многих открытий — обнаружение развалин средневекового города Пап (в арабской транскрипции Баб).

И. П. Бердников докладывает о сдаче на станцию железной дороги Горчаково последней большой партии ящичков с археологическими находками весом в 930 кг. В общей сложности по железной дороге с БФК уже отправлено около двух с половиной тонн отборного археологического материала.

На дворе давно темно. Велю всем ложиться спать. Сам сажусь за составление для газеты прощального обращения ко всем строителям БФК с благодарностью за оказанное археологическому надзору содействие в его работе.

28 сентября. Бодрящий утренний ветерок застаёт нас за свертыванием нашей основной уютной базы в тенистом дворике Ферганского музея. Вода быстро текущего арыка кажется сегодня особенно свежей. Единственного остающегося на БФК нашего коллектора Назарьева отправляю на 12-й участок для сбора черепов и костного материала, который будет поступать при дополнительных земляных работах на территории старого кладбища. Исколесив Фергану в прилежащих к БФК районах, повидав десятки давнских городищ и развалин средневековых городов, я, В. Д. Жуков и Т. Г. Оболдуева едем в последний рейс, чтобы посетить руины двух былых Ферганских столиц: Касана и Ахсыкента.

М. А. Ужёгов ведет машину на Наманган. Мелькают дувалы старых кишлаков и парадные центры богатых колхозов с пышными цветниками, новенькими клумбами, зданиями правлений, школ, больниц. Проскакиваем Калябдское кладбище с порталным намогильным сооруже-

нием из жженого кирпича. Еще немного, и наш грузовик несется по обширной Язаванской степи. Нет-нет и из ближайших к дороге кустов вырвется с громким хлопаньем крыльев испугнутый нами фазан.

В приволье Язаванской степи фазаны сильно размножились и стали появляться даже под Ферганой, их берегут. Еще лет сорок назад здесь не было этих птиц. Их развело Ферганское охотничье общество.

Но вот мы промчались и через Язаванскую степь. Еще немного, и уже позади Сыдарья, Наманган, Тюря Курган. Машина мчит нас на север по широкой горной долине Касан-сая. Регистрируем видимые нам то справа, то слева от дороги тепе. Некоторые из них обрыты. Когда мы проезжаем через центр нынешнего Касана, счетчик показывает, что машина с утра сделала 112 км.

Еще полтора километра — и перед нами высятся низбегающие по склону гор эффектные руины древнего Касана, расположенные на левом берегу сая. Население именует их Мугтепе или Мугкала — «крепость мугов» (или магов), легендарных великанов, якобы живших тут во времена «неверных», то есть до арабского завоевания. На городище и в его окрестностях валяются крупные ископаемые устрицы мелового моря — грифеи. Местные жители считают их за остатки ногтей мугов — «мугтыртак». По поверью, после распространения в Фергане ислама муги в бессильном отчаянии царапали землю ногтями до того, что те отскочили и окаменели.

Перед Мугтепе нам попадаются два старинные ямные погребения. Зачерчиваем устройство могил. Они почти вертикальные. Спускные отверстия в своде кровли заложены комьями земли — гуваляками. Внимательное изучение развалин городища за поздним временем перенесли на следующий день.

29 августа с утра осматриваем всю площадь руин старого Касана. Прежние планы их, безусловно, не очень точно передают его сложную конфигурацию. Делаю заново глазомерную съемку. Обследую высоко расположенную цитадель — кухендиз, ее мощные прямоугольные в плане башни, остатки стен, защищавших спуск к воде, наконец, нижнее городище у обрывистой поймы горного сая. Нигде не обнаруживаем убедительных археологических материалов, которые бы подтверждали существующее в науке предположение, будто именно здесь была столица Ферганы,

Гуйшань, еще во II в. до н. э. Кладка стен попеременно из одного ряда пахсы и нескольких рядов продолговатых кирпичей, самый их размер, встреченный на поверхности подъемный археологический материал — все говорит лишь за то, что здесь порой расцвела были в основном VII—VIII вв. В то время, по данным арабских авторов, Касан был столицей местных ферганских царьков. На площади кухендиза нам попадаются в ограниченном количестве фрагменты керамики XVII—XVIII вв., а на территории городища мы встречаем кое-где средневековые продолговатые кирпичи, фрагменты ртутных сосудиков — симокбузача и глазурированную керамику XI—XII вв. Но после арабского завоевания жизнь в Касане, как видно, концентрировалась главным образом ниже по течению, уже на месте нынешнего селения.

На этом кончаем ознакомление с руинами Мугкала и едем к развалинам Ахсыкента.

Вечером мы уже осматриваем эту средневековую ферганскую столицу, заместившую в IX в. Касан. Арабский географ Ибн Хордадбех именует Ахсыкент Ферганой. По его словам, город построил Ануширван, переселив туда жителей из разных мест. За пестроту населения и назвал его якобы «Аз-хар-хане» («из каждого дома»). Позднее это название перешло при произношении в Фергана. Это, конечно, надуманная народная этимология. В действительности, как установил профессор М. С. Андреев, Фергана — арабизированный древнетаджикский термин «паргана». Он обозначает долину, окруженную со всех сторон горами и имеющую только один проход, через который в нее можно проникнуть.

Ахсыкентом уже занимались. Опубликовано и схематический план развалин. Наша задача — на основании конкретных археологических наблюдений внести новое в понимание истории и исторической топографии города.

Сперва все трое взбираемся на высокий массив бывшей цитадели. Открывается широкий вид на долину Сырдарьи и особенно на ее расстилающийся у ног низкий берег. Современное селение Ахсы находится отсюда чуть ли не в 6 км на запад. Оно скрыто зеленью садов. На самом городище пустынно. Могучая река подошла к нему вплотную. Размыв и обрушения высокого берега Ахсыкента не раз отмечались историческими источниками. И сейчас каждый год под обрыв на несколько десятков метров в воды

Сырдарьи время от времени с шумом рушатся огромные массы земли. Мы отмечаем, что площадь цитадели смыта по крайней мере на $\frac{2}{3}$ первоначальной величины. Размывается и прилежащая с востока площадь городища. Это легко прослеживается по восточной стене с башнями. В откосах культурных слоев торчит немало соблазнительных фрагментов, но я решительно запрещаю «охотиться» за ними. Риск сорваться вниз, разбиться и утонуть слишком велик. В натуре очень наглядно оживает оставленное Бабуром описание гибели в XV в. его отца Омаршейха, увлеченного здесь обвалом вместе с голубятней в Сырдарью.

Отмечаем, что на городище очень мало черепков предшествующего арабскому завоеванию периода. На поверхности в основном материал XII — начала XIII вв. На цитадели и в непосредственной близости к ней подбираем керамику XV в. Ясно, что тут тогда находился дворец тимуридов, но на городище жизни не было ни в то время, ни позднее.

Спускаемся на прилежащую с восточной стороны площадь. Она теперь овражистая. Это позволяет видеть культурные слои на большую глубину, иногда даже до 7 метров. Вот в одном таком месте на глубине 3 м сброс керамической обжигательной печи. Неподдалеку мне попадает масса глиняных тиглей, мелких железных криц и шлаков, разрушившееся стекло и датирующая их медная монета XI в. Несколько далее проступают кладки из жженого кирпича с многослойной алебастровой штукатуркой. Слоев в разных местах от 25 до 50. Это остатки средневековой, не одно столетие функционировавшей бани. Еще дальше следы кирпичеобжигательной печи на глубине 4,5 м. На дне оврага тут же валяется глыба спекшегося шлака и бракованных кирпичей. В другом овраге натываюсь на брак ртутных сосудиков — симоб кузача. Всюду поражает обилие продолговатых жженных кирпичей XI—XII вв. Несомненно, здесь располагалась ремесленная часть средневекового города, замершая после монгольского завоевания. А дальше за воротами признаки старых свалочных мест: селитроносные слои попеременно с костями животных, домашней утварью и прочим мусором.

В одном большом овраге прослеживается вся история, связанная с деятельностью человека. Он первоначально являл собой ров, образовавшийся от выемки земли для

устройства городской стены. Затем в средние века был частично заполнен разной свалкой. Потом пропускавшаяся из арыка вода пробилась в нем новое, более узкое русло.

Не менее интересную картину наблюдаем на территории к западу от цитадели. Здесь очень мало керамики XI—XII вв. Зато в изобилии попадаются более древние материалы: зернотерки, глиняные фигурки коньков, плоскобокие мустахары. Т. Г. Оболдуева собрала немало фрагментов грубой расписной керамики. Безусловно, эта площадь задолго до арабского завоевания была занята поселением. Оно имело даже какое-то свое окружение стенами. Следы какого-то опавшего вала и даже одна угловатая башня сохранились с северной и западной сторон.

Увлеченные столькими важными, совершенно новыми, не отмечавшимися нашими предшественниками наблюдениями, мы только в глубоких сумерках покидаем обширные руины средневековой столицы и останавливаемся для ночевки на базаре Шаханда.

Путру двое из нас признаются, что им снилось городище Ахсыкент, оставившее неизгладимое впечатление своими грандиозными размерами, действительно столичными масштабами. Прежде, чем опуститься для переправы к Дарье, снова заезжаем на него, снимаем несколько фото и захватываем кое-какие громоздкие, не взятые вчера объекты. Среди них — огромных размеров жженный кирпич.

Вся намеченная программа работ выполнена и даже с лихвой. Через пески, селение Урганчи добираемся до Канибадама. А завтра — на Ташкент.

В Канибадаме останавливаемся на ночевку в знакомом уже нам колхозном дворе. Прошло два месяца и четыре дня с тех пор, как машина нашей экспедиции на пути следования вдоль трассы БФК останавливалась здесь впервые. Тогда тут все жило напряжением предстоящей стройки гигантского русла канала. Все говорили главным образом об этом в настоящем и будущем времени.

Живой интерес к БФК не ослаб и теперь. На обширном колхозном дворе разговоры и сегодня в основном идут о создании инженерных сооружений, о пуске воды, о предстоящих после этого больших переменах в жизни Ферганы, о невиданно большом всенародном тое, который следует устроить по завершению строительства.

Уже подведены некоторые большие и малые, перво-степенной важности и частные итоги по БФК. Каждому имевшему отношение к его созданию лестно ощущать в получившихся цифрах долю своего участия. Даже обслуживающему нас таджику-чайханчи.

Центр Канибадама залит электричеством. От этого еще гуще кажется темнота последней осенней ночи, которую мы все вместе проводим в экспедиции. Все мы устали. Все не прочь отдохнуть после полевой обстановки в условиях домашнего уюта. И всем немножко грустновато.

«А грустный какой-то сегодня вечер», — замечает Т. Г. Оболдуева.

«Эх, да если бы от меня зависело, — через полчаса говорит мне с глазу на глаз скрытый, вообще малообщительный и первое время особнячком державшийся наш шофер Михаил Александрович, — да я бы еще полгода, да что полгода — полжизни, всю жизнь ездил бы с вами по Бефекам! Я такой. Я могу. Понравились вы мне и все тут. А Ужегов не подведет! Нет. Полюбил я вас и всю эту археологию. Что мне Ташкент? Вот деньги отдать жене — и все. Я такой человек. Мне верить можно. И машина всегда будет в исправности. И дисциплина в порядке. Так я говорю, Михаил Евгеньевич?» — несколько расстерянно, боясь, что запутался от необычной многословной тирады, сконфуженно заканчивает свое сокровенное признание Ужегов.

«Так, так, Михаил Александрович! — отвечаю ему я, по тону понимая больше, чем из слов, что думает и переживает сейчас молодчинище-шофер, за всю экспедицию не допустивший ни одного простоя, ни одного опоздания, ни одной аварии. — Ну, а с вами мы еще поработаем, поедем».

«Просьба к вам одна, Михаил Евгеньевич, — снова обращается ко мне Ужегов. — Запишите мне на память те слова нашей песни, что про меня сочинили».

«Извольте. Сейчас», — с готовностью откликаюсь я и вынимаю полевой дневник.

Через несколько минут вручаю Михаилу Александровичу текст песни.

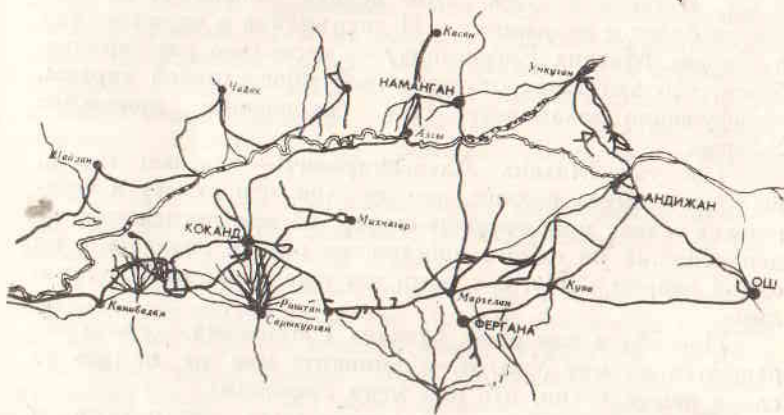
Дороги здесь бывают —
Что дыбом волоса!
Но Миша дело знает —
И делал чудеса.

Арык проедет просто,
Ухаб — перепорхнет
И на любом безмостье
Машину проведет.
Тра-та-та, тра-та-та!
Все четыре колеса!
Тормоза и тяги,
Спереди и сзади,
Грузовик трещит по швам,
Хоть у нас он и не хлам.

Довольный Ужегов разглаживает листик бумаги из полевого дневника.

«Ну, а теперь спать — говорю я ему. — Завтра выезд в 6 часов. Спокойной ночи!»

Бодрящий предрассветный ветерок из ущелья поднимает нас всех почти одновременно. Чайхана еще не работает, но услужливый чайханчи вскипятил специально для нас воду в большом кумгане. Легкий завтрак, и мы движемся по большой дороге «домой».

Маршруты, осуществленные экспедицией археологического надзора на строительстве БФК в 1939 г.

Делаем кратковременную остановку в Ходженде. Узнаем, что археолог В. Р. Чейлытко так и не приехал на БФК из Сталинабада, будучи задержан приемом дел музея. Вместо него наблюдателем на участках трассы в пределах Таджикской ССР был назначен какой-то слу-

чайный человек. С нами он не связался. Как нам говорят сотрудники Ходжендского музея, ничего интересного он как будто во время строительства не выявил.

Прощаемся с «музейцами» и покидаем Ходженд.

В третий раз за последние три дня переправляемся мы через Сырдарью. От раскаленного солнцем высыхающего напротив каменного массива хребта Моголтау пахнуло жаром. У дороги на склоне гор проезжаем мимо трех разграбленных уже в древности «мугташей» — небольших сложенных из камня курганных погребений около начала нашей эры. Через шесть с половиной километров пути попадаем в Моголтауское ущелье Чарыкдарон или Тюе-базган. Еще четыреста метров, и я задерживаю машину у покрытых пустынным загаром крутых, чуть не отвесных скал. Рядом с ними штабеля недавно отбитых камней. Их ломают на строительство по четыре рубля с куба, как сообщает нам пожилой каменотес, глава артели. Но не это интересует меня. Я беспокоюсь за сохранность древних высеченных на скалах надписей и рисунков, открытых мной еще в 1929 году. Говорю по этому поводу с рабочими. Прошу обходить такие места и не закладывать в них карьеров. Вместе начинаем искать надписи. Никто из артели даже не подозревал об их существовании. Но где же все-таки они?

«Не должно, чтобы мы их разбили, не заметивши», — забеспокоился артельный бригадир.

«Уже вижу, — вскорее отзываюсь я с облегчением, — вон они там».

Главная надпись цела. Вглядываюсь в нее пристально. Иные, чем в 1929 году, условия освещения сразу позволяют понять, что слово, обозначающее число сотен, дает сотый год. Существенная поправка к моему старому чтению.

«Что здесь написано? По-каковски? Давно, видно: вишь как потемнело», — уже как опытный специалист по каменному делу заговаривает бригадир.

«Надпись старая, — разъясняю я своей случайной, но очень внимательной небольшой аудитории. — Еще первых лет арабского завоевания Средней Азии. Время тогда было беспокойное. И позднее, в X в., купцы побаивались двигаться здесь с караванами по ночам. Опасались нападения с гор кочевых тюрок — карлуков. А до того было еще тревожнее. Отряды арабских войск то и дело должны бы-

лы выступать в поход против поднимавших восстание местных жителей — согдийцев и тюрок. Об одном из таких военных предприятий и сохраняет память эта надпись. Буквы ее арабские, а почерк «куфический». Две первые молитвенные строчки арабские, взяты из Корана. А дальше все написано по-таджикски.

«Помощь от Аллаха
и победа близка!
Мухаммед сын Ахмеда-гази
Из Шахристана.
Написал в год
Сто восемьдесят седьмой (хиджры)»

Если перевести на современное летосчисление, то будет 803 год. Важно для истории, что эта самая древняя надпись в Средней Азии на таджикском языке. Во главе отряда завоевателей-мусульман был поставлен таджик-шахристанец. Он, вероятно, принадлежал к той верхушке местного населения, которая вскоре же нашла общий язык с арабскими завоевателями, прекратила борьбу с ними и с их помощью стала эксплуатировать своих соплеменников-таджиков».

«А тут и другая надпись есть, только поменьше», — когда я замолкаю, раздается голос юноши-каменотеса Алеши.

«Это тоже интересная надпись, — говорю я, продвигаясь в ее сторону. — Через ущелье Чарыкдарон пролегает большая древняя торговая дорога. Ее охраняли. И в надписи упоминается один из начальников стоявшей здесь заставы. Текст целиком таджикский.

«Охранитель заставы Мухаммед Амин Сангин (каменный)»

Год
«в семь
стараний» написал.

В словах «в семь стараний» зашифрована дата, когда высекали надпись. Каждая буква их означает число. Если сложить эти цифры, то получится 696 год хиджры, а по современному летосчислению 1296/7 год. Такая зашифрованная словами дата называется «та'рих».

«Товарищ профессор! Да тут и картинки есть», — сно-

ва раздается голос все того же любознательного молодого каменотеса. — Коза дикая бежит, за нею козленок, а в них человек из лука целит».

«Верно, Алеша. И не одна картинка. Вот слева вверху, погляди внимательнее, еще дикий козел высечен, только изображение плохо сохранилось. А под человеком еле заметен рисунок другого козла, высеченного почти прямыми линиями. А на том далеком камне виден лук со стрелой, а сверху ладонь человеческая с растопыренными пальцами. Это все магические рисунки, сделанные тогда, когда люди верили, что этим они обеспечат себе удачную охоту. Да тут есть и еще вырезанные на камнях надписи. Их оставили разные проезжавшие по ущелью лица: Мухаммед Бухари, Мухаммед бен Зияд, Абубекр бен Зияд и другие. Один хан какой-то велел вырезать свое имя, да вот скала раскололась и кусочки разлетелись в разные стороны. Может быть, и вы невзначай заложили два-три из них с частью текста в свои штабеля. Теперь остались только концевые слова трех строчек, и узнать, что было написано, нельзя».

Пока я зарисовываю очертания букв одной из надписей, каменотесы задумчиво глядят на них, на рисунки. Проводят по ним время от времени заскорузлыми от тяжелой работы пальцами. О чем-то переговариваются между собой и с нашим шофером.

«Так вы не сомневайтесь, товарищ профессор, насчет этих надписей, — видя, что я встал и собираюсь уходить, заговорил бригадир артели. — Все ясно. Мы их трогать не будем. Кругом скал сколь хошь. А науке мы поперек дороги не станем».

«Спасибо, товарищи! — пожимаю я всем каменотесам руки. — Скалы-то эти для науки очень интересные. Рисунки и надписи тут вместе. А две надписи с точными годами. Значит, те рисунки, что светлее датированных надписей, моложе их по времени. А которые больше «загорели», стали темнее букв — те много старше. Для изучения, когда появились те или иные наскальные рисунки, это очень важно. Понятно?»

«Понятно, понятно», — отвечают сразу несколько голов.

Прощаемся. Машина трогает. Каменотесы возвращаются к своим шалашам. А мы через несколько часов к ночи благополучно добираемся до Ташкента. Полевые

работы экспедиции археологического надзора на БФК закончились. Смотрю на показание счетчика: наша машина сделала 5.200 км. За время работ я шесть раз совершил сквозной проезд по трассе. Сколько же десятков тысяч километров отшагали по трассе и маршрутам 33 сотрудника нашей экспедиции?

* * *

Прошло несколько месяцев.

Дело успешно движется вперед. В процессе занятий в книгохранилищах Ленинграда и Москвы мне удается добавить к ранее собранным сведениям о прошлом Ферганы немало новых выписок из первоисточников и научной литературы. Мой двухчасовой доклад о результатах работ экспедиции на БФК, сделанный на заседании среднеазиатского сектора Института истории материальной культуры под председательством профессора А. Ю. Якубовского, вызывает к себе интерес и привлекает внимание не одних специалистов по Средней Азии. Резюме его опубликовано потом в «Кратких сообщениях» ИИМК в апреле 1940 г. В Ташкенте успешно движется камеральная обработка. При Узбекском филиале Академии наук СССР удается получить помещение на первом этаже, оборудовать его полками, завезти шкафы и столы. Дошедший благополучно вещевой материал весь распакован. Он почищен, зашифрован, разложен на лотки, систематизирован, частично реставрирован и описывается. Наиболее интересные объекты переданы на временную экспозицию в Музей истории. В шкафу помещены выполненные набело чертежи, перебитые на ватман и кальку эстампажи. Стопочками уложены коробки с негативами и фотоотпечатками. Старшие сотрудники пишут сводные отчеты по отрядам. Готовим первый сборник трудов «Археологического надзора на БФК». Пятеро участников экспедиции правительством УзССР награждены значком БФК.

Над нашей комнатой на втором этаже рабочее помещение ботанического института. Занимавшиеся там вечером сотрудники как-то оставили невыключенным электрический чайник. Ночью вспыхнул пожар. Его замечают не сразу. Огонь прожигает потолок и врывается в археологическое помещение. Пламя начинает полыхать между тесно стоящими полками и шкафами. Наутро помещение

представляло собой печальное зрелище: сгорело все, что могло сгореть.

Один из участников экспедиции в те дни встречает меня на улице произнесенными минорным тоном словами из «Книги побед» Шерешед-дина, приведенными на скоростную смерть Тимура:

«Что же, Михаил Евгеньевич,— «все прошло, как будто ничего не бывало».

«Это вы о чем?»— спрашиваю его я, целиком поглощенный подготовкой многоотрядной Самаркандской археологической экспедиции.

«О БФК»,— отвечает он.

«Насколько я знаю, там все более или менее закончено. Главное, вода пошла»,— недоумеваю я.

«Да я не о самом канале,— отнекивается он,— а об археологическом надзоре на нем. Работали — работали, и все впустую. Пожар уничтожил материалы, УзФАН — упразднил тему. Напрасный труд. Потерянное время. Зря истраченные средства. Через два—три года и память об этом бесследно канет в вечность. Печально — но факт. С этим вы не можете не согласиться».

«Да вы что?»— поняв, в чем дело, накинулся я на него.— Откуда у историка могут быть такие панихидные мысли? Полученные-то результаты вовсе не проходят и не пройдут бесследно для науки, как вам кажется.

Пожар — досадное бедствие. Досадное особенно потому, что вызван он недобросовестностью самих же научных работников. Но он не уничтожил даже всех археологических объектов. Погиб большой массовый материал — это верно. Но лучшие уникальные вещи хранятся в Музее истории. Многие негативы были в Узкомстарисе и они налицо. Подлинные дневники и некоторые чертежи в день пожара были у сотрудников на дому. Они тоже целы. Живы и все участники экспедиции. Это уже немало.

И о какой «бесследности» может быть речь?

Что знали мы до революции о прошлом Ферганы? «Древняя история Ферганы,— писал тогда В. Г. Котельников,— оставила мало следов и в тех исторических памятниках седой старины, немой язык которых с таким искусством научились понимать современные историки». Был и наш грех — слабо занимались мы до сих пор прошлым Ферганы.

А сейчас разве положение не изменилось? Памятников

материальной культуры в Фергане-то, оказывается, масса. Могли ли мы мечтать о получении археологического разреза через всю Ферганскую долину в 265 км протяжением? А теперь мы его имеем и использовали.

Разве стояла в перспективном плане ближайших лет какая-нибудь ферганская археологическая экспедиция? А теперь рекогносцировки прилежащих к трассе участков и густая сетка маршрутов превратили археологический надзор на БФК по существу в целый ряд разведочных экспедиций или, если хотите, в крупную комплексную археологическую экспедицию на обширной территории.

Разве может пройти бесследно то, что мы впервые одновременно большим коллективом видели остатки доброй половины из числа 70-ти «даванских городов», о которых раньше знали только по упоминаниям китайских хроник, и положили начало археолого-топографическому изучению на месте свыше десятка феодальных ферганских городских центров, некоторые из них даже установив впервые же?

Разве не обогатилась наука массой конкретных фактов от того, что нами впервые был собран, пусть частично исчезнувший затем, обильнейший и разнообразнейший вещевой материал с огромным диапазоном охвата во времени от кремневых орудий до инвентаря эпохи последнего ханства?

Нет, никогда еще прошлое Ферганы не было изучено так широко и так разносторонне.

В результате работ нашей экспедиции выявлены и сопоставлены впервые комплексы ее памятников материальной культуры различных периодов, впервые же выяснено своеобразие их облика, и Фергана обоснованно выделена в особую культурно-историческую провинцию Средней Азии. Ряд комплексов археологических объектов удалось уточненно датировать. Это способствовало лучшему пониманию процесса развития здесь общества.

А была ли до БФК периодизация истории Ферганы? Теперь она есть, причем эта проблема была решена по-новому, в свете учения об общественно-экономических формациях. Она сразу внедрилась в научный обиход, даже незаметно для вас самих.

Кто знал до строительства БФК, что развитая сложнейшая ирригационная система уже функционировала в Фергане в пору рабовладельческого общества? Не БФК ли дал возможность поставить и решить ряд вопросов о

прохождении процессов колебания уровня грунтовых вод, заболачивания почвы и наступления песков на оазисы?

Вы недооцениваете, вероятно, установления нами тесной связи всех этих феноменов с явлениями социального развития и деятельностью здесь человеческого общества. Между тем, это так интересно и красноречиво убедительно. Кризис рабовладельческой формации III—IV вв. не мог не сказаться на всем водном хозяйстве страны, и мы видим в центре Ферганы в полосе пустыни замирание городов. Они остаются без воды в хвостовых частях сложной ирригационной системы и обречены на постепенное занесение песком. В ряде других мест отмечается заболачивание из-за нарушения регулирования подачи воды в арыки и ее своевременного сброса. В XIII в. проводившаяся хорезмшахом Мухаммедом перед сдачей Ферганы найманскому хану Кучлуку политика «опустошенной земли», а затем и монгольское завоевание снова надолго вывели из строя систему орошения — и мы видим вторичное крупное заболачивание. Аналогичные явления зарегистрированы нами в некоторых пунктах трассы, характерные для времени социального, политического и экономического кризиса XVIII столетия.

Подытоживаю: до 1939 года мы вообще мало что знали о прошлом «житницы» узбекского хлопководства — теперь мы знаем Фергану в археологическом отношении достаточно хорошо, чтобы наметить четкие перспективы в планах будущих исследовательских работ на ее территории.

Наконец, экспедиция археологического надзора на БФК оправдала себя и с точки зрения методической. В условиях новостройки «подглядывать из-под кетменя колхозников», оказывается, можно и должно. Накопленный нами опыт не исчезнет бесследно. Молодой археолог А. Н. Бернштам пишет мне, что он собирает его использовать в Киргизской ССР на строительстве Большого Чуйского канала.

Ну? Убедились вы, что о «бесплодности» и «бесследности» не может быть и речи?

Была проделана большая научная работа и проделана хорошо. А то, что доброкачественно, — то прочно.

Подбодритесь-ка и подготовьтесь к поездке со мной в новую экспедицию. Будем заниматься эпохой Навои».

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Рождение среднеазиатского археолога	9
Археологическая разведка Главного среднеазиатского музея в Тойтубе под Ташкентом в 1928 г.	26
Археологическая разведка Айрытама на берегу Аму-Дарьи в 1933 г.	52
Археолог на строительстве Большого Ферганского канала в 1939 г.	88

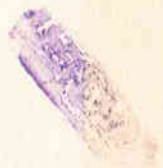
Михаил Евгеньевич Массон

ВОСПОМИНАНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО АРХЕОЛОГА

Редактор *А. Еремеева*
Художник *Т. Редкина*
Художественный редактор *М. Рейх*
Технический редактор *Э. Саидов*
Корректор *Е. Лазарюк*

Сдано в набор 12/XI—75 г. Подписано к печати 14/VII-76 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,04. Тираж 2000. Р.09585. Издательство
литературы и искусства им. Гафура Гуляма, Ташкент, ул. Навои, 30.
Договор № 74-75

Отпечатано в типографии № 1 Государственного комитета Совета Министров
УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. На бумаге № 1.
Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ № 844. Цена 1 р.

18

К древнейшим памятникам
иначе как с благоговением
относиться нельзя. В против-
ном случае ничто не спасет
тебя, и содеянное тобой не
оправдает ни ссылка на безу-
мие, ни невежество, или хотя
бы недостаточный уровень
культуры.

М. Е. Массон.

